



Александр Владимирович ГОРДОН
ПАДЕНИЕ ЖИРОНДИСТОВ

М.: Наука. 1988

Подготовили к веб-публикации: *Eleonore* и редакторы библиотеки *Vive Liberta Л., Э.Пашковский, М.Воронин*, 2005. Тематически связанные материалы можно читать в нашей библиотеке.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение
Революция в опасности
“Поход на Конвент”
Победа без победителя
Заключение
Примечания

Введение

31 мая - 2 июня 1793 г. явились кульминацией Великой французской революции. Если эту революцию по справедливости принято считать вехой в истории нового времени, то в самой революции лишь несколько событий можно поставить в ряд с победоносным антижирондистским восстанием. Покончив с господством крупной буржуазии, оно открыло дорогу революционно-демократической диктатуре, вошедшей в советскую историографию с именем якобинцев, стало первым актом ее установления.

То была “революция в революции”. Спустя четыре года после взятия Бастилии и девять с небольшим месяцев после штурма Тюильри, покончившего с монархией, народ Парижа снова поднялся, но уже не против политической системы старого, феодального порядка был

направлен его удар. Восставшие парижане добивались, чтобы завоеванная республика не превратилась во всевластие буржуазной верхушки третьего сословия, чтобы революция не стала лишь средством возвышения нового эксплуататорского класса. При всей условности такого понятия для общества XVIII в. можно сказать, что повстанцы - “люди 31 мая - 2 июня” - боролись за народную республику. Антибуржуазные устремления сближают их с участниками июньского восстания 1848 г., с коммунарами 1871 г.

Антижирондистское восстание стало началом кратковременного, но знаменательного поворота революции против наиболее могущественных и представительных слоев буржуазии, против тех политических группировок, что вступили в революцию, добиваясь установления неограниченного буржуазного господства. За четыре года произошло радикальное размежевание внутри сословия непривилегированных, которое вершило революцию. Буржуазная верхушка третьего сословия оставила лишь за собой право “стать всем”; ей противостояли низы, с этим не примирившиеся. Последние еще не представляли класса, а были именно “народом”, “четвертым сословием”, объединявшим и неимущих и собственников. Широко распространенное в документах эпохи понятие “рабочие” означало не только людей, живущих продажей собственного труда, но гораздо чаще самостоятельных ремесленников. Даже хозяева мастерских, на которых работали по несколько десятков подмастерьев и учеников, еще с гордостью носили свои рабочие звания - “плотник”, “слесарь”, “столяр”. И отнюдь не всех владельцев средств производства в то время называли “буржуа”, а лишь тех, кто не работал своими руками, чья собственность уже наследственно, в ряде поколений, отделилась от собственного труда. То были различные финансисты, рантье, купцы-негоцианты. Именно в представителях торговой буржуазии да еще, пожалуй, в скупщиках национальных имуществ, конфискованной у церкви земли, и капиталистических фермерах городские низы в 1793 г. видели своих наиболее опасных врагов, связывая с их деятельностью дороговизну и нехватку предметов первой необходимости.

Происшедшее в 1792-1793 гг. резкое вздорожание продуктов питания и других товаров широкого потребления воспринималось городскими низами как следствие прежде всего спекуляции, а она - как самый жестокий вид эксплуатации. В стремлении ликвидировать спекуляцию городские низы и деревенская беднота уповали на государственную регламентацию, на вмешательство революционной власти в торговлю и всю сферу распределения. Но для этого следовало вначале вырвать управление страной из рук жирондистов, сопротивление которых введению максимума цен на предметы первой необходимости сделало их в сознании парижского плебейства защитниками богачей и спекулянтов, социальными врагами. Борьба за устранение жирондистов из Конвента представлялась “социальным 10-м августа”, т.е. продолжением штурма королевского дворца и вместе с тем преобразованием антироялистского натиска в штурм экономических позиций крупной буржуазии.

В глазах народа антижирондистская борьба становилась и патриотическим продолжением 10 августа 1792 г. Людовик XVI был свергнут за пособничество антифранцузской коалиции и казнен как враг и предатель нации. С первых дней Великой французской революции национальная идея и идея революции как бы слились. Лозунг “Да здравствует Нация!” означал “Да здравствует революция!”, так же как “Отечество в опасности!” означало “Революция в опасности!”. Понятие “Нация” распространялось тогда далеко не на всех французов, для монархистов оно было ненавистным. В гражданской войне 1793 г. оно стало паролем, лозунгом - мятежники Вандеи жестоко расправлялись с теми, кто оставался ему верен. Но и с контрреволюционерами беспощадно расправлялись как с врагами нации, ибо в народном сознании враги революции отождествлялись с предателями. В восприятии демократических сил Парижа жирондисты все более ассоциировались с теми слоями буржуазии, которые переходили весной 1793 г. в лагерь контрреволюции. Это в конце концов решило и судьбу всей политической группировки, и личные судьбы этих выдающихся деятелей буржуазии, основателей Первой республики.

Антижирондистское восстание дало редкий для народных движений допролетарской эпохи пример массовой вооруженной демонстрации. Инициатива и самодеятельность масс обрели здесь развитые формы организации. Выступление было подготовлено и возглавлено революционным органом, выдвинувшимся из народной среды и опиравшимся на демократическую систему местного самоуправления (секции). Ее создание явилось одним из завоеваний первых лет революции, важным шагом демократизации административной системы. В Париже Коммуна в лице Генерального совета стала полномочным представителем народа, но не меньшей властью в пределах своей территории обладали ее части - секции, их общие собрания.

В 1790-1795 гг. Париж делился на 48 секций, более или менее соответствовавших сложившемуся районированию столицы, историческим кварталам города. В секциях регистрировали гражданские акты, они отвечали за поддержание общественного порядка, следили за дорогами и санитарным состоянием своей территории - одним словом, выполняли все, что требовалось от муниципальных органов. Но с лета 1792 г. секции Парижа становятся политическими органами, институтами, через которые народ осуществлял свое нарастающее вмешательство в политику. Именно благодаря секциям, в первую очередь, это вмешательство обрело специфическую, отличающую Великую французскую революцию от других буржуазных революций черту.

Важнейшей предпосылкой политизации секций было упразднение ими явочным порядком закрепленного Конституцией 1791 г. деления на “активных”, имущих и потому полноправных, и “пассивных”, неимущих и неполноправных, граждан. С ликвидацией этого имущественного ценза парижские секции “санкюлотизировались”, сделавшись в большинстве своем органами господства санкюлотов, т.е. малоимущих и неимущих

слоев городского населения. Тем же явочным порядком секции стали созывать общие собрания граждан по своей инициативе, что, по словам Н.И.Кареева, превратило Париж в “огромный клуб”¹. Вначале самочинно в секциях возникают революционные комитеты, которые брали на себя политические функции борьбы с контрреволюционерами. Наконец, после разгрома 10 августа 1792 г. королевской гвардии секции оказались единственной военной силой в городе, поскольку национальная гвардия создавалась на секционной основе: каждая секция формировала свой батальон, избирала командиров, запасалась оружием, включая несколько пушек, поддерживала самую тесную связь со своими гвардейцами.

Секционная организация в 1792-1793 гг. - это инфраструктура и политических выступлений парижских санкюлотов, и социальных движений, прежде всего - за установление максимума цен. Есть основания говорить о собственно секционном движении, ибо расширение функций и превращение секций в политические органы явилось следствием саморазвития, обусловленного в конечном счете стремлением городских низов играть политическую роль. Но не будем забывать - как уже возникшая организационная форма - секционное движение могло быть наполнено различным социальным содержанием. В Париже летом 1792 г. сложилось демократическое большинство, чьи позиции оставались революционными вплоть до его раскола во время термидорианского переворота. Между тем в других крупных городах - в Лионе, в Марселе в 1793 г. - контрреволюционные перевороты происходили как выступления большинства секций, в которых господство захватила крупная буржуазия, против демократических городских властей.

Повсеместно в революционной Франции секции становились важным политическим органом, но далеко не везде оплотом революционной демократии. Говоря далее о секционном движении, будем иметь в виду главным образом такой политический феномен, как демократическое большинство парижских секций. В советской историографии в настоящее время существуют различные точки зрения на роль секционного движения в установлении революционно-демократической диктатуры. А.З.Манфред видел в парижских секциях опору якобинской власти - мощную и надежную. Для В.Г.Ревуненкова секционное движение представляет альтернативу ей, зародыш революционной диктатуры иного, отличного от якобинской диктатуры типа. Наконец, В.С.Алексеев-Попов рассматривал якобинскую диктатуру как развитие основ политического порядка, складывавшихся в секционном движении еще до установления якобинской власти². Его точка зрения кажется мне недопонятой и недооцененной³.

Действительно, именно в деятельности самых близких к массам органов власти впервые выявились те формы господства низов, опиравшихся не на конституционный закон и установленный правопорядок, а на силу, на инициативу, на волю к продолжению революционных преобразований, которые закрепились затем - в той или иной мере - в политической системе якобинской диктатуры, в так называемом революционном, т.е. чрезвычайном (неконституционном)

порядке управления. Такое закрепление было крайне противоречиво: государственная власть подчинялась требованиям секционного движения (максимум, регламентация сферы обращения и распределения, “террор - в повестку дня!”) и одновременно - все более жестко подчиняла секции своему диктату.

Якобинизм, для многих поколений во Франции, в России и других странах бывший образцом революционного демократизма, выковывался не только в революционном парламенте, где якобинская Гора вела многомесячные ораторские поединки с Жирондой. Его нельзя всецело отождествлять даже с Якобинским клубом. В якобинизме есть отпечаток плебейского происхождения; у “плебейского якобинизма”⁴ была секционная “прописка”. Максимилиан Робеспьер и его сподвижники стали революционными демократами, “якобинцами с народом”, по выражению В.И.Ленина⁵, только присоединившись к народному движению и возглавив борьбу масс против их врагов, врагов революции. Но отношение Робеспьера, Марата и других якобинских вождей к народному движению, и в первую очередь к его авангарду - парижским секциям, было двойственным, пример чему события весны 1793 г. Народное восстание не состоялось бы, если бы не было призыва якобинских лидеров, если бы те не поддержали инициативу активистов демократического большинства парижских секций. Поэтому восстание 31 мая - 2 июня можно назвать не только антижирондистским, но и якобинским, тем более что активисты демократических секций были по преимуществу “якобинизированными санкюлотами”, т.е. находились под идейно-политическим влиянием Якобинского клуба и его лидеров. И вместе с тем нельзя утверждать, что восстание всецело отвечало замыслам последних, произошло по их воле и т.д. Не случайно они несколько месяцев колебались, и эти колебания отразились на ходе уже начавшегося восстания, поставив под угрозу его победу.

У Робеспьера, Марата и их сподвижников не оказалось иной возможности покончить с жирондистской гегемонией, кроме как довериться вожакам парижских секций, опереться на последние. Но это и страшило якобинских лидеров, поскольку секции могли не ограничиться устранением жирондистов из Конвента. Сам Конвент своими распрями и неспособностью к революционным мерам, которые диктовала обстановка и устремления масс, значительно дискредитировал себя в глазах последних, особенно в Париже. А наиболее радикальные секционные активисты не скрывали желания заменить его опирающимся непосредственно на парижские секции, на вооруженный народ Парижа высшим революционным органом - прообраз Центрального комитета национальной гвардии, первого правительства Парижской Коммуны⁶.

Конечно, якобинские лидеры понимали, что роспуск национального представительства усугубит неблагоприятную реакцию в провинции на устранение жирондистов. Они не желали испытывать судьбу и рисковать своим положением в высшем органе власти. До конца мая у них оставалась надежда на завоевание поддержки большинства Конвента. Но Болото

опасалось смены жирондистской гегемонии якобинской и сопротивлялось нажиму секций, их неоднократным и недвусмысленным демаршам. Не поддалось Болото и 31 мая; “морального восстания”, которым думали ограничиться якобинские лидеры, не получилось. Должен был состояться “поход на Конвент” 2 июня. Лишь готовность повстанческого руководства к физическому устранению жирондистов из Конвента и прямая угроза роспуска последнего вооруженными секциями возымели действие. Не та линия, которую отстаивали якобинские лидеры и особенно активно в ходе восстания руководство Коммуны, решила успех дела. Восстание должно было пойти значительно дальше намеченного в их планах.

То была не стихия, а выражение другой тактической линии, проявление другой сознательной воли. “Сила обстоятельств”⁷, на которую указывали вожди якобинской диктатуры, когда приходилось прибегать к радикальным мерам, чей смысл не укладывался в рамки господствовавших идейных систем, персонифицировалась в конкретных человеческих образах. Судьбу антижирондистского восстания определила позиция актива парижских секций. Эта была не только якобинизированная часть санкюлотов, но и “санкюлотизированная” часть якобинства, а наиболее радикальные из них непосредственно представляли плебейское ядро “санкюлотерии”, в той небольшой мере, разумеется, в какой можно говорить об его обособлении.

Что характеризовало активистов демократического большинства парижских секций? Во-первых, их можно назвать профессиональными революционерами, настоящими кадрами народного движения. Они участвовали в важнейших событиях революции и неизменно по одну сторону баррикад - против роялистов и фейянов, жирондистов и “умеренных”, против спекулянтов и барышников. Выжившие в политической драме, эти люди оказались в рядах бабувистов. Во-вторых, то была наиболее сознательная часть санкюлотов. Ушли к IV году Свободы, как значился 1793 год в революционном календаре, на задний план те герои толпы, которые выделялись из нее лишь яростью и удалью. Чтобы завоевать прочный авторитет в секциях, нужно было разбираться в политической обстановке, чутко улавливать настроение масс, уметь выражать их устремления. Как правило, секционные активисты 1792-1793 гг. были ораторами в своих кварталах⁸. Завоевая поддержку в секционных собраниях - высший в тот период орган власти на местах - они увлекали слушателей убедительной логикой, находили популярные лозунги. Надо помнить, что слушатели за годы революции тоже стали искушенными и в политике, и в красноречии. И рядовым санкюлотам случалось порой посещать заседания Конвента⁹, бывали они в Якобинском клубе и многочисленных народных обществах, внимали тем жарким спорам, которыми были буквально наэлектризованы центральные площади и скверы столицы. В самих секциях выступали ораторы Конвента и Якобинского клуба, руководители Парижской коммуны. Из активистов секции Французского театра (затем Марсея) вышли Дантон, Демулен, Шометт, из секции Гравилье - депутат Конвента Леонар Бурдон.

Весной 1793 г. наиболее яркой фигурой среди секционных активистов, несомненно, был Жан Варле. Его отличали острое политическое сознание и развитое мышление, систематическое образование, позволявшее ему четко аргументировать свои мысли. Под стать ему были другие так называемые “бешеные” Жак Ру или Т.Леклерк, о политических способностях которых историк может уверенно судить по оставленным ими сочинениям. Отнюдь не мыслителями, а людьми дела зарекомендовали себя заместители председателя влиятельной секции Сите Станислав Майяр, по прозвищу Крепкий кулак, выдвинувшийся еще в 1789 г. при взятии Бастилии и как один из предводителей похода на Версаль¹⁰; командир канониров секции Финистера Клод Лазовский, герой 10 августа 1792 г.; участник всех этих событий Клод Фурнье, по прозвищу Американец, за которого политические документы составлял Бабеф. Впрочем, такое сотрудничество - тоже знаменательный факт. В одном из них Бабеф от имени Фурнье потребовал от Марата как Друга народа добиться, чтобы в повестку дня заседаний Конвента был поставлен вопрос о “благосостоянии неимущего класса”!¹¹ Большинство секционных активистов не оставило эпистолярного наследия, но можно ли на этом основании отказывать им в способностях к политическому мышлению и действию?¹²

Наконец, в-третьих. Активисты демократического большинства парижских секций были людьми различного социального происхождения и занятий. Социолог отнес бы многих из них к буржуазии; общественная деятельность требовала свободного времени, средств. Для историка важно, однако, что они выступали от лица господствовавшего с лета 1792 г. в этих секциях “неимущего класса” - и от действительно неимущего плебейства, но также - от тех, кто в условиях инфляции и дороговизны утрачивал возможность вести собственное хозяйство, сближаясь с ним, - и от тех, кто, столкнувшись с гигантским перераспределением богатств (скупка национальных имуществ - самый яркий пример) и созданием прямо па глазах огромных состояний, чувствовал себя и “бедняком”, и “неимущим”, и почти “пролетарием”.

Выражая интересы всего трудового населения Парижа, секционные активисты требовали, чтобы революция продолжалась и чтобы революционная власть повернулась лицом к “неимущему классу”. Жирондисты встали на пути этих устремлений. У них была своя программа - революция должна закончиться, должен установиться гражданский мир, а с ним Порядок, порядок, при котором преуспевание буржуазии обеспечит занятие рабочему, средства существования неимущим. Добиваясь устранения жирондистов, активисты демократических секций выражали свою враждебность и к вождьленному ими буржуазному порядку, к “аристократии богачей”.

* * *

Изложенные здесь мысли, сама книга - посильная дань признательности нескольким поколениям историков-предшественников.

Систематическое изучение места и роли парижских секций в Великой французской революции началось на рубеже нашего века. Первые же специальные труды Э.Мелье и Ф.Брэша привлекли внимание основателя русской школы историков революции Н.И.Кареева. Но еще до появления этих исследований цельная и самобытная концепция складывалась у П.А.Кропоткина. “Одних народных восстаний, более или менее успешных, - писал он, - еще мало, чтобы совершить революцию: нужно, чтобы эти восстания оставили в существующих учреждениях нечто новое, что дало бы возможность выработаться и упрочиться новым формам жизни”¹³. Среди новых учреждений Кропоткин выделил секции (и коммуны) не только как опору народного движения, политической активности и инициативы масс во время революции, но и как прообраз общественного самоуправления в будущем. Под непосредственным влиянием Кропоткина, но стремясь противопоставить ему свое объяснение, обратился к изучению парижских секций Кареев¹⁴.

После 1917 г. ученик Кареева Я.М.Захер соединил изучение секций с углубленным биографическим исследованием нескольких выдающихся деятелей секционного движения - “бешеных”. В том же направлении работали Н.П.Фрейберг, после войны - С.Л.Сытин, а также ученый ГДР Вальтер Марков и Р.Б.Роуз из Австралии. В.М.Далин изучал связи бабувистов с активом парижских секций. Новый поворот в историографии - появление труда Альбера Сосуля “Парижские секции II года”, в котором концепция самостоятельности - “автономности” - секционного движения была воссоздана с помощью огромного пласта архивных материалов¹⁵.

Предлагаемая читателю книга посвящена важнейшему эпизоду в революции¹⁶. Эпизод этот позволяет судить о роли секций - института, рожденного политическим разумом и волей масс, в истории одной из великих революций прошлого.

Революция в опасности

Непосредственным прологом антижирондистского восстания были события 9-10 марта 1793 г. Они разразились внезапно. Еще накануне в Париже было спокойно, насколько может быть спокойно в столице страны, переживающей революцию. Парижский люд, утомленный тяжелой зимой, безработицей и дороговизной, удрученный очередной неудачей движения за установление максимума цен на предметы первой необходимости, не проявлял стремления к активному политическому действию. Но в этот момент поползли еще неясные слухи о бедственном положении французских войск в Бельгии. На ход событий в столице постоянно воздействовали два фактора: положение с продовольствием и положение на фронтах. “Проникает коалиционная армия во Францию - это вызывает преобладание блуждающего нерва, - образно заметил Ф.Энгельс, - сердцебиение учащается, наступает революционный кризис”¹.

Больше года революционная Франция находилась в войне практически со всеми великими державами. Двинувших свои войска к ее границам

Пруссию и Австрию активно поддерживали Россия и Англия. Осенью 1792 г., мобилизовав силы под лозунгом “Отечество в опасности!”, республика справилась с первым натиском коалиции; армия перешла границу и заняла Бельгию. Весной 1793 г. кампания возобновилась, и тогда обнаружилась вся непрочность первых успехов. Старая генеральская верхушка не проявляла ни способностей, ни желаний воевать за республику. Армия была деморализована, офицеры и солдаты дезертировали. Сам командующий - талантливый и честолюбивый Дюмуре, в котором нередко видят несостоявшегося Наполеона, - вступил в тайные сношения с врагом.

Между тем господствовавшие в Конвенте жирондисты продолжали связывать с Дюмуре свои надежды: успешная экспансия, которую начал осуществлять генерал, помимо приращения территории, сулила, по их расчетам, ослабить напряженность внутри страны и создать условия для скорейшего завершения революции. Якобинцы не доверяли Дюмуре, но осознавали угрозу: за первыми неудачами новой кампании могут последовать окружение и разгром французской армии. Сваливая причины военных неудач друг на друга, жирондисты и якобинцы, по воспоминаниям Левассера из Сарты, прилагали общие усилия, чтобы “разжечь огонь из искр, высеченных слухами” о поражении в Бельгии.

Интересы революции требовали проведения новой мобилизации. 8 марта Конвент по инициативе монтаньяров обратился к парижанам с энергичным призывом оказать немедленную помощь армии и поддержать декретированный 23 февраля новый набор волонтеров для ее пополнения. 96 депутатов (по два на каждую секцию) должны были в тот вечер довести призыв до сведения собравшегося в секциях народа. Коммуна специальным воззванием поддержала призыв Конвента. Она решила объявить 9 марта днем массовой мобилизации. Черное знамя на башнях Нотр-Дам, призывная дробь барабанов, глашатаи, читающие на площадях декрет о наборе и воззвание Коммуны, - все это должно было внушить народу, что революционное отечество в опасности. И парижане, стяхнув оцепенение, откликнулись на призыв.

Одновременно и депутаты и делегаты секций передали Конвенту ряд настоятельных требований парижан, прежде всего - об учреждении революционного трибунала и введении военного налога на богатей. Монтаньяры, несмотря на яростное сопротивление жирондистов, не только поддержали, но и добились их принятия. Секции стремились решить социальные проблемы, в первую очередь улучшить материальное положение рабочих и ремесленников - “трудящейся массы суверена”, представителями которой гордо называли себя делегаты секции Кенз-Вен из Сент-Антуанского предместья, прославившегося участием во всех важнейших событиях революции. Буэн - будущий член Центрального революционного комитета, созданного 31 мая, - от имени секции Рынков потребовал, чтобы массам, несущим всю тяжесть патриотических усилий, была оказана немедленная помощь. Санкюлоты одолеют внешних врагов, законодатели должны спасти их от “прожорливости людоедов”², наживающихся на беде, - вот смысл его выступления.

“Уполномоченные народа, - с такими словами обратились к Конвенту делегаты секции Гравилье, - пора спасать Республику. Враги, особенно остервенело стремящиеся к ее гибели, это те, кто разоряет народ, доводит его до голода и отчаяния... Тот, кто не борется с преступлением, является его соучастником”. Народ удвоит мужество для спасения родины, когда Конвент всей предоставленной ему властью ополчится против “эгоистов-домовладельцев”, “корыстолюбцев”, у которых амбары полны зерна, когда он отменит декреты, “убивающие свободу, низвергающие нацию в бездну пороков и бедствий”. Речь шла, прежде всего, об отмене декрета, допускаящего хождение звонкой монеты, которое, по убеждению среди народа, обесценивало ассигнаты и вызывало этим дороговизну. В петиции было немало выражений, характерных для Жака Ру - одного из лидеров секции, вроде того, что свобода пока только “пустой звук”, что “нет свободы без хороших законов”, “нет равенства, когда один класс людей безнаказанно угнетает и предаёт другой” и т.д.³ Делегаты секции Гравилье заявили, что законодатели “должны сделать все для счастья” народа. От них ждут “законов, которые пойдут на пользу не правителям, а управляемым, не богачам, а трудящемуся и добродетельному классу общества”⁴.

Секция Гравилье, воспользовавшись представившейся возможностью, предлагала настоящую программу углубления революции в интересах трудящихся, которая как бы обобщала требования других демократических секций. В целом почва для их выдвижения была благодатной. Росла дороговизна, обострялась продовольственная нужда, и, как эхо, не прекращались слухи об угрозе волнений, подобных тем, что были 25-26 февраля, когда мелкий парижский люд под влиянием агитации Жака Ру и других идеологов плебейства попытался самочинно установить максимум цен, врываясь в лавки и принуждая торговцев отпускать товар по той цене, которую повстанцы считали справедливой. Сняв временно требование о максимуме, секции продолжали добиваться изъятия из оборота звонкой монеты и репрессивных мер против скупщиков. Социальная напряженность была велика - современники видели в ней причину замедления вербовки волонтеров накануне мартовских событий.

Естественно в таких условиях поражение на фронте должно было вызвать и вызвало новый подъем социальной борьбы. Радикально настроенные секционные активисты ставили вопрос о насущных интересах людей труда и о праве народа пользоваться плодами революции, совершаемой его усилиями и жертвами. Не все из них собирались ограничиться обращением к властям. На парижских улицах зазвучали призывы к новой революции, к ниспровержению засилия богатей. Образец такой агитации приведен в демократической газете: “Храбрые санкюлоты! Вы слишком долго страдали от аристократии богатей; равенство - химера, пока есть бедняки; у богатей сердце еще черствее, чем у дворян и священников. Вы отделались от этих двух классов; вам более ничего не остается, как схватить за горло зажиточных, которые презирают вас, подписывают контрреволюционные петиции”⁵. Главными представителями

новой аристократии, защитниками интересов всех этих скупщиков, крупных торговцев и “финансистов”, всех “злонамеренных капиталистов”, - одним словом, “богачей” - агитаторы начинают считать жирондистское большинство Конвента.

Еще во время движения 25-26 февраля (хотя в тот момент против максимума выступали и монтаньяры) “агитаторы... с особой яростью нападали на тех членов Конвента, которых теперь называют контрреволюционерами”, - писала жирондистская газета⁶. А секция Санкюлотов, где плебейские элементы были особенно активны, заявила в те дни, что “апеллянты”⁷ “потеряли ее доверие”⁸. С получением известий из Бельгии эти “агитаторы” - уличные ораторы, члены малоизвестных и неизвестных нам народных обществ, часть секционных активистов открыто добиваются устранения жирондистов из Конвента. Вперед выступило Общество защитников республики единой и неделимой, называвшее себя представителем 83 (84,5) департаментов⁹. Созданное в декабре 1792 г., оно было преемником того общества, которое существовало раньше и проявило себя в восстании 10 августа 1792 г. Возникновение обоих связано с прибытием в Париж накануне и после восстания военизированных отрядов добровольцев из провинции (так называемых федератов). Прибывшие в Париж осенью и зимой 1792/93 г., обработанные жирондистской пропагандой, федераты были уверены, как отмечал Бабеф, что “Конвент заседает под ножом убийц”¹⁰. В Париже, однако, под влиянием якобинцев и секций они быстро сменили свои убеждения. И вот часть “новообращенных” основала общество, нашедшее приют в одном из помещений Якобинского клуба и развернувшее зимой и весной 1793 г. энергичную деятельность в тесной связи с радикальными элементами парижских секций. Некоторые из активистов секций вошли в общество.

12 февраля оно активно поддержало петицию парижских секций в пользу таксации цен на зерно. 9-10 марта члены общества были на переднем плане: Ж.Жорес даже считал, что Общество защитников республики играло “роль повстанческого комитета”. Были у него заслуги и в дни восстания 31 мая - 2 июня. В одном из обращений более позднего времени общество напоминало о “содействии им принятию решения ударить и набат”, призывавший парижан к восстанию, т.е. о том, что среди колебаний и борьбы мнений накануне 31 мая оно поддержало инициативу радикальных активистов антижирондистского движения. Некоторые его члены выдвинулись в руководство восстанием. Майяр, например, в качестве заместителя председателя подписал призыв секции Сите 28 мая о создании повстанческого центра. В разгар террора, защищаясь от доносчиков, он называл себя даже “председателем 48 секций 31 мая”¹¹. Комиссар повстанческого комитета на почте Мамен в трудную для себя минуту тоже напомнил о своих заслугах 31 мая - 2 июня 1793 г. Он поддерживал тех, кто добивался окружения Конвента батальонами секций.

8 марта Общество защитников республики обратилось с призывом восстать против “убивающей свободу клики Конвента”. Обращение называлось “Картина политического положения Парижа: ответ на клевету

Ролана”. “Неверные депутаты, - говорилось в нем, - не только должны быть отозваны, но их головы должны пасть под мечом закона, когда будет доказано, что под предлогом свободы мнений они предавали интересы нации”. В документе содержалась острая социальная критика, ей в частности подвергался жирондистский проект конституции как антинародный, “целиком выражающий интересы богачей”¹². Но главными стали политические обвинения.

Это вполне понятно. Вести из Бельгии, полученные в Париже 5 марта, произвели сильное впечатление. Оно было тем более ошеломляющим, что последовало за победными реляциями. Сразу заговорили о предательстве, о злонамеренности генералов во главе с Дюмурье, о преступном попустительстве Исполнительного совета и т.д. Уже 6-7 марта агенты полиции сообщали об активном выражении недоверия к Дюмурье и генералам - “честолюбцам, которые только по принуждению или из расчета приняли сторону революции”¹³.

Несмотря на блестящие победы, одержанные под командованием Дюмурье, он был непопулярен в демократических кругах. Здесь чувствовали, что Дюмурье вместе со всей генеральской верхушкой французской армии чужеродны в республике, и не верили этому “прислужнику королей”¹⁴. Здесь чувствовали также и могли не раз убедиться в том, что жирондисты в Исполнительном совете и Конвенте поддерживают Дюмурье и генералитет в противодействии всяким попыткам демократизации армии и проникновению новых демократических элементов в армейскую иерархию.

В ночь на 9 марта Общество защитников республики в новом обращении призывало секции, состоящие из санкюлотов, собраться у Якобинского клуба, чтобы “устрашить членов клики, заседающих в Конвенте, и отправиться во все помещения, где печатаются газеты Бриссо, Горса и им подобных”¹⁵. В 5 часов утра повстанцев должен был собрать набат. Однако его не последовало. Общество пыталось распространить обращение - тот образец, который дошел до нас, был принесен в секцию Французского пантеона тремя его делегатами. Но призыв к выступлению не мог успеть дойти до сколько-нибудь значительного числа секций.

Вместо массовой манифестации, которую замыслили руководители федератов, 9 марта отмечались сравнительно малолюдные сходки. По донесениям администрации полиции группы федератов собирались в тот день на Елисейских полях и в нескольких тавернах поблизости от Конвента, где вели агитацию в духе приведенного обращения. К ним присоединились кое-кто из парижан, так что число участников сходок достигло нескольких сот. Вечером они разгромили типографии жирондистских газет “Курьер департаментов” и “Парижская хроника”.

Тем временем другая часть инсургентов явилась на заседание Якобинского клуба. Для того чтобы поднять народ, авторитета Общества защитников республики, усилий группы федератов и присоединившихся к ним активистов секций было совершенно недостаточно. Они это поняли

сами и потому приложили старания, чтобы склонить к антижирондистскому восстанию Якобинский клуб.

В начале марта отношения между якобинцами и жирондистами оставались накаленными. После процесса над королем к новому обострению борьбы между ними привели продовольственные волнения 25-26 февраля. Жирондисты приписали подстрекательство их Марату и развернули в своих газетах яростную антиякобинскую кампанию. Еще с сентябрьских дней 1792 г., когда произошли стихийные расправы над узниками тюрем, жирондистская пресса клеймила якобинцев и парижан как “убийц”. Февральские события дали повод обвинить их в грабежах и покушении на собственность. Стремление настроить департаменты против якобинцев и Парижа вызывало возмущение демократических сил, и то, что разгром двух жирондистских газет был первым актом застрельщиков восстания в Париже, - явление не случайное: инсургенты откликнулись на угрозу выступления департаментов против столицы, на борьбу, которая разгоралась в тот момент в Конвенте.

М.Робеспьер и другие монтаньяры с трибуны Конвента требовали наказать журналистов-подстрекателей. Но было очевидно, что Конвент вряд ли пойдет на это, ведь газеты редактировались вождями жирондистов. Потому Робеспьер предложил якобинцам дать отпор жирондистской прессе, развернув свою контрагитацию с помощью провинциальных народных обществ, “удочеренных” Якобинским клубом. Он считал главным в тот момент добиться осуждения жирондистов общественным мнением всей страны. Когда 27 февраля Дефье, сославшись на обращение народных обществ Марсея и Нима, потребовал обсуждения способов отзыва из Конвента и наказания депутатов-жирондистов, Робеспьер подверг его предложение резкой критике. Он не без основания полагал, что перевыборы приведут лишь к замене одних жирондистов другими, и предложил сообщить провинциальным обществам, что якобинцы считают необходимым добиваться не “отзыва не оправдавших доверие депутатов”, а их общественного осуждения, с тем чтобы лишить возможности причинять вред¹⁵. План нейтрализации жирондистов путем морального давления был изложен Робеспьером на заседании якобинцев 6 марта и получил поддержку клуба.

Поражение в Бельгии усилило якобинскую критику военного министерства и прожирондистского Исполнительного совета в целом, выступления против комитетов Конвента, где господствовали жирондисты, против жирондистской политики попустительства генералам, роялистам и другим врагам революции. Монтаньяры потребовали коренной реорганизации исполнительной власти. Они надеялись, что большинство Конвента поддержит их, и 8-10 марта, казалось, были близки к осуществлению своих надежд. Еще 2 марта Марат призывал “патриотов Конвента” объединиться с Горой против “контрреволюционной партии государственных людей”¹⁶; часть депутатов Болота, или Равнины, обычно поддерживавших жирондистов, поняв, что республика в опасности, стали прислушиваться к предложениям Горы. В результате монтаньярам в эти

дни удалось добиться принятия ряда революционных декретов: об учреждении чрезвычайного трибунала, о посылке в департаменты депутатов Конвента для организации отпора врагу и др. Инсургенты выдвинули свой план устранения жирондистов насильственным путем, чреватый роспуском национального представительства, как раз в тот момент, когда Робеспьер предлагал усилить его власть путем объединения Конвента с Исполнительным советом.

Мнение о недопустимости покушения на национальное представительство, опасение, что восстание подорвет патриотические усилия и обернется катастрофой на фронте, разделялись многими якобинцами. Однако слишком сильна была ненависть к жирондистам, и, когда в клуб пришли инсургенты, якобинцы заколебались¹⁷. Не получив определенной поддержки членов Якобинского клуба, повстанцы отправились к кордельерам. Там их ожидал более теплый прием. По некоторым данным, им даже удалось добиться одобрения клубом идеи восстания. Во всяком случае, в дальнейшей деятельности инсургенты опирались на решение Клуба кордельеров. Среди них теперь выделился Жан Варле.

После заседания у кордельеров Варле с товарищами посетил собрания двух соседних секций: Марсельской и Четырех наций (Единства). День 9 марта успел к тому времени смениться глубокой ночью. Однако секции, как обычно в минуты кризиса, бодрствовали. Варле, объявивший себя делегатом кордельеров, добился от этих немногочисленных собраний одобрения заготовленного им решения.

В этом документе, дошедшем до нас в виде резолюции секции Четырех наций, вина за тяжелое положение на фронте возлагается на Дюмурье и жирондистов, их клеймят как предателей и скрытых роялистов. Предложения об учреждении революционного трибунала и смене министров объявлялись “недостаточными паллиативами”. “Нужно, - говорилось в резолюции, - чтобы в настоящий момент Парижский департамент, составная часть суверена, использовал принадлежащий ему суверенитет; чтобы с этой целью все секции и кантоны были созваны и уполномочили собрание выборщиков Парижского департамента отозвать неверных депутатов, недостойных быть законодателями республики”¹⁸.

Утром 10 марта к этому призыву присоединилась секция Пуассоньер. Идею свержения жирондистов поддержали также секции Бон-Консей и Ломбар и, возможно, секция Хлебного рынка¹⁹. В целом тем не менее реакция секций была сдержанной²⁰. Большинство инсургентов, люди, безусловно, очень горячие, не стали ждать волеизъявления секций. Днем 10 марта они продолжали “прямые действия”. Толпа примерно из 300 человек²¹ ходила по улицам, агитировала в секциях, в Якобинском и Кордельерском клубах, призывала закрыть заставы, бить в набат и арестовать жирондистов. Попытались инсургенты привлечь и Генеральный совет Коммуны. Однако Коммуна отвергла их призывы и выпущенным в тот же день воззванием осудила попытку восстания, указав на то, что она грозит уничтожить “единственный центр власти, который может спасти

общественное дело”, в тот момент когда над страной нависла угроза интервенции²². Командующему Национальной гвардии А.Сантеру было поручено обеспечить порядок, однако применения силы не потребовалось. Ночь с 10 на 11 марта прошла тревожно, но на утро выступлений не последовало.

Выяснить смысл и значение событий 9 и 10 марта трудно вдвойне. Как это случается при неудачной попытке восстания, его участники и сторонники не склонны были давать показания и вспоминать о ней. Противники же не интересовались подлинной картиной событий.

Жирондисты, в речах и прессе которых мы находим большинство свидетельств, стремились представить выступления 9 и 10 марта как происки агентов контрреволюции, враждебные и чуждые огромному большинству парижан. Якобинские лидеры, со своей стороны, постарались изобразить агитаторов 9 и 10 марта в виде кучки заговорщиков (причем Марат объявил их “агентами жирондистов”²³).

Действительно, несколько сот инсургентов для полумиллионного города - это ничтожно мало. Но почему так насторожились люди, хорошо знавшие парижан? Марат, по собственному признанию, развил в те дни активную деятельность, выступая в Клубе кордельеров и других местах против инсургентов. Действия Генерального совета Коммуны особенно 10 марта были проникнуты нескрываемой озабоченностью положением в Париже. Да и министр юстиции Гара не случайно решил, что с инсургентами будет трудно справиться.

События 9 и 10 марта развернулись в обстановке, когда над Францией нависла новая, пока еще отдаленная угроза интервенции, когда перед народом вновь встал вопрос о виновниках неудач на фронте. Патриотический подъем летом 1792 г. вылился в восстание, свергнувшее монархию, и спустя несколько месяцев король был казнен как изменник нации. Горе было тому, на кого теперь могло пасть подозрение народа.

Повстанцы в своей агитации могли использовать и подъем борьбы парижского плебейства за социально-экономические требования. Защищая себя, Фурнье после события 9 и 10 марта утверждал, что он “воспрепятствовал осуществлению самых худших замыслов некоторых лиц”, в частности убийств торговцев сахаром²⁴. Против них, а также торговцев содой, мылом и другими бакалейными товарами было непосредственно направлено движение 25-26 февраля. Не прямая, но несомненная связь существовала между событиями 9-10 марта и предшествовавшей им мощной вспышкой недовольства парижских низов.

Эти факторы придавали выступлению 9-10 марта смысл и значение, но не могли привести к успеху инсургентов из-за их моральной изоляции, узости базы, организационной слабости. Прежде всего бросаются в глаза отсутствие серьезной заблаговременной подготовки, авантюризм методов, к которым прибегли агитаторы 9-10 марта. Сторонники восстания не создали авторитетный руководящий комитет, который имел бы надежные контакты с секционной организацией. Они сами ходили из одной секции в

другую, предъявляя сомнительные мандаты. Идею восстания пытались навязать секциям почти явочным порядком.

Советская историография традиционно связывала события 9-10 марта с инициативой “бешеных”²⁵ - тех вожаков парижских секций, что в 1793 г. находились на самом левом фланге массового движения и которых политические противники прозвали так за радикальность убеждений и яростность в их отстаивании. Но кто конкретно из “бешеных” мог оказать влияние на инсургентов? Секция Гравилье и Жак Ру были в стороне. Теофиль Леклерк прибыл в Париж из Лиона лишь в мае. Об участии в мартовских событиях Клэр Лакомб и других членов Общества революционных республиканок ничего не известно. Остается Варле. Он не только играл первостепенную роль, но и выступил с политически обоснованной программой действий. Это была определенная концепция устранения жирондистов, если и не в конституционных рамках, то в духе идей, восходивших к учению Руссо - высшему идейно-теоретическому авторитету в революционной Франции. Для Варле народный суверенитет заключался в том, что народ в своих первичных собраниях - единственный источник власти, а все государственные деятели - лишь его “уполномоченные”, которых он вправе отозвать в случае невыполнения данного им наказа (мандата). Отстаивая идею отзыва жирондистских депутатов решением полномочных представителей секций и кантонов Парижского департамента, Варле склонил на свою сторону по крайней мере три секции: Марселя, Четырех наций (Единства), Пуассоньер.

Но можно ли говорить о влиянии Варле на Общество защитников республики, которое фактически было инициатором выступлений и осуществляло тактику “прямых действий” с изрядной долей авантюризма? Члены общества, приняв в ночь на 9 марта решение о восстании, считали достаточным лишь “известить” о нем, причем только “санкюлотские” секции, а в 5 часов утра уже собирались ударить в набат. Потерпев неудачу в этом предприятии, они попытались компенсировать промах мелкой и сомнительного достоинства акцией, разгромив под покровом ночи типографии двух жирондистских газет. Обычно этот налет и вспоминают авторы сводных работ по истории революции, когда пишут о событиях 9-10 марта, подчеркивая авантюризм их участников.

При всем различии установок ни Варле, ни Общество защитников республики не могли в те дни обойтись друг без друга. Очевидно, они вместе агитировали в Якобинском и Кордельерском клубах. Последний поддался в какой-то мере агитации. Если небесспорен факт принятия им решения в поддержку восстания, то достоверно, что Клуб кордельеров сыграл свою роль. Закономерно, что секция Борепера через несколько дней обратилась именно к нему с запросом о причинах событий 9-10 марта. Но можно ли думать, что агитация Общества защитников республики и Варле определила позицию клуба? Разумеется, нет. Есть свидетельство о поддержке идеи восстания и активной роли в событиях 9-10 марта влиятельного члена Клуба кордельеров Венсана. Будущий активный участник борьбы внутри якобинского блока, “эбертист” был

способен занять политическую позицию без помощи Варле. Венсан не уступал Варле ни молодостью, ни честолюбием, ни боевитостью, а организаторских талантов у него, возможно, было больше - о чем свидетельствует последующая деятельность в качестве генерального секретаря военного министерства. Можно указать на других лиц, принимавших активное участие в событиях и о чьем-то влиянии на которых говорить нет оснований: свои, например, мотивы были у Фурнье²⁶.

Наконец, особую позицию в дни антижирондистского выступления заняла секция Бон-Консей. Активисты этой секции были застрельщиками секционного движения накануне восстания 10 августа 1792 г., проявили они себя и в мартовские дни, выдвинув свой план действий. 10 марта собрание секции решило направить в Конвент делегацию, потребовать ареста Бриссо, Петиона, Бюзо, Гюаде, Верньо и др. и предания их суду революционного трибунала, создание которого было накануне декретировано. Именно эта идея - не просто отзыв жирондистских лидеров, а их осуждение, политический процесс над ними, подобный суду над Людовиком XVI, - возобладала в программе восстания 31 мая 1793 г., когда секция вновь оказалась в авангарде.

Итак, в той или иной форме, стараниями различных лиц и групп идея устранения жирондистов из Конвента превратилась в замысел народного восстания, которому еще надлежало обрести массовую поддержку, чтобы воплотиться 31 мая в акт изъявления воли тысяч и тысяч парижан. Вот почему выступления 9-10 марта при всей незначительности числа их участников следует считать этапом на пути к победоносному антижирондистскому восстанию, его “прелюдией”²⁷. Непосредственно события заметно воздействовали на ход партийной борьбы в Конвенте.

В критический момент 8-11 марта лидеры якобинцев выдвинули в Конвенте широкую программу мобилизации сил для упрочения завоеваний революции. Она содержится в речах Робеспьера о необходимости усиления власти Конвента, о введении эффективного контроля за исполнением его декретов, за деятельностью высшей администрации и генералитета, в предложениях монтаньяров об учреждении революционного трибунала, о введении военного налога на богачей и др. Ради принятия такой программы якобинские лидеры готовы были поступиться узкопартийными интересами. Робеспьер говорил: “Сейчас неподходящие обстоятельства для того, чтобы мы возобновляли эти распри, этот дух раздоров, эти вечные декламации о диктатуре того или иного гражданина...” Он не поддержал требования своих товарищей о смещении некоторых жирондистских министров. “Полумеры не могут спасти отечество, нужно атаковать злоупотребления в делах”, - заявил Робеспьер, отстаивая план реорганизации всей системы исполнительной власти²⁸.

Однако жирондисты по-другому понимали задачи революции. Программа, выдвинутая якобинцами, вела к ее углублению и поэтому была для них неприемлема. 13 марта Верньо выступил против этой программы от лица тех, кто считал революцию законченной. Не решившись прямо

осуждать меры, часть которых поддержало даже большинство Болота, Верньо попытался скомпрометировать якобинскую программу. Он объявил ее продолжением планов инсургентов 9-10 марта. Если якобинцы, осудив инсургентов и предотвратив антижирондистское восстание, стремились предать дело забвению, то Верньо, а за ним и другие жирондисты, выступив, когда им уже ничего не угрожало, постарались использовать события 9-10 марта как повод для разгрома наиболее опасных противников. Верньо потребовал проведения широкого расследования, чтобы установить участие в событиях Клуба кордельеров и секций. Затронул он и Якобинский клуб, назвав его активным в тот момент деятелем Дефье членом повстанческого центра²⁹.

Вечером 13-го в клубе забили тревогу. Робеспьер оценил выступление Верньо как призыв к преследованию всех, “кто пылает огнем патриотизма”³⁰. Марат и другие монтаньяры защитили в Конвенте Дефье и Лазовского³¹. Тот же Марат не стал настаивать на обвинениях, выдвинутых им против Фурнье, увидев, какой оборот принимают дела³². Патриоты были спасены, но призрак роспуска Конвента сыграл известную роль. Болото вновь качнулось в сторону жирондистов. Робеспьер, порицая инсургентов, сетовал на то, что из-за их выступления “патриоты Горы лишились всего своего преимущества”. “У нас остался только выбор: или стать трусливыми рабами клики, или умереть за свободу”³³ - так резюмировал он положение. “Нет, мы не умрем; мы умертвим наших врагов, мы сокрушим их”, - поправил соратника Марат³⁴.

Эти заявления вождей якобинцев, сделанные на заседании клуба 13 марта, свидетельствовали о решимости добиться ликвидации господства жирондистов. Однако они еще надеялись, что этого можно достичь если не вполне парламентским, то, во всяком случае, конституционным путем. Якобинцы ждали результатов своего обращения к провинциальным народным обществам.

22 марта в Якобинском клубе обсуждали адрес марсельцев, призывавший парижан объединиться с ними, чтобы изгнать жирондистов из Конвента. Дефье предложил направить его парижским секциям с сопроводительной рекомендацией. Робеспьер резко воспротивился этому. “Париж должен терпеливо ждать, каким будет воздействие складывающегося в департаментах мнения. Париж не погибнет, если несколько дней (!) подождет, а если департаменты объединятся, их желание будет услышано”, - заявил он под аплодисменты³⁵. Но обстановка быстро накалялась.

В середине марта Конвент стал получать донесения то из одного, то из другого департамента, что недовольство набором в армию выливается в волнения. 18 марта на повестке дня властно и надолго утвердился вандейский вопрос. В тот же день депутаты услышали о покушении на Л.Бурдона, посланного комиссаром Конвента в Орлеан. Через день пришли тревожные вести из Лиона. 17 марта французская армия под командованием Дюмурье была разбита под Неервинденом, а несколькими днями раньше тот направил в Конвент письмо, которое не оставляло

сомнения в его антиреспубликанских настроениях и замыслах. Вновь возникла кризисная ситуация - второй этап общеполитического кризиса весны 1793 г.

Утром 27 марта в Конвенте будто зазвучал набатный колокол. Марат, Дантон, Робеспьер один за другим выступили с речами, в которых слышалась тревога, но одновременно и решимость противостоять нависшей угрозе. Особенно убедительно говорил Робеспьер: он охарактеризовал крайне тяжелое положение республики, обвинил Конвент в попустительстве преступлениям, в том, что генералы и другие должностные лица, манкирующие своим долгом, избегают наказания. Он призвал поднять народ против внешних и внутренних врагов. Его призыв не встретил поддержки в Конвенте, но нашел дружный отклик среди парижских секций. 28 из них в тот же день присоединились к секции Тюильри, петиция которой требовала от Конвента решительных мер для спасения республики. Вечером делегации некоторых секций пришли на заседание Якобинского клуба. Они ждали от якобинцев указаний. Марат предложил секциям собраться и спросить у Конвента, может ли он спасти республику.

Робеспьер был против такой акции. Он считал, что секции должны заняться очищением Парижа от враждебных элементов. Однако через день Робеспьер выдвинул более радикальный план действий. Выступая в Якобинском клубе, он отверг петицию секции Соединения о всеобщей мобилизации: “Наша армия более многочисленна, чем это необходимо. Нужны руководители, которые поведут ее к победе. Нужно иметь такое правительство, чтобы нас не предавало”. А для этого “нужно, чтобы народ спас Конвент” от интриганов, которые своими “обольстительными голосами” усыпили национальное представительство, “хотят ослабить его, парализовать его деятельность, чтобы обречь на роспуск”. В то же время вождь якобинцев предостерег от покушения секций на неприкосновенность депутатов. “Я не хочу, - подчеркнул Робеспьер, - чтобы трогали эти частицы национального представительства, но я хочу, чтобы их разоблачили и обезвредили. Нужно представить в Конвент не пустые формулы (намек на петицию секции Тюильри и предложение Марата. - А.Г.), которых ждут враги родины, чтобы использовать для своих заговоров, а убедительную картину общественных бедствий, всякого рода измен, наносящих вред нашим армиям”³⁶.

Таким образом, Робеспьер поставил вопрос об антижирондистском выступлении парижских секций. Он призвал секции представить в Конвент требования, которые привели бы к нейтрализации жирондистов, лишению их влияния на Конвент. И в последующие дни Робеспьер вместе с его соратниками не оставлял надежды на то, что давление парижан вызовет изменения в составе и деятельности Конвента. 29 марта еще не было декрета о возможности нарушения парламентской неприкосновенности (он появился 1 апреля), так что Робеспьер мог понимать нейтрализацию жирондистов иначе, но через два дня декрет был принят, и 3 апреля вождь якобинцев уже требовал на заседании Конвента обвинительного

декрета против жирондистов. Развивая мысли старшего брата, Огюстен Робеспьер предлагал на заседании Якобинского клуба 5 апреля подтолкнуть секции прийти к решетке Конвента, чтобы “побудить нас (членов Конвента - А.Г.) принять решение об аресте депутатов, обманувших доверие”³⁷.

Хотя лидеры якобинцев в критический период 27 марта - 5 апреля предложили ряд энергичных мер для защиты завоеваний революции, главным они считали “полное возрождение правительства”³⁸, смену руководства страной. Робеспьер, Марат и другие якобинцы гневно разоблачали связь жирондистов с Дюмурье и призывали обрушить на их головы тяжесть всеобщего осуждения. Однако, чтобы народное выступление состоялось, таких призывов было недостаточно. Как показал опыт революции, и прежде всего восстания 10 августа 1792 г., а также событий 9-10 марта 1793 г., чтобы организовать движение секций, нужен был центральный орган, тесно связанный с ними.

Не случайно донесения администрации полиции после 10 марта зафиксировали разговоры о необходимости до того, как восставить, “создать толковый повстанческий, комитет”³⁹.

27 марта секция Прав человека приняла решение, в котором говорилось, что “общественное спасение может быть осуществлено только энергией суверенного народа”; что “она поднялась для защиты свободы и приглашает братьев из 47 секций прислать комиссаров в центральный пункт, чтобы без промедления заняться средствами спасения Республики от клики клеветников, которая губит свободу, и от вероломных генералов”.

Инициатором этого обращения был Варле⁴⁰. Он не примирился с неудачей 9-10 марта и неустанно агитировал против жирондистов на улицах и в парках Парижа. Его частые выступления с переносной трибуны привлекли внимание администрации полиции. В полицейском донесении об одной из речей Варле сообщалось, что тот сожалел о неудаче попытки восстания, считал ее законной и необходимой, будучи убежденным, что восстание лишь отложено. Варле сказал, что и теперь он за восстание, хочет, чтобы “апатия якобинцев сменилась энергией, которую проявили женщины 5-6 октября 1789 г.”, когда парижанки, устремившись в Версаль, сорвали планы контрреволюционного удара по столице из Версаля. Варле потребовал также, чтобы Конвент запретил хождение звонкой монеты и покарал смертью спекулянтов, а заодно Ролана и Бриссо⁴¹. Жирондистская газета “Парижская хроника” 18 марта отмечала, что речи “апостола свободы”, как называл себя Варле, собирают многочисленных слушателей⁴².

Когда в июне 1793 г. Варле вместе с другими “бешеными” подвергся яростным нападкам якобинских лидеров, Кордельерский клуб, защищая “апостола свободы”, напомнил о его антижирондистской агитации в весенние месяцы. В решении клуба говорилось, что Варле “оказал услуги, которые сограждане будут всегда вспоминать с признательностью. Это он первый понял ту великую идею, что нужно выступать перед народом в

общественных местах, он первый осмелился осуществить эту важную и опасную задачу”⁴³.

Вряд ли, конечно, Варле даже в тот момент, после неудачи 9-10 марта, был единственным антижирондистским агитатором на улицах Парижа. Министр юстиции Гара, докладывая на заседании Конвента 19 марта о предпринятой им попытке раскрыть организационный центр выступления 9-10 марта, утверждал, что в Париже “есть 20 или 30 человек”, которых он не знает, “которых, может быть, нельзя обвинить в каком-либо преступлении”, но которых он “считает опасными и способными на все ради удовлетворения своих страстей”. “Если бы эти люди были предоставлены сами себе, - уверял министр, - их не следовало бояться, но они связаны с народными движениями... Эти люди ходят по клубам, секциям, от группы к группе и говорят (народу - А. Г.), что в Национальном Конvente заседают его самые опасные, смертельные враги, что правая сторона включает одних аристократов, головы которых должны пасть”⁴⁴.

Новый кризис оживил агитацию такого рода, выступления уличных ораторов, деятельность секционных активистов, радикальных членов народных обществ. С большой тревогой служба полиции доносила 1 апреля: “...вчера вечером в саду Эгалите (бывший Пале-Руаяль - А.Г.) разбойники говорили только о том, что надо отрубить головы скупщикам, торговцам, лицам, подписавшим модерантские петиции, и даже нескольким членам Конвента; нужно, говорили они (агитаторы - А.Г.), направиться скопом к Конвенту и с оружием в руках заставить его принять декреты, которых давно требуют секции: об использовании звонкой монеты и введении максимума на хлеб и продукты питания”. “Сегодня (т.е. 1 апреля - А.Г.), - добавляли авторы донесения, - то же подозрительные лица еще более громко требовали очищения Конвента от враждебных депутатов. В народных обществах угрожают выступлением вечером 1 или 2 апреля...”⁴⁵ Вечер 31 марта и день 1 апреля были кульминационным моментом кризиса. В те дни Париж узнал о последних письмах Дюмурье и о его беседе с комиссарами Исполнительного совета, раскрывших его контрреволюционные планы.

Призывы Робеспьера, Марата, с одной стороны, деятельность “агитаторов” - с другой, способствовали тому, что большинство секций откликнулись на обращение секции Прав человека и прислали своих комиссаров на заседание во дворце Епископства^{**}. 1 апреля их объединение конституировалось как “Центральное, или Всеобщее, собрание общественного спасения и связи со всеми департаментами республики, находящееся под защитой народа”. Собрание, признанное Коммуной⁴⁶, решило обратиться к кантонам Парижского департамента с предложением прислать делегатов⁴⁷. Воплощались, казалось, в жизнь обнародованные 9-10 марта замыслы о создании центрального органа Парижского департамента, наделенного полномочиями для принятия “мер общественного спасения”, что уже воспринималось как эвфемизм восстания.

Первой забеспокоилась консервативная секция Мельничного холма. Уже 1 апреля она решила потребовать от Конвента роспуска собрания в Епископстве, а на другой день такой же демарш в Конvente предпринял председатель секции Май⁴⁸. В этот же день, 2 апреля, с протестом против деятельности собрания в Епископстве выступили хозяева помещения - выборщики. Они заявили Коммуне, что среди членов созданного там комитета особое их негодование вызывают, кроме Варле, - Трюшон, Гренье, Нодрен. Как и 9-10 марта, выдвинулись сторонники экстренных и радикальных мер. Гренье - тот представитель секции Соединения, что добивался объявления всеобщей мобилизации (и подвергся критике Робеспьера на заседании в Якобинском клубе 29 марта). В Конvente он произнес пылкую речь, в которой, в частности, предложил, чтобы половина членов Конвента отправилась на фронт и возглавила армию французов⁴⁹. Он же был членом делегации секции, потребовавшей 26 марта в Конvente разоружения всех дворян и священников, а также “подозрительных”. О Нодрене выборщики сказали, что он поднял против “патриотов секции Пантеона ряд введенных им в заблуждение рабочих” и что он “открыто заявил добрым гражданам: “Вы патриоты 1789 г., но мы вас приведем в порядок””. Последней каплей, переполнившей чашу терпения выборщиков, было, по их словам, предложение Нодрена удалить посторонних, в том числе выборщиков, и заседать при закрытых дверях⁵⁰.

Итак, в Епископстве выдвинулись в лидеры такие радикальные деятели секций, для которых “патриотизм 1789 года” был уже недостаточным, ограниченным, как ограниченными оказались достигнутые на первом этапе революции ее буржуазные цели. Немало тех, кто считал себя “патриотом 1793 года”, участвовали во взятии Бастилии, однако они ощущали себя как бы новым поколением, которое теперь противопоставляло себя деятелям, закрепившимся в сложившейся с 1789 г. иерархии власти. То был вызов не только жирондистам, но и якобинской “элите”, пополнявшей после 1792 г. ряды муниципальной администрации и начавшей проникать в департаментские учреждения, различные бюро и даже министерства.

Лидеров якобинцев встревожило стремление собрания в Епископстве стать верховным революционным органом, поддерживающим “связи со всеми департаментами республики”. Вечером 1 апреля на заседании Якобинского клуба собрание было осуждено. Марат потребовал, чтобы Гренье, сообщившего о конституировании секционного органа как “Центрального, или Всеобщего, собрания”, арестовали и отправили в Комитет общей безопасности⁵¹. Отрицательная реакция клуба способствовала тому, что на следующий день часть секций (Арсенала, Борепера, Болота, Арси и др.) отозвали своих делегатов из Епископства, и среди них - секция Гравилье. Как и 9-10 марта, она шла в фарватере политического влияния Якобинского клуба, и ее активисты не считали восстание секций против жирондистов возможным без поддержки клуба. После того как Центральное собрание на заседании Генерального совета

Коммуны 2 апреля было дезавуированно, никаких свидетельств о продолжении его деятельности мною не обнаружено.

Других попыток организовать движение секций во время кризиса не было. Жирондистам удалось в тот момент избежать “взрыва общего негодования, который их уничтожил бы”⁵². После окончания кризиса Марат отметил, что “антипатриотическую клику некоторое время терзал страх перед общественным возмездием, но вскоре она была успокоена бездействием народа, ибо то, что не делается сразу, не делается вообще”⁵³.

Пессимистическое пророчество Марата на этот раз не оправдалось. “Взрыв общего негодования” был лишь отсрочен. В народе уже с начала марта стало распространяться мнение, что все его усилия и жертвы в борьбе с врагами революции не дадут результата из-за деятельности прожирондистского Исполнительного совета, политики жирондистского большинства Конвента. Предательство Дюмурье, связь которого с жирондистами была разоблачена вождями якобинцев, агитаторами с улиц, активистами секций и народных обществ, привело парижский люд к убеждению в существовании заговора. “Повсеместно говорят, - свидетельствовала полиция 5-6 апреля, - что предатель Дюмурье не мог бы выработать своего контрреволюционного плана без тайного сговора с частью Конвента”⁵⁴.

Жирондисты почувствовали, что теряют почву под ногами. Даже в Конвенте их господство не было полным. Мысли о безотлагательности радикальной реорганизации исполнительной власти, о наделении Конвента функциями высшего исполнительного органа, короче говоря, о необходимости централизации управления, развитые Робеспьером и Дантоном еще на первом этапе кризиса (8-11 марта) и вложенные Маратом в лаконичную, парадоксальную формулу о необходимости “деспотизма свободы”⁵⁵, все больше осознавались в Конвенте как требование общественного спасения. 6 апреля после продолжительных дебатов, несмотря на яростные вопли жирондистов о “диктатуре” и “тирании”, приняли решение создать Комитет общественного спасения, орган, которому суждено было великое будущее. Чувствительный удар получили жирондисты и при выборах в новый комитет: ни один из них не был избран. Зато в комитет вошли Дантон и Делакура. Тем самым Болото продемонстрировало, что не верит клевете жирондистов, объявивших Дантона соучастником Дюмурье.

Жирондистские лидеры, как и после событий 9-10 марта, решили энергичной контратакой восстановить положение. Первый удар они нанесли самому ненавистному им вождю якобинцев, который еще 2 марта открыто назвал их “контрреволюционерами”⁵⁶ и по адресу которого они не раз кричали: “В Аббатство его, в Аббатство!”⁵⁷. Они выбрали Марата, потому что своими призывами к революционному террору, своим “безжалостным срыванием масок”⁵⁷ он внушал наибольший страх Болоту, но в замыслы Гюаде, выступившего застрельщиком атаки, входил полный разгром якобинцев. Марату инкриминировалось обращение Якобинского

клуба от 5 апреля, подписанное им в качестве председателя и призывавшее провинциальные общества добиться осуждения депутатов-жирондистов в департаментах. А в заключение своей речи, которую Гюаде не дали закончить, тот собирался потребовать опечатания бумаг Якобинского и Кордельерского клубов и роспуска муниципальных властей Парижа⁵⁸. Жирондистам удалось увлечь за собой Болото. 12 апреля они добились декрета об аресте Марата. Словесная перепалка перешла, таким образом, в борьбу не на жизнь, а на смерть. Преследование Марата, лишение его депутатской неприкосновенности, как отметил Маркс, создали “непосредственный прецедент для событий 31 мая”⁵⁹.

Однако победой жирондистов в Конвенте борьба не закончилась, она переносилась на другую почву. Решить судьбу Марата надлежало Революционному трибуналу, судьи и присяжные которого были тесно связаны с муниципальными властями и секциями Парижа. Между тем в те апрельские дни уже зарождалось широкое антижирондистское движение парижских секций, чего так ждали лидеры якобинцев девятью днями раньше. 8 апреля в петиции Конвенту секция Бон-Консей обвинила жирондистов в причастности к заговору Дюмурье, в том, что они препятствуют обсуждению в Конвенте вопросов обороны, клеветают на парижан, на народные общества, и потребовала, чтобы монтаньяры покончили с жирондистами, прибегнув к силе закона⁶⁰. Резко антижирондистским было в тот день и выступление секции Май, которую вновь возглавил Мёссар.

10 апреля жирондист Петион зачитал в Конвенте попавший к нему проект петиции парижских секций, выработанный активистами секции Хлебного рынка.

Это был яркий обличительный документ. Его авторы не перечисляли обвинения против жирондистов, их вину они считали доказанной, и авторы обрушили свой гнев на сам Конвент, большинство членов которого, по их мнению, были “коррупционированы”, за снисходительность к преступным действиям Дюмурье и жирондистов. Конвенту досталось и за то, что до сих пор не был издан декрет против скупщиков предметов первой необходимости и спекулянтов звонкой монетой.

“Двадцать раз вы обещали удовлетворить столь справедливые требования; однако зло увеличивается с каждым днем, а вы взираете на него спокойно. Означает ли это, что есть среди вас люди, заинтересованные в покровительстве монополиям? Или, может быть, иные надеются, что народ, утомленный недоступностью предметов первой необходимости из-за их дороговизны, смиренно попросит помощи и оков? Ошибаются те, кто так думает”.

Авторы обращения требовали обвинительного декрета против преступных депутатов и замены тех, “ у кого нет мужества защитить Республику”. Оно заканчивалось горячим призывом к монтаньярам: “Спасите Республику! Если вы чувствуете себя не достаточно сильными, имейте мужество сказать нам об этом откровенно; мы возьмемся за ее

спасение. Кризис, переживаемый нами, должен быть последним. Или вся Франция погибнет, или Республика победит!”⁶¹.

Секция Хлебного рынка, принявшая этот проект петиции, стремилась добиться присоединения к нему других парижских секций и вечером того же дня, 10 апреля, представила его на суд якобинцев. Робеспьер признал документ в основе хорошим, но потребовал внесения в него значительных поправок. Прежде всего ему не понравился угрожающий тон петиции: авторы обращались к членам Конвента со словами: “Послушайте нас последний раз...”, и т.д. Конечно, Робеспьер отверг и утверждения о том, что большинство Конвента “коррумпировано”. Он пожелал, чтобы текст петиции стал приемлемым для всех “друзей свободы”, чтобы он был одобрен большинством и не вызвал возмущения департаментов⁶².

В поправках, которые предложил Робеспьер, отразились некоторые общие принципы его стратегии: убеждение в возможности привлечения большинства Конвента на сторону якобинцев, уважение прерогативы национального представительства и признание недопустимости его роспуска. Но сказалось, конечно, и то, что “девятый вал” кризиса, связанного с предательством Дюмуре, миновал, и якобинские вожди сочли необходимым изменить тактику. Характерно, что Робеспьер в многочасовой речи утром 10 апреля, разоблачив политическую линию жирондистских лидеров со времени Законодательного собрания, воздержался от того, чтобы, как он сделал это 3 апреля, решительно и недвусмысленно потребовать обвинительного декрета против них. Он и его соратники вновь главное внимание обратили на борьбу за общественное мнение всей страны. 5 апреля Якобинский клуб постановляет: направить народным обществам новое обращение, в котором призвать департаменты “наводнить Конвент петициями, выражающими официальное требование немедленного отзыва” жирондистских лидеров⁶³. Робеспьер предлагает активизировать деятельность корреспондентского комитета клуба (информировавшего провинциальные народные общества о делах центрального столичного общества) и приступить к изданию патриотических газет и т.д. Вожди якобинцев стремились добиться благожелательного волеизъявления департаментов.

А делегаты 35 парижских секций, собравшись во дворце Епископства, переработали проект петиции секции Хлебного рынка в духе предложений Робеспьера и 15 апреля представили его в Конвент. В окончательном варианте обвинительная часть проекта была значительно расширена и заострена против жирондистов. С самого начала оговаривалось, что “большинство Конвента чистое” и что петиционерам чужда “анархическая” идея его роспуска. Но 22 депутата-жирондиста были поименно названы и осуждены как нарушившие, по мнению парижан, волю своих избирателей. Сформулировав обвинительный акт против жирондистских лидеров⁶⁴, парижские секции отказались от вынесения приговора. Они требовали, чтобы выраженное ими мнение вместе со списком обвиняемых депутатов было послано в департаменты,

присоединение которых, как они считали, даст ему силу закона и приведет к изгнанию из Конвента поименованных жирондистских лидеров⁶⁵.

Итак, большинство парижских секций впервые определенно и официально высказало свое отрицательное отношение к жирондистам и их пребыванию у власти. У антижирондистского движения появился лозунг - устранить из Конвента 22 жирондистских лидера. Петиция 15 апреля, разработанная активистами секций под влиянием Горы и при тесном контакте с якобинскими лидерами, включая Дантона⁶⁶, явилась выражением политического союза монтаньяров с парижскими секциями. В убедительную демонстрацию союза вылился и процесс над Маратом.

Когда в Париже узнали о декрете Конвента против Марата, возмущению, похоже, не было предела. В народе стали говорить, что “плохие депутаты хотят удалить этого пронизательного Аргуса”. А люди познергичней требовали “дать отпор коварному замыслу Бриссо” и установить охрану у дома Марата из 400-500 вооруженных граждан. Полицейские донесения предупреждали о “всеобщем недовольстве” и возможности народного выступления. Робеспьер на заседании Якобинского клуба 12 апреля призвал членов общества и граждан с трибун разойтись по своим секциям, чтобы обеспечить в них спокойствие⁶⁷. Прямого вмешательства народа не последовало, но его давление было зримым и весомым. 24 апреля Революционный трибунал признал обвинения, содержащиеся в декрете Конвента, несостоятельными и при большом стечении бурно аплодировавших парижан оправдал Марата. С венком из дубовых листьев на голове, сопровождаемый многотысячной толпой⁶⁸, Марат предстал перед Конвентом и вновь занял свое место среди депутатов. Расчеты жирондистов на то, что предание Марата суду дискредитирует якобинцев и их трибуна, потерпели фиаско. После процесса само его имя обрело такую популярность, что стало девизом, паролем, символом. “Да здравствует Марат!” стало боевым кличем для радикальных активистов, готовившихся к решающей схватке с жирондистами, лозунгом солидарности и сплочения всех демократических сил⁶⁹.

Образование антижирондистского союза монтаньяров с большинством парижских секций было знаменательным проявлением социально-политических сдвигов, происходивших во французском обществе. 1793 год начался почти повсеместным усилением напряженности. Процесс над королем оживил роялистскую агитацию, а гулкое эхо острой схватки партий в Конвенте прокатилось по многим департаментским центрам и торгово-промышленным городам страны.

Новое, катастрофическое ухудшение внутреннего положения республики последовало за опубликованием декрета от 24 февраля. Предписанный им единовременный набор 300 тыс. волонтеров был делом беспрецедентным. Вся французская армия насчитывала к тому времени 228 тыс. человек. Если старая армия была наемной, а пополнения 1792 г. проводились на добровольных началах, то теперь пришлось поставить вопрос о назначении волонтеров народными собраниями либо

определении их жребием в дополнение к добровольцам. Фактически это была частичная мобилизация и предпринималась она в тот момент, когда над страной еще не нависла непосредственная угроза интервенции: армии республики находились в Бельгии и на Рейне. Если даже в Париже проведение набора натолкнулось на большие трудности, то провинцию, особенно отсталые в политическом отношении сельские районы, буквально потрясли выступления врагов революции и крестьянские волнения. Они серьезно повлияли на общий ход борьбы весной 1793 г. и предопределили в немалой мере территориальное размежевание центров революции и очагов контрреволюции в национальном масштабе, степень которого в полной мере обнаружилась уже после победы антижирондистского восстания. Образовалось три, помимо вандейского, центра сопротивления декрету от 24 февраля: северо-западный (9 департаментов Бретани и Нормандии), восточный (Ду, Кот д'Ор, Об, Нижний Рейн) и южный (14 департаментов - от Роны и Луары до Жиронды), т.е., включая область вандейской войны, более трети всех департаментов Франции⁷⁰. Эта сводка, составленная французским историком Ж.Париже, объединяет самые различные виды сопротивления: от вырубания "деревьев свободы" до массовой вооруженной борьбы. Важно разграничить их. Роялистская агитация, брожение, отдельные вылазки врагов революции отмечались в целом ряде департаментов запада и юга, а также в восточных департаментах (например, Кот д'Ор). Локальные мятежи, охватившие одну или несколько коммун, иногда целые кантоны и сопровождавшиеся образованием сборищ, массовым отказом от выделения волонтеров, оскорблениями и даже убийством уполномоченных по проведению набора, имели место в департаменте Нижнего Рейна, Тарн, Авейроне, Гар, Эро, Дордонь, Ланды и др. Обычно эти вспышки гасли после разъяснительной работы, которую комиссары Конвента или местные власти проводили в присутствии национальной гвардии соседних городов. Дело ограничивалось арестами, иногда казнью вожаков, без применения оружия против массы.

Иной, более серьезный и опасный для республики оборот приняли события в части Бретани, Анжу и Пуату. В Бретани в середине марта мятежные отряды захватили и разграбили два центра дистрикта Рошфор и Рош-Бернар, осадили центр того же департамента Морбиана-Ванн. Внутри треугольника, образованного тремя центрами соседних департаментов: Ренн-Ванн-Нант, оплотом властей оказался лишь один город Редон, осажденный отрядом из 1200-1500 мятежников, который занял господствующие над городом высоты. Да и сам Ренн - столица департамента Иль и Вилен и стратегический центр всей Бретани - был блокирован на северо-западе, западе и юго-западе. Отдельные схватки имели место в 5-6 км от Ренна, а в 50 км к востоку едва не был захвачен город Витре. Комиссары Конвента, посланные для проведения набора в департаментах Кот д'Ор, Финистер, Морбиан, Нижняя Луара, застряли в Ренне и посылали в Париж отчаянные призывы о помощи.

В их письме от 23 марта 1793 г. читаем: "Здесь не просто локальные мятежи, которые легко было бы подавить, здесь почти вся деревня выступила в боевом порядке под руководством опытных предводителей и с кой-каким оружием на штурм городов... В этом краю более пяти департаментов теперь наводнены людьми, не привыкшими, правда, воевать, но которым нужно противопоставить хорошее войско, чтобы принудить их возвратиться к исполнению своего долга, прежде чем их коалиция станет еще более грозной... Повсюду важнейшие дороги перерезаны, а города осаждены; не проходит дня без того, чтобы в различных сражениях или в результате неожиданных нападений и убийств не проливалась бы кровь".

Комиссары просили Конвент срочно прислать 5-6 тыс. "хорошего войска" в дополнение к силам местной национальной гвардии⁷¹. Однако к концу месяца им удалось собрать значительные отряды национальной гвардии, причем не только из городов, но и деревень, (последнее свидетельствует, что мятеж затронул в Бретани не все слои крестьянства). Под командованием кадрового генерала Бейсера удалось рассеять основные силы мятежников в направлении Ренн-Редон-Ванн. В департаментах Финистер и Кот д'Ор очаги восстания были менее значительны, но все же при подавлении одного из них было убито 40 и взято в плен 25 мятежников⁷².

Иначе сложилась судьба мятежа, вспыхнувшего почти одновременно к югу от Луары, в части бывших провинций Пуату и Анжу. Распоряжения о наборе стали поступать в местные коммуны в первой декаде марта. А с 10 марта по всему левобережью Луары на обширной территории департаментов Вандея, Де Севр, Мен и Луара, Нижняя Луара под звон колоколов крестьяне стали собираться в толпы, вооружаться вилами и дубинками. С криками: "Хватит стрельбы! Долой милицию!"⁷³ - они рассеяли немногочисленные отряды местной национальной гвардии и атаковали небольшие города и местечки этого края. Уже 11 марта был захвачен Машкуль. Здесь создали "роялистский комитет", Людовик XVII был провозглашен королем, начались массовые казни республиканцев.

Роялистские лозунги и эмблемы, "фанатизм" (влияние неприсягнувших священников) отмечались и в других районах волнений. "Белое знамя вновь осквернило территорию республики"⁷³, - писали комиссары Конвента, и вслед за современниками первые историки, считая определяющим в выступлениях весны 1793 г. влияние дворян и неприсягнувших священников, развили версию грандиозного роялистско-клерикального заговора. Такая интерпретация вандейского и других крестьянских восстаний весны 1793 г. уже давно стала традицией, которая еще чувствуется в общих трудах по истории революции.

Однако в свое время еще А.Матьез высказывался против этой версии в пользу спонтанности крестьянского выступления. "Клерикальное и роялистское восстание, (разразившееся 10 марта 1793 г. в Вандейском и смежных с ним департаментах, - писал он, - было только самым ужасным эпизодом и крайним проявлением возмущения и недовольства широких

масс по всей Франции. Брожение носило почти всеобщий характер, и всюду оно вызывалось причинами экономического и социального порядка. Политические и религиозные соображения привносили потом, как их следствие”⁷⁴.

Матьез подкрепил эти соображения фактами роста цен на хлеб и несоответствия между ними и заработной платой. Между тем карта волнений в связи с набором, декретированным 24 февраля, совершенно не совпадает с картой движения деревенской бедноты, “таксаторов цен” весной и осенью 1792 г.⁷⁵ Очевидно, в крестьянских выступлениях, последовавших за декретом 24 февраля 1793 г., мы имеем дело с другими мотивами и с другими слоями крестьянства.

Капитальные исследования последних десятилетий⁷⁶ показывают, что мотивы выступления против декрета 24 февраля в Вандее и других районах Запада были аналогичны причинам медленного набора в Париже. Еще живуча такая схема: французская революция - это борьба, объединившая буржуазию, крестьянство и плебейство. 1793 год с помощью этой схемы понять невозможно: между буржуазией, крестьянством и плебейством не было согласия в вопросе о путях ликвидации феодализма, разделяло их и понимание самих задач революции. Наряду с продолжающейся борьбой бывшего третьего сословия с роялистской контрреволюцией в 1793 г. быстро обострялся конфликт внутри самого третьего сословия. Раскрывается множество причин и форм антагонизма между крестьянством и буржуазией в районах восстания. Это внедрение буржуазии в аграрную структуру еще при Старом порядке, присвоение ею части феодальной ренты, более интенсивные по сравнению с сеньориальными формы эксплуатации, которые были присущи буржуа-землевладельцу или генеральному фермеру, ведущему хозяйство вместо сеньора.

Ненависть крестьянства к буржуазии возросла в ходе революции, плодами которой буржуазия воспользовалась в полной мере в ущерб в значительной степени крестьянству. Внедрение буржуа в аграрные отношения резко расширилось благодаря распродаже церковных земель. В некоторых районах будущего мятежа крестьянство было почти совсем оттеснено от земельного фонда. Так, в дистрикте Шоле, одном из центров мятежа, крестьянам удалось сделать лишь 45 покупок земли из 640⁷⁷. Учитывая значительно меньшую ценность крестьянских приобретений по сравнению с покупками буржуазии, легко понять, как должно было крестьянство расценить это перераспределение земельной собственности, явившееся одним из важнейших результатов революции в сфере аграрных отношений.

В политической области исследователи отмечают характерный для этих районов полный захват немногочисленной здесь городской буржуазией власти на местах. Крестьянство не было представлено ни в администрации, ни в национальной гвардии. Так получилось, что на страже интересов буржуа-землевладельца оказались буржуа-чиновники и буржуазная национальная гвардия.

Декрет о наборе 300 тыс. волонтеров оказался последней каплей, переполнившей чашу крестьянского терпения. Освобождение от набора должностных лиц (буржуа), национальных гвардейцев (из буржуазии) и фактически землевладельцев (так как набор распространялся только на неженатых мужчин от 18 до 40 лет), тоже в значительной степени буржуа, разъярило крестьян. Очень часто в Вандее (как, впрочем, и в других сельских районах) можно было услышать, что республику пусть защищают скупщики национальных имуществ и вообще те, кто больше всего выиграл от революции.

Об особых мотивах в выступлениях отдельных слоев крестьянства судить значительно труднее. Противником буржуазии, ставшим здесь врагом революции и республики, обычно в современной историографии называют крестьянство в целом, порой пишут о конфликте между деревней и городом. Очевидцев поражала сплоченность вандейского воинства: у них создавалось впечатление, что восстал весь край, что “выступили все, вплоть до детей 10-12 лет”⁷⁸. Характерны выборы “капитана деревни” в мятежном войске. Традиционная социальная организация крестьян становилась организацией мятежа: деревенская община - боевой единицей. Все это свидетельствует о массовости выступления, которой не было бы в случае глубокого расслоения крестьянства.

Отдельные факты позволяют предполагать, что в основе выступления в Вандее лежал протест имущей части сельского населения - мелких хозяйчиков, тяглогового крестьянства. Исследователи отмечают очень характерные жалобы на налоги, прежде всего поземельный. В воззвании от 27 марта 1793 г. к восставшим крестьянам комиссары Конвента в департаментах Вандеи и Де Севр объявляли об отмене патентов и обещали, что Конвент незамедлительно займется изменением условий налога на движимость для жителей деревни⁷⁹. Не менее интересно, какие социальные козыри пытались использовать для уговоров мятежных крестьян власти Вандеи в обращении, выпущенном 21 августа. Они напоминали крестьянам об упразднении привилегий, о том, что различные формы феодальных повинностей не отягощают больше собственность и промысел”, объявляли об отмене патентов и о том, что “Конвент занимается вопросом об уменьшении тяжести налогов”⁸⁰.

Но были особые мотивы недовольства и у неимущих слоев. В сводке, составленной на основе анкетного обследования 1790 г., среди причин “бедности” и “нищенства” в очагах будущего мятежа особо подчеркивались такие, как отсутствие работы и дороговизна продуктов⁸¹. Упадок сельских ремесел, широко распространенных в Може и других районах, также считают серьезной причиной недовольства революцией.

По всем признакам в районах вандейского мятежа буржуазная республика столкнулась не со средневековой “глыбой”. Аграрная эволюция происходила и здесь, но медленно, в консервативном русле, без обострения социального антагонизма. Сохранялись традиционный уклад жизни, традиционная вера крестьян и их патриархальные отношения с

кюре и изобиловавшим в этих небогатых районах мелким дворянством. Обострение социального антагонизма принесла революция, и крестьянство противостояло вторжению в привычный мир новых отношений, носителями которых были буржуа из окрестных городков и городов. В Вандее слаборазвитый экономически город не вел, а отталкивал деревню. Предоставленная сама себе вандейская деревня пошла в конце концов за своими католическими пастырями и роялистским дворянством, поскольку те составляли часть ее традиционного мира.

Специфика социальных отношений, экономического и политического положения районов вандейского мятежа, безусловно, предопределила особый характер борьбы, но и у крестьянства других областей Франции были веские причины для недовольства аграрной политикой, которую проводили буржуазные круги, захватившие в результате революции власть в Учредительном и Законодательном собрании страны. Озабоченные ограждением интересов той части буржуазии, которая присваивала феодальную ренту, жизненно заинтересованные в нерушимости принципа частной собственности, правившие страной, они сопротивлялись радикальному решению аграрного вопроса. Деятельность жирондистского Конвента не была исключением.

Крестьянское движение весной 1792 г., которое А.В.Адо по размаху и значению сравнивает с “жакерией” 1789 г.⁸², нанесло сильный удар по феодальным отношениям и отразилось после победы восстания 10 августа в ряде декретов Законодательного собрания. Право феодалов на сохранившиеся формы повинностей и выкуп за них становилось труднодоказуемым. Следовало представить подлинные акты о первоначальной уступке земли, т.е. документы XV-XVI или еще более ранних веков. И хотя крестьянство в массе прекратило выплату повинностей, во-первых, даже в 1793 г. это явление еще не было повсеместным, а во-вторых, крестьяне были озабочены юридическим закреплением завоеванного положения. Для полной ликвидации феодальных отношений и в качестве гарантии против возвращения старых порядков крестьяне требовали сожжения феодальных грамот.

Жирондистский Конвент не пошел навстречу этому требованию. Он упорно стремился защитить интересы собственников, землевладельцев, в том числе и бывших феодалов, от притязаний крестьян. “Право собственности должно уважаться, в чьих бы руках она ни находилась”, писал 21 декабря 1792 г. министр юстиции Гара, призывая Конвент оградить бывших феодалов от попыток крестьян добиться возмещения убытков, понесенных ими и результате различных столкновений с сеньориальной администрацией (различные штрафы и т.п.)⁸³. Принцип “уважения к собственности” побудил жирондистов в феврале 1793 г. возражать против принятия декрета о прекращении дел и немедленном освобождении крестьян, обвиненных в правонарушениях, которые были совершены во время антифеодальных выступлений⁸⁴.

Сохранение остатков феодального режима было не единственным и, вероятно, не главным в политике жирондистов, что вызвало недовольство

крестьян. “Когда в последние годы старого порядка крестьянин спрашивал себя, как ему облегчить свою нужду, он, прежде всего, начинал помышлять о том, чтобы получить немножко земли”⁸⁵. По мере ликвидации феодального гнета проблема крестьянского малоземелья все более выдвигалась на передний план.

Революционное государство в 1792-1793 гг. располагало реальными возможностями по крайней мере частичного решения этой проблемы. В его руках находились два крупных земельных фонда: владения церкви и эмигрантов. Однако при распродаже первого, изрядно продвинувшейся к этому времени, львиную долю захватила более состоятельная городская буржуазия. Крестьянство было жизненно заинтересовано в устранении столь могущественного конкурента и поэтому требовало распределения второго фонда - владений эмигрантов без торгов мелкими участками с выплатой в рассрочку или за ренту.

Требование крестьянской массы нашло отражение в одном из последних декретов Законодательного собрания (2 сентября 1792 г.). Однако постановлением 11 ноября Конвент приостановил действие декрета. В это время было отложено и решение вопроса о разделе общинных земель, в котором отдельные слои крестьянства, в частности беднейшего, видели способ смягчения своего безземелья.

Интересы крестьянской массы столкнулись с интересами буржуазии, и защищавшее последние жирондистское большинство Конвента, понимая, что оно не может навязать свою волю крестьянам, стремилось воспрепятствовать решению этих вопросов до лучших времен, до установления “порядка”. Жирондистский Конвент так и не снял запрета с распродажи эмигрантских земель и в то же время успел вмешаться в продажу национальных имуществ первого рода (земель церкви). 24 апреля 1793 г. был принят декрет, запрещавший “ассоциации в составе всего или значительной части населения коммуны для покупки предназначенного к продаже имущества и последующего перераспределения его или раздела между указанным населением”⁸⁶.

Крестьяне лишались эффективного средства в борьбе на торгах с более денежными конкурентами из городской буржуазии. Придание декрету обратной силы еще более подчеркивало насильственный характер этого враждебного крестьянам законодательного акта. В результате все покупки крестьянами земли, сделанные посредством складчин, оказались под угрозой.

Был еще один вопрос, в котором политика жирондистского Конвента вызывала сильное возмущение значительной части сельского населения. Столкнувшись в первые недели своей деятельности с возобновлением движения “таксаторов цен” - протестом деревенской бедноты департаментов парижского района и других областей товарного хозяйства против дороговизны хлеба, Конвент по настоянию жирондистов направил в эти районы войска, и такие же жестокие репрессии, как в апреле 1792 г., еще до свержения монархии, “восстановили порядок в Босе”⁸⁷.

Борьба за таксацию цен нагляднее всего отразила процесс складывания объединившего городскую и сельскую бедноту антижирондистского фронта. Та же осень 1792 г. ознаменовалась мощной вспышкой борьбы плебейства за установление твердых цен на зерно и другие предметы первой необходимости. О том, какое значение придавал таксации народ, свидетельствуют петиции: от 19 ноября 1792 г. выборщиков департамента Сены и Уазы, от 29 ноября секций и Коммуны Парижа, от 12 февраля 1793 г. парижских секций и др. Требование установить максимум цен обосновывается в этих документах необходимостью достижения тех целей, ради которых народ совершал революцию.

“Граждане законодатели! - обращались 12 февраля 1793 г. к членам Конвента посланцы парижских секций Недостаточно провозгласить, что мы являемся гражданами Французской Республики; нужно еще, чтобы народ был счастлив; нужно, чтобы у него был хлеб, так как там, где нет хлеба, нет и законов, нет свободы, нет Республики”⁸⁸.

Развивая эти мысли, Шометт двумя неделями позже говорил в Конвенте: “Бедняк ли, богач - всякое вообще сознательное существо стремится изменить положение вещей и совершает революцию только для того, чтобы жить счастливее. Революция, предоставив богачу свободу, дала ему бесконечно много. Бедняку она также дала свободу и равенство; но, для того чтобы пользоваться свободой, нужно жить, а бедняк не может жить, если нарушена справедливость в соотношении между ценой труда и ценой товаров, необходимых для его существования”⁸⁹.

Наиболее близкие к низам революционные демократы осознавали, что революция в основном удовлетворила интересы буржуазии, что для масс завоевания политических прав недостаточно, что права эти могут оказаться лишь “правом жаловаться на нищету”, как отметил в той же речи руководитель Коммуны, а Свобода - свободой умирать с голоду. Прибегнув к языку того времени, можно вслед за Бабефом повторить, что на повестку дня выдвигался вопрос о “благополучии неимущего класса”, и вопрос этот требовал ответа.

Довольно четко, принимая во внимание условия XVIII в., в документах секционного движения определяется, какие общественные силы стоят на пути улучшения положения трудящихся масс. “Торговые дома, банки, дома вспомоществования, так называемые патриотические кассы объединились с тираном Тюильри, чтобы вызвать голод и привести народ к деспотизму с помощью нужды”, - заявляли Конвенту делегаты парижских секций и Коммуны 29 ноября 1792 г. “Новая аристократия, которая хочет возвыситься с помощью роковой силы богатства”, “коалиция богатых капиталистов, жаждущая овладеть всеми земельными и промышленными ресурсами”, наконец, “класс капиталистов и собственников”, которому неограниченная свобода торговли позволяет “диктовать цены на продукты питания и заработную плату”⁹⁰, - вот в ком представители масс видели врага санкюлотов, вот кому они рассчитывали нанести удар установлением максимума.

Социальное движение было могущественным фактором, изменившим отношение к революции крупной деловой (торговой и промышленной) буржуазии. Здесь существовала прямая и непосредственная связь, которую можно проиллюстрировать характерным примером. В сентябре 1792 г. в Лионе произошли выступления, подобные событиям 25-26 февраля 1793 г. в Париже. Беднота, преимущественно женщины, врывается в лавки и заставляет отпускать товары по установленной самими участниками выступлений твердой цене. И тогда министру внутренних дел написали из Лиона: “Наши торговцы и негодяи в унынии; следует опасаться, что новые волнения вынудят их перевести свои капиталы и предприятия за границу, а это будет очень большой потерей и для города, и для государства”⁹¹. Деятельность лионских якобинцев во главе с Шалье - антибуржуазные мотивы в их агитации, призывы к революционному террору и обложению имущества богачей контрибуцией, особенно же попытки создания революционной армии, вооружения бедноты за счет богачей и против них - усиливала “движение социального страха”⁹² лионской буржуазии и привела к антиякобинскому перевороту 29 мая 1793 г. в этом крупнейшем центре французского шелкоткачества и всей “индустрии роскоши”.

Еще контрреволюционные события 18-19 февраля показали, сколь опасна нависшая над городом угроза. Представители администрации соседнего департамента Пюи-де-Дом, находившиеся в то время в Лионе, увидели в этих событиях “осуществление гнусных планов, уже давно замысливаемых аристократами, фейянами, крупными негодяями, валютчиками, эгоистами, наконец, всеми кровопийцами общества”⁹³. А в мае агент министра иностранных дел доносил из Лиона патрону: “Партия, которую называют “умеренной”, является просто скопищем монополистов, сутяг, эгоистов и особенно роялистов. Роялизм - здесь прогрессирующая болезнь”⁹⁴.

Как и в Лионе, еще не поднимая своего знамени, роялисты оказали решающую поддержку “умеренным” в борьбе против демократических сил в Марселе. И то, что стало реальностью в двух важнейших торгово-промышленных центрах, грозило всей стране. “Умеренность”, эволюция вправо “настоящей”, “солидной” буржуазии, собственно “буржуа” по терминологии эпохи, начало чему датировать затруднительно, обрела новое качество контрреволюционного перерождения, замеченное буквально невооруженным глазом современниками, отнюдь не стоявшими на антибуржуазных позициях.

Комиссары Конвента, посланные для проведения набора волонтеров, столкнувшись с необычайно серьезным положением на местах, сплошь и рядом начали прибегать к чрезвычайным мерам, оправдывая их “законом общественного спасения”. Одной из таких мер было создание в дополнение и в противовес местной буржуазной администрации революционных комитетов из “настоящих санкюлотов”. Учреждение этих органов обосновывалось, в частности, тем, что правящий республиканский класс, те, кто “благодаря своему образованию и достатку должны

руководить усилиями народа, заражены модерантизмом****, не соответствующим обстановке”⁹⁵.

“Не любя свободы”, по словам комиссаров Ру-Фазийяка и Дельбреля, это большинство правящего класса было “еще не настолько враждебным ей, чтобы не бояться кризиса, который мог бы привести к возрождению из пепла старого режима”⁹⁶. Буржуазия в своей массе страшилась реставрации, и особенно мятежных крестьян под роялистскими знаменами. Буржуазная администрация Финистера, Морбиана, Иль и Вилена, Жиронды и некоторых других департаментов в те весенние месяцы 1793 г. развила активную деятельность, чтобы предотвратить распространение контрреволюционных мятежей.

Однако процесс “правления” вел буржуазию в контрреволюционный лагерь. С удивительной для современника прозорливостью Жанбон Сент-Андре, депутат Конвента, бывший пастор и будущий член Комитета общественного спасения, также посланный комиссаром в провинцию, писал: “Все те, кого называли прежде “умеренными”, кто в некотором роде действовал сообща с патриотами и, по крайней мере, хотел какой-нибудь революция, в настоящее время не хотят ее. Они хотят повернуть ее вспять; скажем прямо: они хотят контрреволюции, всем сердцем, всеми намерениями, всеми желаниями они связаны с аристократами, и скоро они будут связаны с ними фактически, своими действиями”⁹⁷.

Дальновидный лидер фейянов Антуан Барнав, выступая 13 июля 1791 г. в Учредительном собрании, говорил: “Нам причинят большое зло, если сделают непрерывным это революционное движение, которое уничтожило все, что следовало уничтожить, которое привело нас к пункту, где нужно остановиться... Если революция сделает еще один шаг, он не может не стать опасным; в направлении свободы первый следующий акт - уничтожение монархии, в направлении равенства - покушение на собственность”⁹⁸.

В 1792-1793 гг., после упразднения монархии, лидеры жирондистов, почувствовав, что развитие революции ведет теперь к “покушению на собственность”, поставили целью остановить революционное движение. “Часть членов Конвента, - говорил 13 марта 1793 г. Верньо, - считала, что революция закончилась в тот момент, когда Франция конституировалась как республика. С этого времени они (т.е. жирондисты -- А.Г.) полагали, что следует остановить революционное движение, дать покой народу и спешно издать законы, которые сделают его нерушимым”⁹⁹.

“Я думал, вступив в Конвент, - писал Бриссо в обращении к “доверителям”, - что, поскольку монархия уничтожена, поскольку учреждена республика, поскольку все власти оказались в руках народа или его представителей, патриоты должны изменить направление своей деятельности в соответствии с изменением их положения”. “Я думал, - продолжал Бриссо, - что восстания прекратятся, потому что, если не нужно больше свергать тиранию, нет необходимости прибегать к силе восстания, потому что там, где нужно только создавать, необходимы порядок и благоразумие”¹⁰⁰.

Целью жирондистов с осени 1792 г. стало установление “порядка”, или, вернее, Порядка, основанного на “религиозном уважении законов, должностных лиц, собственности, личной безопасности”. В этом жирондисты и их лидер Бриссо видели “наилучшее средство облегчить рекрутирование и снабжение армий, снизить цены на продукты питания, побудить владельцев мануфактур к продолжению работы, поддержать курс ассигнатов, ускорить продажу национальных имуществ и владений эмигрантов”¹⁰¹, т.е. разрешить насущные внутренние проблемы республики и добиться признания ее иностранными государствами.

Напротив, в революционном брожении, в “революционных мерах”, осуществления которых добивались якобинцы при поддержке народа, жирондисты видели единственную причину катастрофически бедственного положения республики. “Как может пахарь, - писал Бриссо, - засеять землю, плоды которой он не уверен получить, как купец будет покупать и продавать, если лавка его может подвергнуться разграблению. Каким образом поддержать в обращении звонкую монету или ассигнаты, если страх заставляет прятать звонкую монету, если беспорядок приводит к понижению курса ассигнатов и препятствует скупке земель, доход от которой привел бы к его повышению?”¹⁰²

Бриссо и его единомышленники пытались убедить народные массы, что этот буржуазный Порядок будет “одинаково хорош и еще более полезен для неимущего гражданина, чем для имущего, потому что первый может жить только постоянной работой, а ее нет там, где нет постоянной безопасности ни для головы, ни для собственности богатого”. Программа жирондистов сулила народу счастье в случае прекращения углубления революции и полного торжества буржуазного строя. Но для этого массы должны были отказаться от социально-экономических и политических требований, выдвинутых народным движением осенью 1792 г. - весной 1793 г. Бриссо в своем обращении порочил идею максимума, реквизиций и других мер принудительного снабжения населения продовольствием, принудительный заем и все чрезвычайные обложения богачей, революционный трибунал, идею создания революционной армии внутри страны и демократизацию армий на фронтах, революционные комитеты в секциях и департаментах - одним словом, все, в чем демократические силы видели спасение страны. И в практической деятельности жирондисты в Конвенте и администрации на местах яростно сопротивлялись принятию и всячески противодействовали осуществлению этих, как тогда говорили, “революционных”, т.е. в первоначальном значении чрезвычайных мер, которые, однако, приобретали все более глубокий смысл, ассоциируясь в сознании масс с самой революцией.

“Равенство человека в обществе может быть только равенством прав”, - говорил жирондистский лидер Верньо¹⁰³. “Равенство - химера, пока есть бедняки”, - утверждали представители парижского плебейства¹⁰⁴. В двух этих фразах заключена диаметрально противоположность подходов к революции, к задачам, вставшим на ее новом этапе. Плебейские устремления к социальному равенству и

справедливости находили воплощение прежде всего в борьбе за “революционные меры”. И она стала общенародным движением, направленным в кульминационный момент к единой цели, когда эти устремления отразились в программе действий политической организации, распространявшей влияние на всю страну.

Жирондисты клеветали на якобинцев, когда обвиняли их в сознательном натравливании санкюлотов на собственников, в разжигании антагонизма между ними. Якобинцы вовсе не хотели войны неимущих с имущими. И среди них в то время высказывались опасения, что дальнейшее развитие революции чревато покушением на собственность и гражданской войной на этой почве.

В разгар парламентской междоусобицы, 18 марта почти при полном единодушии в Конвенте и редкой солидарности обеих противоборствующих группировок был принят декрет, провозглашавший смертную казнь за предложение “аграрного закона”, т.е. уравнильного передела земли, за любой акт, “ниспровергающий земельную, торговую или промышленную собственность”¹⁰⁵.

Но если радикальный эгалитаризм страшил якобинцев, то необходимость пойти навстречу требованиям масс была для них явной. “Опыт убеждает нас, что революция еще не завершилась, - заявлял Жанбон Сент-Андре. - Крайне, настоятельно необходимо дать возможность бедняку существовать, если вы хотите, чтобы он помог вам завершить революцию”¹⁰⁶. Весной 1793 г. якобинцы поняли, что удовлетворение требований масс является первоочередной задачей революции и что нужно решать ее революционными способами.

Робеспьер, Марат и их соратники не могли пройти мимо тех бед, от которых страдал народ. После того как продовольственная проблема стала одной из основных, они уделяли ей немало внимания в речах и в статьях. Еще весной 1792 г. Робеспьер высказался против воздания посмертных почестей мэру города Этампа богатому буржуа Симоно, который распорядился стрелять в народ и был растерзан толпой, требовавшей хлеба. Он назвал его “жадным спекулянтом” и в заключение заклеил “всех представителей этого класса, наживающихся на общественной нужде”¹⁰⁷.

Осенью 1792 г., когда продовольственная проблема еще более обострилась, Робеспьер выступил с заявлением, кое можно назвать программным¹⁰⁸. Он доказывал, что долг революционных властей обеспечить доступность продуктов питания всем людям. Подчеркнув как последователь Руссо, что “первый общественный закон - это закон который гарантирует всем членам общества средства существования”, Робеспьер потребовал ограничения свободы торговли и пресечения спекуляции предметами первой необходимости. Законы должны схватить за руку монополиста, как они делают это по отношению к обыкновенному убийце, - вот было его мнение.

Призывая к вмешательству государства в торговлю жизненно необходимыми товарами, Робеспьер, как и другие монтаньяры, не

поддержал, однако, выдвинутого народными низами требования их таксации. В целом позицию Горы¹⁰⁹ характеризуют в тот момент слова будущего теоретика самых радикальных мер якобинской диктатуры Сен-Жюста: “Мне не нравятся насильственные законы о торговле. Требуют закона о продуктах питания. Положительный закон относительно этого никогда не будет разумным”¹¹⁰. Иначе говоря, разумно лишь поддерживать саморегулирование спроса-предложения, нормальный ход купли-продажи. Вожди якобинцев тем не менее уже в 1792 г. признавали возможность “негативного закона”. Они считали, что нельзя допустить укрытия запасов хлеба, изъятия его из товарооборота, что нужно силой или угрозой ее применения¹¹¹ заставить торговцев поставлять хлеб на рынок, и тогда он “сам собой” в силу рыночных отношений обретет “разумную” цену и станет доступным народу.

В своем программном заявлении по продовольственному вопросу Робеспьер говорил, что стремится защищать интересы не только неимущих, но и собственников, т. е. торговцев. Между тем максимум нарушал нормальные условия коммерции, наносил материальный ущерб торговой буржуазии и другим собственническим слоям. Для жирондистов, представителей крупной буржуазии он был неприемлем. Но и среди сторонников якобинцев было немало торговцев. По данным о провинциальных народных обществах, в них насчитывалось около 25% мелких торговцев, вместе с выходцами из купечества¹¹².

Не следует также забывать, что революция совершалась под лозунгом свободы от государственной регламентации, от многочисленных ограничений, которые налагала на экономическую деятельность феодальная администрация. Экономические взгляды якобинцев, как и других деятелей революции, сформировались под влиянием антифеодальных идей свободы торговли и предпринимательства. В ходе революции, в свою очередь, обнаружилась ограниченность этих идей, они стали оправданием эгоистических устремлений различных слоев буржуазии. Но, даже втянувшись в борьбу с такими устремлениями, якобинцы сохраняли пиетет к самим идеям.

Монтаньяры, не поддержав движение за установление максимума осенью 1792 г., воспрепятствовали новым усилиям его сторонников в феврале следующего года. В Конвенте в числе первых с резкими, поразившими даже Болото нападками на авторов петиции парижских секции от 12 февраля выступил Марат. Он назвал предложения секций “верхом безумия, если... не верхом злодейства”¹¹³. Якобинцы осудили, а Коммуна подавила попытки самочинного установления максимума цен 25-26 февраля. В редактированном Робеспьером обращении Якобинского клуба говорилось, что нехватка продуктов питания была для их участников лишь “предлогом”¹¹⁴. Вожди якобинцев поспешили заклеить народных агитаторов, подготовивших выступления 25-26 февраля, как “агентов контрреволюции”.

Весной 1793 г. положение с продовольствием в Париже как и по всей республике, продолжало ухудшаться.

Участились перебои с хлебом. В начале апреля подорожало мясо. В середине месяца хлеб стал совсем исчезать, и у булочных выстраивались длинные очереди. Коммуна специальными воззваниями пыталась рассеять беспокорство народа, но безуспешно

Ораторы в бывшем Пале-Руаяль (ставшем с начала революции местом сходок) призывали окружить Конвент и “с оружием в руках заставить его издать декреты, которых давно требуют секции: о запрещении обращения звонкой монеты и введении таксы на хлеб и продукты питания”. Двумя неделями позже агенты полиции доносили о разговорах в очередях за хлебом: “Нужно отправиться в мэрию и Конвент, которые виновны в этой нехватке”¹¹⁵.

Возбуждение росло, - в секциях начинался новый подъем движения за введение максимума цен на продукты питания. Оно таило в себе мощную взрывную силу, и власти Парижского департамента поспешили возглавить его¹¹⁶. 18 апреля после собрания представителей всех коммун, в том числе самого Парижа, Люлье, прокурор-синдик департамента, потребовал в Конвенте декрета о максимуме. “В течение четырех лет, - сказал он, буквально повторяя некоторые излюбленные доводы “бешеных” и других народных агитаторов, - не было таких жертв, которые народ не принес бы во имя отечества... за это он требует от вас хлеба... Мера, принятия которой мы от вас добиваемся, основана на вечных принципах справедливости; она уже имеет силу закона во всех департаментах¹¹⁷. Приняв ее, вы только выразите всеобщую волю бедного класса - класса, для которого законодатель не сделал ничего, если не сделал все... Пусть не возражают ссылками на эти великие принципы собственности! Право собственности не может быть правом морить голодом сограждан. Плоды земли, как воздух, принадлежат всем людям”¹¹⁸. Овация трибун, аплодисменты депутатов Горы заглушили его речь.

Первоначальным ядром движения за установление максимума цен был предпролетариат - работники мануфактур и ремесленных мастерских, деревенская беднота. Не случайно в документах осени 1792 г. - весны 1793 г., в выступлениях политических деятелей вопросы о максимуме, о свободе торговли или ее ограничении связываются с проблемой соотношения цен на хлеб, другие предметы первой необходимости и поденного заработка. Борьба за хлеб для пролетаризованных низов была борьбой за реальную заработную плату.

Однако столь же несомненно, что в движении за установление максимума чем дальше, тем больше участвовали мелкие предприниматели, ремесленники, ведущие собственное дело, - все те, кто по терминологии эпохи не принадлежал к “богачам” и “жадным фермерам”, т.е. “санкюлотерия”. О широком характере движения в самом Париже говорит уже тот факт, что требование о введении максимума на зерно еще в феврале поддержали 30 из 48 парижских секций. Рост дороговизны шел параллельно инфляции и падению курса ассигнатов, их эмиссия не прекращалась: до октября 1792 г. было выпущено ассигнатов на сумму, превышающую 2 млрд. ливров; 17 октября последовал декрет о

выпуске 400 млн., затем еще 600 млн. В результате инфляции и дороговизны в лагере сторонников таксации оказывались все новые и новые социальные слои. Именно потому, что требование максимума стало весной 1793 г., по выражению Люлье, “всеобщей волей бедного класса”, монтаньяры изменили свое отношение к нему. Вместе с максимумом они поддержали другие социально-экономические требования масс. Декретами от 4 и 11 апреля было запрещено обращение звонкой монеты, обесценивавшее, по убеждению народа, ассигнаты.

Тогда же монтаньяры показали, наконец, что “понимают важность аграрного вопроса”¹¹⁹. Нельзя сказать, что до этого они выступали против крестьянских требований, но они не противодействовали тем актам Конвента, которые ущемляли крестьянские интересы. Теперь, и в Конвенте и в печати, монтаньяры поддержали ряд требований крестьянства. Очень показательно, что Марат, не отличавшийся, подобно большинству его единомышленников, особым интересом к аграрным проблемам, в течение 20 дней - с 20 апреля по 11 мая - трижды писал на эту тему в своей газете. Кроме того, он публиковал письма читателей о необходимости наделения землей неимущих, о настоятельности распродажи земель эмигрантов, а также раздела общинных земель.

Своего рода теоретическим обобщением всех злободневных проблем стали дискуссии о новой конституции - главный пункт повестки заседаний Конвента в апреле-мае 1793 г. Конституция была призвана ответить на вопрос о целях, а следовательно, и путях революции. Решения его с надеждой ждали миллионы французов, и поэтому монтаньяры вступили в неравный бой с жирондистами без видимых шансов на успех¹²⁰. Их противники представили проект конституции, который означал фиксацию уже достигнутого революцией, что полностью отвечало интересам крупной буржуазии - “богачей” (как отметил Робеспьер, а до него агитаторы секций и народных обществ)¹²¹, и торопились поскорее претворить его в жизнь.

Против жирондистов выступили Робеспьер и его единомышленники. Они понимали, что нужно вдохновить, заинтересовать народ, дать ему революционную программу, которая привлечет его и за которую он будет бороться. Так родился робеспьеровский проект Декларации прав с классической формулой ограничения права собственности обязанностью уважать права других, не угрожать их свободе и существованию. То было обоснование потенциального вмешательства в отношения собственности. За гражданином признавалось право распоряжаться лишь “той частью имущества, которая гарантируется законом”. “Всякая собственность, всякая торговля”, угрожающие “безопасности, свободе, существованию и собственности” других граждан, признавались “недопустимыми и безнравственными”.

Близкая взглядам “бешеных” и других радикальных активистов секционного движения, встреченная с восторгом Бабефом, “формула Робеспьера” стала как бы идейной основой союза демократических сил¹²². Вождем якобинцев был предложен также принцип прогрессивного

обложения налогами с освобождением неимущих от их уплаты, и в обязанность общества вменялось обеспечивать своих членов работой или оказывать помощь тем, кто не может трудиться¹²³.

Программу развития революции в интересах народа решительно поддерживал и Марат. Он не принял участия в дискуссиях о конституции, но выступил за принятие временных мер, в том числе за “постановления, чтобы обеспечить продовольствием неимущих и оказать им достаточную помощь”. Марат призывал также “успокоить их относительно будущего, распределив среди неимущих общинную землю и предоставив средства для ее обработки¹²⁴”.

Выдающиеся французские историки А.Матьез и Ж.Лефевр считали причиной поворота якобинцев к социально-экономическим требованиям масс весной 1793 г. конъюнктурные соображения. “В патриотическом отчаянии, вызванном поражениями, они заключили тогда союз (с “бешеными”- А.Г.) ценою максимума, - писал Матьез. - Ни Жак Ру и ни Питт^{*****} внушили идею максимума, - ее внушила Вандея, неудача в Бельгии, измены генералов. Монтаньяры не изменили взглядов... на экономическую проблему. Они продолжали быть приверженцами свободы. Но положение республики было таково, что экономическая проблема сделалась политической. Только из политических соображений монтаньяры поддержали таксу на зерно. Они хотели получить поддержку городских масс против... Жиронды”¹²⁵. В том же - в “необходимости опереться на санкюлотов для борьбы с жирондистами и для захвата власти”¹²⁶ - видел причину изменения отношения монтаньяров к крестьянским требованиям Лефевр.

Такое объяснение, принятое и в современной французской историографии, представляется недостаточным, неполным.

Якобинские лидеры, подобно другим деятелям революции, мыслили политическими категориями. “Свобода” на их языке означала “высший идеал”, “смысл бытия”, “предельную цель общества”, была синонимом слова “счастье”. “Революция” означала смену общественного устройства: Деспотизма - Свободой. Все то, что весной 1793 г. называлось “революционными мерами”, а затем - революционной диктатурой, в целом квалифицировалось как “деспотизм свободы”, т.е. временное ограничение свободы ради ее окончательного торжества. Даже этические категории, столь часто встречающиеся в словаре якобинских лидеров, были наполнены политическим содержанием, и под главной из них - “добродетелью” - подразумевалась прежде всего верность революции.

Требования масс при подобном мышлении усваивались с трудом¹²⁷. “Народ должен подняться не для того, чтобы запастись сахаром, а для того, чтобы изгнать разбойников”, - вполне искренне мог заявить Робеспьер¹²⁸. А как примечательны сетования Друга народа на то, что продовольственные волнения отвлекают Конвент от обсуждения “важных вопросов общественного спасения”¹²⁹. Эту непоследовательность в демократизме якобинских вождей отмечали выразители настроений плебейства. “Если ты действительно друг народа, - обращался Бабеф от

имени Фурнье к Марату, - если ты друг той его несчастной части, которая сделала все и для которой за четыре года не сделали ничего, о которой, кажется, до сих пор даже не подумали, будь постоянно на трибуне... пока не добьешься того, что осмелились потребовать Дюшозаль и Тальен, друзья санкюлотов: благосостояния неимущего класса”¹³⁰.

Подобная критика, звучавшая в секциях, народных обществах, высказывавшаяся порой прямо в лицо депутатам Горы, конечно, приносила свои плоды, ибо за словом следовало действие: на площадях и улицах Парижа собирались многочисленные толпы возмущенных дороговизной и нехваткой предметов первой необходимости людей. Конвент осаждали делегации секций, требуя немедленного пресечения спекуляции, обесценения ассигнатов. Весной 1793 г. материальные нужды масс - и это главное - приобрели политическое значение той особой “силой обстоятельств”, которая была четко выраженной “всеобщей волей бедного класса”.

Итак, народное движение сделало введение максимума и других мер регламентации вопросом политики, причем политики очень конкретной. Никакие политические соображения не могли склонить к регламентации жирондистов, поскольку она противоречила их пониманию задач революции, интересам собственнических слоев, торгово-промышленной буржуазии, которые они отождествляли с интересами революции. Якобинцы тоже самым ходом политической борьбы, в которой они принимали непосредственное участие с 1789 г., оказались подготовленными к восприятию революции не только как столкновения абстрактных категорий, но и как более или менее конкретных общественных сил. “Чтобы победить буржуа, нужно объединить народ”, - запишет Робеспьер в дни антижирондистского восстания¹³¹. В ходе перегруппировки сил весной 1793 г. антибуржуазные устремления городских низов и деревенской бедноты совпали с интересами революции, как их понимали якобинские лидеры, и это явилось решающим фактором изменения позиции последних.

“Поход на Конвент”

Складывание демократического антижирондистского, или якобинского блока есть процесс классовой перегруппировки сил, которая осознавалась как противостояние “богачам” и “буржуа” “бедняков”, “рабочих”, “неимущего класса”. Повторю: “богач” или “буржуа” - это далеко не любой представитель того класса, которого современный историк отнес бы к буржуазии, а “рабочий” и “неимущий класс” - это совсем не пролетариат и даже не обязательно предпролетариат. В сознании современников Великой французской революции людей разделяло на классы не отношение к средствам производства, а образ жизни. Даже хозяин мастерской с десятком подмастерьев и учеников еще нередко сам работал с ними рядом, жил в одном помещении, обедал за

одним столом. Его социальный статус определяло ремесленное звание, такой хозяин на языке своего времени мог называться “рабочим”.

“Буржуа” жил на особицу, не смешиваясь с простолюдинами, которые допускались в его дом лишь как прислуга. “Буржуа” получал систематическое образование, посещал рестораны и театры, пользовался своим или наемным экипажем. Типичный “буржуа” 1793 года - “негоциант”, купец - представитель той самой торгово-промышленной буржуазии, которую советская историография считает главной социальной базой жирондистов. “Негоцианты” еще в дореволюционной иерархии занимали особое положение среди третьего сословия, указом 1767 г. они квалифицировались как “живущие благородно” и имеющие право носить оружие¹.

Полная противоположность “буржуа” - “санкюлот” по словесному портрету, составленному в среде секционных активистов: “Это существо, всегда передвигающееся пешком, не обладающее ни миллионами... ни замками, ни слугами и живущее весьма скромно... на четвертом или пятом этаже. Он полезен, ибо может обрабатывать поле, ковать железо, жать, орудовать напильником, покрыть крышу, изготовить башмаки и пролить до последней капли свою кровь для спасения республики”².

Политической осью размежевания классовых сил весной 1793 г. стал вопрос - максимум или свобода торговли. Поддержав требования о регламентации сферы обращения³, якобинские вожди заявили о себе как о выразителях интересов “санкюлотов”, противниках “буржуа”. Так демократический блок завершил свое политическое оформление. Еще в феврале, потерпев неудачу в попытке добиться максимума, активисты секционного движения не скрывали своего возмущения позицией “парижской делегации”, депутатов от Парижа - в большинстве якобинских лидеров. Особенно досталось Марату за его активное участие в подавлении движения и к тому же “прикидывающемуся другом народа”⁴. Сен-Жюсту припомнили его речь против “насильственных законов о торговле”, пришлось ему выслушать санкюлотов, которые упрекали “ораторов, произносящих прекрасные речи и дающих очень хорошие советы” и притом “каждый вечер хорошо ужинающих”⁵. И в последующие недели народ, изливая свою горечь, возмущаясь дороговизной предметов первой необходимости и бездеятельностью Конвента, далеко не всегда щадил монтаньяров.

В апреле движение за установление максимума приобрело отчетливо выраженный антижирондистский характер. 1 мая многотысячная толпа жителей Сент-Антуанского предместья, предвосхищая “поход на Конвент” 31 мая, окружила национальное представительство и угрожала расправой жирондистским депутатам, если ее делегация, требовавшая таксации цен, будет арестована.

Подъем движения за установление максимума сопровождался ростом популярности идеи антижирондистского выступления парижских секций. 30 апреля посланники предместья Монмартра заявили Генеральному совету Коммуны, что требование об изгнании жирондистских лидеров из

Конвента, изложенное в петиции большинства парижских секций 15 апреля, должно быть немедленно выполнено. В первых числах мая секция Сите призвала другие секции добиться обвинительного декрета против “вероломных уполномоченных”⁶. Однако неожиданные события отвлекли внимание секций. В начале мая в Париже разгорелась упорная борьба в связи с новым набором волонтеров, на этот раз для подавления мятежа в Вандее.

Первой восстала против него буржуазная молодежь: служащие разных бюро, частных контор и приказчики из лавок, ибо по предписанию Генерального совета они в первую очередь подлежали набору. В постановлении говорилось, что “временное отсутствие” этих лиц “вызовет меньше неудобств”. По словам Шометта, следовало скорее оставлять тех, кто выпекает хлеб, делает башмаки, шьет одежду, чем тех, кто работает в бюро или конторе. Здесь проявился явный классовый подход, еще более выраженный в других словах Шометта: “Бедный сделал все, теперь наступила очередь богача... Нужно, чтобы эгоисты и молодые бездельники приносили пользу и чтобы полезные и почтенные рабочие люди получили отдых”⁷. В знак протеста буржуазная молодежь устроила 4-6 мая сходки в Люксембургском саду и на Елисейских полях. Там провозглашались жирондистские лозунги: “Долой анархию - да здравствует закон!”, проклинали Марата и якобинцев. Когда национальная гвардия по приказу Генерального совета Коммуны рассеяла сборища, борьба была перенесена в секции.

В связи с набором переполошились не только сынки буржуа, но и их отцы. Санкюлоты на этот раз никак не изъявляли желания уходить из Парижа. “Повсюду повторяют, - доносили полицейские агенты в первых числах мая, - что парижские волонтеры отправятся только тогда, когда будут уверены, что их женам и детям будет на что жить, когда цены на хлеб и продукты питания будут снижены”. Большую роль играли и политические соображения. На вечернем заседании Генерального совета 30 апреля делегаты Монмартрского предместья заявили, что “ни один парижанин не отправится (в Вандею - А.Г.), пока законодательное собрание не будет очищено от предателей, указанных Парижской коммуной”⁸ (в петиции 15 апреля). Секции требовали также предварительного очищения столицы от подозрительных элементов.

Чувствуя приближение решительной схватки, санкюлоты не хотели распылять свои силы, и над буржуа нависла реальная угроза попасть в Вандею, так как отбор кандидатов был поручен революционным комитетам, в большинстве секций состоявшим из санкюлотов. Богатые люди, как и раньше, предпочитали откупиться и в ходе майской борьбы добивались, чтобы набор волонтеров происходил на основе добровольности и с последующей выдачей вознаграждения - при формальном равенстве (независимо от места работы и рода занятий). Но санкюлоты отстаивали линию Генерального совета Коммуны. Молодые буржуа, обычно апатичные к общественным делам, ринулись на собрания секций. Разгорелась упорная борьба за руководство ими, в которой

большую роль стали играть не только число голосов, но и сила голосовых связок² и просто физическая сила. Зачастую спор решался кулаками, шли в ход стулья. Натиск “умеренных”¹⁰ был силен, и им удалось вначале взять верх даже в некоторых опорных пунктах антижирондистского движения.

4 мая “умеренные” изгнали санкюлотов с собрания секции Бон-Консей, переизбрали председателя и секретаря и на следующий день сообщили Конвенту, что они свергли “тиранию меньшинства”. В тот же день “умеренные” взяли верх в секции Единства и направили Шометту письмо, которому поспешили придать широкую огласку. Обвинив главу Генерального совета, “прокурора” (как тогда называли) Коммуны в “произволе”, “подстрекательстве к грабежу и убийствам”, авторы, между прочим, писали: “Знай же, Шометт, что те люди, которых ты называешь ветрогонами (намек на слова Шометта о тех, кого следует включить в набор прежде всего. - А.Г.), начали, поддержали и хотят кончить революцию. Они клялись и возобновляют клятву сокрушить анархию”¹¹.

Однако плебейство и демократические элементы сумели объединиться и дать отпор “умеренным”. Их возглавила Коммуна, которая посылала в “мятежные” секции комиссаров и даже арестовывала вожakov “умеренных”.

Большую роль играла также политическая взаимопомощь демократических секций. Эти секции часто, откликаясь на призыв собратьев, одолеваемых “умеренными”, посылали к ним многочисленные “братские” делегации. Те составляли мощный “хор” при обсуждении, непосредственно участвовали в голосовании и, если до этого доходило дело, - в потасовках. Одержав верх и объединив силы, делегация санкюлотов шла к соседям. Так возникали коалиции из четырех-пяти секций. 18 мая, например, на собрание секции Общественного договора явились многочисленные делегации секций Бон-Консей, Рынков, Гравилье, Ломбар, и все вместе решили дважды в неделю устраивать “братания” “с санкюлотами других секций, угнетенными аристократией”. Для начала был намечен “поход” в секции Арсенала и Мельничного холма¹². Предпринимали попытки объединения и те секции, где у руководства оказались “умеренные”.

В борьбу была вовлечена значительная часть населения Парижа. Секционные собрания стали многолюдны как никогда. Делегации, которые секции посылали друг к другу, в Коммуну и Конвент, насчитывали нередко по несколько сот человек. Большую активность проявляло рабоче-ремесленное население Парижа. Об энергичном вмешательстве рабочих своей секции (Елисейских полей) в борьбу говорил на заседании Генерального совета 23 мая его член Любен.

Толпа рабочих явилась в воскресенье на собрание этой консервативной секции, “секционный актив которой обычно составляли буржуа-негоцианты, медики и юристы”¹³, и, по словам Любена, “навели порядок”. Однако в понедельник, продолжает Любен, все пошло по-старому¹⁴. Интересно, что это было вмешательство определенного коллектива. Они работали в возникшем к югу от Елисейских полей

предместье, где можно было заметить “первые признаки рождающейся крупной промышленности”: действовали мануфактура по обработке листового железа, ковровая мануфактура, завод паровых насосов братьев Перрье, к которому позднее присоединились кузнечная, котельная, плотницкая и другие мастерские, две бумагопрядильни¹⁵.

26 мая секция Соединения сообщала Генеральному совету Коммуны, что “рабочие одержали сегодня* победу над аристократами”¹⁶. В тот же день Генеральный совет призвал рабочих завода паровых насосов Поррье секции Елисейских полей явиться на общее собрание, чтобы “обеспечить победу патриотов”¹⁷. Несомненно, активность трудовых слоев и стала причиной продиктованного жирондистами декрета о закрытии собраний секций в 10 часов вечера. И не случайно декрет вызвал широкое недовольство, ведь многие рабочие только в 21 час кончали работу.

Борьба, носившая резко выраженный социальный характер, приобретала большое политическое значение¹⁸. Происходило размежевание социальных сил вокруг двух политических полюсов. С одной стороны, жирондистский Конвент, с другой - якобинская Коммуна.

С самого начала мая Робеспьер и его соратники очень озабоченно следили за положением в секциях. И не только следили. Лидеры якобинцев решительно вмешивались в борьбу, разоблачая манифестантов с Елисейских полей и призывая к изгнанию “умеренных” из секций. Они энергично защищали в Конвенте действия Коммуны, когда та с помощью вооруженной силы подавляла манифестации против набора и производила аресты среди правых элементов. Они даже порицали руководителей Коммуны, если последние проявляли нерешительность.

Агент министра внутренних дел Дютар отмечал 23 мая, что “в Париже почти все, кто чем-нибудь владеет, являются “умеренными””. И хотя, по его донесению 30 мая, “собственники сейчас пристраиваются” к Конвенту не из-за “любви к представителям народа”, тем не менее агент настойчиво убеждал своего патрона опереться на них для защиты Конвента¹⁹.

Конечно, не следует абсолютизировать эти замечания: образцовый якобинец Дюпле, как хорошо известно, тоже “кое-чем” владел. Но оценка размежевания тех, кто трудится, с теми, кто владеет, не трудясь, симптоматична. Демократическая газета конкретизировала во второй половине мая, что “против руководителей Коммуны, секций, обществ (подозреваемых в антижирондистском „заговоре” - А.Г.) не только большинство Конвента, но и все рантье, лавочники, булочники, служащие контор и лавок, все, кто подписал раньше (антидемократические петиции - А.Г.), все те, кого считают роялистами, умеренными, бездельниками”²⁰. Хотя жирондисты, как отмечалось в нашей исторической литературе, непосредственно представляли буржуазный Юго-Запад и Юг, их в то же время можно отнести к выразителям “наиболее общих интересов буржуазии”²¹. Не случайно и не зря Петион, бывший мэр столицы, примкнувший в Конвенте к жирондистам, обращался к парижским буржуа с призывом дать отпор “насекомым”, агитаторам, натравливающим на них

тех, кто ничего не имеет. Ринувшись в секции и вступив в бой с санкюлотами, состоятельные буржуа апеллировали к жирондистам и находили поддержку. Таким образом, и в этой внутрисекционной борьбе демократические силы Парижа сталкивались с необходимостью немедленного изгнания жирондистов из Конвента.

12 мая Якобинский клуб узнал о намерении секции Хлебного рынка (той революционной плебейской секции, чья инициатива месяцем раньше привела к общему демаршу парижских секций против жирондистов) собрать представителей других секций в Епископстве для составления петиции с требованием самых суровых мер против жирондистов. “В случае ее отклонения (Конвентом - А.Г.) мы будем действовать”, - заявил с трибуны клуба представитель секции. Председательствующий в тот день член Конвента Бантаболь пытался оспаривать необходимость этих мер. Он выразил надежду, что “конвентское большинство спасет родину”. Когда же один из ораторов обвинил Бантаболя в “умеренности”, в его защиту выступил Робеспьер²².

У вождя якобинцев уже сложился в то время план действий, который он изложил на заседании клуба 8 мая в исключительно богатой идеями - отчасти противоречивыми - вдохновенной речи. В этом плане народу, и прежде всего парижским санкюлотам, отводилась большая, но вспомогательная роль. Они должны были дать отпор вандейцам, разгромить “умеренных” в секциях и энергично поддержать Гору, а та, как считал Робеспьер, справится с “зараженной частью” Конвента, ибо в целом он “хороший”.

Робеспьер высказался за то, чтобы создать для поддержания порядка внутри страны революционную армию из санкюлотов с содержанием ее за счет богачей, изгнать “умеренных” с собраний и из руководящих органов секций, арестовать подозрительных, платить санкюлотам за посещение секционных собраний и др. Эти меры, уже широко выдвигавшиеся в демократических кругах, по мнению Робеспьера, должны были поднять дух народа, активизировать его революционные усилия. Робеспьер считал, что они, особенно создание революционной армии, позволят демократическим силам добиться решающего перевеса в Париже и дадут необходимый импульс департаментам, которые объединятся с парижанами для “спасения свободы”²³. С этих позиций Робеспьер на заседаниях Якобинского клуба 8, 10, 12 и 13 мая сопротивлялся всем попыткам организовать прямое выступление парижских секций против жирондистской части Конвента.

Однако, как показал ход событий, предложения Робеспьера могли быть осуществлены только в обстановке антижирондистского восстания, а Гора не смогла своими силами даже при моральной поддержке санкюлотов справиться с “зараженной частью” Конвента. В плане Робеспьера отсутствовало решающее звено. И эта непоследовательность характеризовала позиции других якобинских лидеров, за исключением, быть может, Марата.

Нет никаких данных об агитации Марата за восстание, нет каких-либо следов поддержки им планов немедленного выступления секций против жирондистов. Но он ни разу не выступил в мае против таких планов. Отличавшие Марата “мужество противозаконности”, неукротимая и нескрываемая ненависть к жирондистам как контрреволюционной силе привели его, судя по репликам в Конвенте и на страницах газеты, раньше других монтаньяров к мысли о необходимости насильственного устранения жирондистов. Агент Дютар даже высказал в середине мая предположение, что Марат возглавляет оппозиционную Робеспьеру часть якобинцев, а именно “бешеных” и иже с ними²⁴. Конечно, то было преувеличением, но весьма показательным.

Робеспьер, очевидно выжидая, как будут развиваться события, с 14 по 24 мая не выступал в Якобинском клубе. Но монтаньяры - Бантаболь, Тирьен, Бурдон (из Уазы), Лержандр - продолжали убеждать якобинцев в том, что нет необходимости прибегать к крайним мерам, сторонников которых становилось все больше. Тот политический актив, прямые представители масс, которые ораторствовали в секциях, занимали места в их бюро и комитетах, посещали заседания клубов и Генерального совета Коммуны, уже в середине мая определенно рвались в бой. Наиболее красноречиво свидетельствует об этом отчет Дютара, посетившего 17 мая заседание Якобинского клуба. Санкюлоты, заполнившие трибуны для публики, жаждали услышать от Робеспьера “последнее слово”, т.е. призыв к восстанию, и резко осуждали вождя якобинцев за то, что он не произнес его²⁵.

Эти слушатели не ограничивались кулуарной критикой. Неодобрительным шумом встречали они призывы к “благоразумию”. Самому Робеспьеру пришлось столкнуться с отрицательной реакцией. Коллега Дютара Террасон даже доносил 11 мая, что “Робеспьер потерял доверие из-за своей трусости”. В то же время любые энергичные меры, даже энергичный тон ораторов встречал бурную поддержку трибун Якобинского клуба. Так, например, единодушно и долго аплодировали они, как отмечал Террасон 10 мая, предложению разгромить типографии жирондистских газет - отзвук акции инсургентов 9 марта.

Автор этого предложения, выйдя с Террасоном из клуба после окончания заседания, сказал ему: “Торговцы сделали революцию для себя и нужно наконец сделать ее для нас”²⁶. Несмотря на декретирование максимума цен, торговцы оставались в глазах санкюлотов самой одиозной частью “наглой касты”, которая стремится господствовать вместо свергнутого короля²⁷. Против ее господства и следовало восстать. Продолжая дело, начатое штурмом королевского дворца в августе 1792 г., новое восстание должно было стать “социальным 10-м августа”, оно должно было нанести удар по верхушке третьего сословия, представителями которой были жирондисты. Активисты секций, выступавшие с антибуржуазных позиций, враги “повой аристократии, которая хочет возвыситься при помощи роковой силы богатства”, сделались самыми непримиримыми противниками жирондистского

Конвента, наиболее решительными и энергичными сторонниками немедленного выступления. Этот авангард секционного движения оказывал давление на якобинских лидеров, побуждая их изменить отношение к восстанию, и давление стало непреодолимым, когда во второй половине мая революционное брожение охватило широкие массы парижан.

Уже 18-19 мая агенты доносили: “Ропот против Конвента, который, казалось, в течение нескольких дней затих, внезапно оживился и усилился как никогда; сожалеют, что последние события (очевидно, набор волонтеров - А.Г.) помешали заняться петицией, с помощью которой собирались очистить законодательный орган”²⁸.

Жирондисты сами ускорили развязку. Париж всегда был для них враждебным городом, а теперь - даже в Конвенте они чувствовали себя затравленными. Бриссо в обращении к своим “доверителям”, написанном в середине мая, жаловался, что зал заседаний превратился в “арену гладиаторов”. Бурная реакция трибун, свист и выкрики в адрес ненавистных депутатов, очевидно, напоминали жирондистам римский Колизей, оглашаемый ревом многотысячной толпы: “Добей его!” “Народ глядел на Конвент через собственное открытое окно - трибуны для публики, но когда это окно оказывалось слишком узким, он распахивал дверь и в зал вливалась улица”. Эта “одна из самых примечательных минут истории”²⁹, по Виктору Гюго, приближалась. Давление парижских низов, “народа убийц” (слова Бриссо), на Конвент становилось все более ощутимым и внушало жирондистам серьезные опасения не только за позицию Болота, поддержка которого обеспечивала им до сих пор перевес, но и за личную безопасность.

Партия Бриссо предпочла бы продолжить сражение с монтаньярами на “другом поле”: уже вынашивались планы созыва национального представительства в каком-нибудь спокойном месте, где не будет секций с мятежными санкюлотами, например - в Бурже. Но перенести заседания верховного органа республики из исторической столицы Франции было нельзя: жирондистов уже не раз обвиняли в “федерализме”. Им оставалось переломить ход событий в Париже и ради упрочения своего положения подавить секционное движение, репрессировать его радикальных активистов, разгромить в конечном счете все демократические силы.

“Нельзя спасти республику, - писал Бриссо, - не приняв решительных мер, чтобы вырвать представителей нации из-под ига деспотизма... партии анархистов” и “дезорганизаторов”. Конвент “может установить порядок, только декретировав репрессивные меры против анархии и добившись их осуществления”. Бриссо призывал закрыть Якобинский клуб и опечатать его бумаги, распустить Парижскую коммуну, покарать активистов антижирондистского движения, вожakov парижских секций, навести порядок в самом Конвенте, заставив замолчать трибуны, а заодно и всякую оппозицию³⁰. Боевой настрой санкюлотского авангарда в середине мая подсказывал лидерам жирондистов, что медлить нельзя; победа

“умеренных” в ряде секций, их решительные призывы, а также призывы жирондистских департаментов - разгромить “анархистов” вселяли соратникам Бриссо надежду.

На бурном заседании 18 мая после угроз Инара, Ласурса, Гюаде уничтожить Париж, если он восстанет против Конвента³¹, после выкриков “В Аббатство!” по адресу Марата, после требований Гюаде (как и месяц назад, выступившего инициатором жирондистской атаки) распустить городские власти Парижа было декретировано создание чрезвычайной комиссии из 12 человек для рассмотрения деятельности Коммуны и секций. 23 мая ей было поручено расследовать “заговор”, о котором донесла секция Братства, а вслед за ней другие “умеренные” секции. Накануне в мэрии администраторы полиции обсуждали с представителями секций возможности выявления и арестов “подозрительных”. Но самыми “подозрительными” для многих участников заседания были жирондисты, поэтому во время обсуждения раздавались призывы расправиться с ними.

Комиссия двенадцати, состоявшая исключительно из жирондистов, рьяно взялась за дело. Она просмотрела протоколы Коммуны и ряда секций, к ней начали поступать новые доносы. 24 мая по распоряжению Комиссии были арестованы Эбер и Варле. Эберу инкриминировали выпуск 239-го номера его газеты “Пер Дюшен”, призывавший санкюлотов к решительным действиям; Варле поплатился за свою интенсивную устную агитацию. Вслед за ними подверглись аресту еще несколько членов Коммуны и председатель секции Сите Добсан, который отказался представить Комиссии протоколы заседаний секции.

Создание и деятельность Комиссии двенадцати накалили обстановку в Париже до крайности. В сводке полицейских донесений от 19-20 мая читаем: “Предложение Гюаде вызвало негодование и немало содействовало увеличению недовольства... Следует опасаться, как бы скрытый огонь не привел к взрыву”. Следующая сводка: “Брожение против членов Конвента, единомышленников Барбару, возрастает с каждым днем”. Сводка от 24 мая: “Брожение становится всеобщим и достигает предела”. Сводка от 25-26 мая: “Момент взрыва недалек”³².

19 мая делегация Клуба кордельеров и Общества революционных республиканок огласила в Якобинском клубе проект петиции в Конвент с требованием обвинительного декрета против жирондистских вождей. Проект петиции зачитал будущий член (созданного 12 днями позже) Центрального революционного комитета Луа. Очевидно, этот марселец был и его составителем. По мысли авторов, делегацию в Конвент должна была сопровождать “значительная масса народа”. Председательствующий Бантаболь с одобрением высказался о тексте петиции, но не дал ей никакого хода. То же повторилось в Генеральном совете Коммуны, куда на следующий день явилась та же делегация. 22 мая в Кордельерском клубе обсуждались планы выступления против жирондистов, но и здесь они были отклонены после речи Лежандра. Варле решил обратиться к секциям³³. Однако, по-видимому, большинство секционных активистов считали, что поднять восстание можно только при поддержке Якобинского

клуба³⁴. Итак, дело было за якобинскими лидерами. Робеспьер 24-го нарушил свое молчание, но не для того, чтобы сказать “последнее слово”. Наступило 26 мая.

Утром 16 секций вслед за Коммуной выступили в Конвенте в защиту Эбера, Варле и других активистов, арестованных Комиссией двенадцати. Многочисленная делегация предместья Монмартра заявила Конвенту, что не будет подчиняться Комиссии двенадцати и требует ее роспуска. Это требование поддержали некоторые монтаньяры. А по улицам с барабаном двигалась толпа женщин во главе с Полиной Леон (руководитель Общества революционных республиканок) и призвала народ поспешить к Аббатству - месту заключения Эбера и Варле³⁵. Вечером того же дня, выступая в Якобинском клубе, Марат выдвинул тактический лозунг - добиться на следующем заседании Конвента роспуска Комиссии двенадцати. “Заниматься разоблачением клики государственных людей - это значит терять время, - сказал он. - Но важно раскрыть ее преступный заговор... Важно объединиться завтра, чтобы воспрепятствовать осуществлению ее замыслов. Важно добиться ликвидации Комиссии двенадцати, план которой - предать мечу закона энергичных друзей народа. Нужно, чтобы вся Гора поднялась против этой недостойной комиссии, чтобы обречь ее на проклятие общества и уничтожить безвозвратно”. Затем после речей Симона, Лежандра, Кутона о необходимости активизации усилий депутатов-монтаньяров выступил Робеспьер. Подчеркнув, что момент для восстания наступил, Робеспьер затем главное внимание уделил действиям Горы внутри Конвента: “Я приглашаю всех депутатов-монтаньяров объединиться и уничтожить аристократию, я утверждаю, что для них существует единственный выбор: или сопротивляться всеми силами, всем своим влиянием происка интриганов, или уйти в отставку”. “В то же время нужно, чтобы народ знал свои права, так как честные депутаты ничего не могут сделать без народа”, - добавил он³⁶.

Утром 27 мая Марат начал атаку против Комиссии двенадцати, его поддержали другие монтаньяры и делегаты секций. У здания Конвента собралась толпа, путь которой преградили национальные гвардейцы из “умеренных” секций Мельничного холма, Май и 1792 года, заблаговременно вызванные Комиссией. Наконец поздним вечером в зале появилась делегация 28 секций, вместе с которой прорвались многочисленные санкюлоты. Напуганные либо покинувшие зал заседаний депутаты правой стороны хранили молчание. По предложению Лежандра и Делакура требование делегации об освобождении арестованных патриотов и о роспуске Комиссии двенадцати было декретировано.

Однако на следующий день жирондисты добились отмены декрета. “Значит, это факт! - писал 28 мая Бабеф, оценивая сложившееся положение. - Преступная, убивающая свободу, угнетательская, диктаторская партия уполномоченных суверена доказала теперь, что она сильнее. Она одержала бесспорную победу над партией, оставшейся верной защите свободы, и у народа нет другого средства спасения, кроме использования своего права на сопротивление угнетению”³⁷.

Секции не прекращали нажима. 28 и 29 мая большинство из них присоединилось к петиции секции Единства, требовавшей отмены всех декретов, изданных по предложению Комиссии двенадцати, в первую очередь декрета об окончании секционных собраний в 10 часов вечера, и предания ее членов суду присяжных из департаментов, а также устройства праздника Федерации. Это были относительно скромные требования, и хотя они носили более решительный характер, чем проект петиции, принятой Генеральным советом 28 мая, все же не выходили за пределы тех планов, которые обсуждались на заседании Коммуны 28 мая. В речах Шометта и Эбера не было недостатка в резких выражениях, но выводы были весьма умеренными. В проекте петиции в Конвент, предложенном Шометтом, говорилось лишь о расследовании деятельности Комиссии двенадцати представителями департаментов. И даже разгневанный Эбер ограничился тем, что потребовал составления отчета о событиях, происшедших после учреждения Комиссии двенадцати, и посылки делегатов в департаменты для ознакомления с этим отчетом, а также призывал всех “добрых граждан” быть начеку и явиться в секции, чтобы изгнать оттуда “всех аристократов”³⁸.

Но в тот же день (28 мая) секция Сите объявила свои заседания непрерывными и решила созвать представителей других секций для “обсуждения мер, необходимых для торжества патриотизма, свободы и равенства”³⁹. Вечером 29 мая комиссары секций начали собираться в помещении Епископства. Днем делегаты секций Арси и Рынков уже потребовали от Конвента осуждения вместе с членами Комиссии двенадцати всех ее сторонников. Некоторые секции по примеру Сите провозгласили свои заседания непрерывными, в других началось обезоружение “подозрительных”. Борьба против жирондистов стала принимать характер восстания.

Движение против Комиссии двенадцати не только сорвало жирондистские планы государственного переворота, но и привело непосредственно к восстанию 31 мая, влилось в него, как вливается могучая река в море. Участие секций в движении и должно явиться исходным пунктом для определения соотношения сил в предгрозовом Париже. По этому важнейшему вопросу до сих пор нет ни единомыслия среди историков, ни достаточной ясности. “Я считаю, - писал на заре систематического изучения парижских секций Ф.Брэш, - что следует написать целостную историю внутренней политической эволюции различных секций Парижа после революции (10 августа 1792 г.- А.Г.) вплоть до 31 мая и что она должна служить началом исследования об этом движении”⁴⁰. В 1921 г. советский историк Я.М.Захер подчеркивал необходимость составления политической карты Парижа 31 мая, аналогичной тем, которые были составлены для восстания 10 августа 1792 г. Саньяком и Брэшем⁴¹.

Но эта работа не была проделана. Известный исследователь парижских секций А.Собуль отправляет нас к тем кратким заметкам, которые содержат книги Ж.Париже и А.Кальве. Между тем Париже лишь называет и

то неопределенно позиции 11 секций. У Кальве небезынтересна схема, в которой сопоставлены суммы вознаграждения по секциям, выплаченные участникам восстания, с численностью населения этих секций⁴². Однако если по ней в какой-то мере можно судить об участии граждан отдельных секций в событиях 31 мая - 2 июня, то показателем соотношения сил в канун восстания она служить не может. Во-первых, сведения собраны лишь по 26 секциям, во-вторых, неясно, кому выплачивалось вознаграждение? Только неимущим или всем участникам восстания? В-третьих, неизвестно, что делали эти люди: участвовали ли они в осаде Конвента или охраняли собственность граждан своей секции, как батальон секции Мольера и Лафонтена.

Мы не можем руководствоваться и той оценкой положения в секциях “назавтра” после восстания, которая дается в книге Собуля, хотя бы потому, что в ходе восстания позиция отдельных секций менялась. Собуль писал о 20 секциях, в которых “в различной степени господствовали или имели влияние умеренные”. Санкюлоты, по его мнению, преобладали в 21 секции, позицию семи других он не определил. Этот “баланс”, конечно, не отражает действительной расстановки сил в конфликте; в противном случае - восстание 31 мая не закончилось бы изгнанием жирондистов⁴³, оно даже бы не состоялось.

Итак, обстоятельная и хорошо документированная политическая карта секций накануне 31 мая еще не составлена. Поэтому нам остается использовать имеющиеся данные об участии секций в движении против Комиссии двенадцати⁴⁴ и, уточнив их на основе других данных, дать представление о расстановке сил.

Под петицией, представленной Конвенту 30 мая⁴⁵, непосредственно перед восстанием (поэтому берем ее за основу), имеются свидетельства о присоединении 26 секций: Единства, Ломбар, Кенз-Вен, Монтрей, Попенкур, предместья Монмартр, Бон-Консей, Арси, Рынков, Тампля, Гравилье, Санкюлотов, Гренельского фонтана, Финистера, Республики, Пуассоньер, Бонди, Музея, Французских гвардейцев, Хлебного рынка, Общественного договора, Болота, Федератов, Прав человека, Французского пантеона и Марселя. Конечно, позиции этих секций не были идентичны. Первые 12 - сюда же надо отнести секцию Сите, еще 27 мая требовавшую предания членов Комиссии двенадцати суду Революционного трибунала⁴⁶, - проявляли наибольшую политическую активность и были застрельщиками антижирондистского движения⁴⁷. Другие в общем следовали за этим авангардом. Лишь пять из них - Пуассоньер, Музея, Французских гвардейцев, Финистера и Федератов - не дали полномочий повстанческому комитету. И хотя при этом только секция Федератов заняла открыто враждебную позицию, все пять пока исключим.

Зато к оставшейся 21 секции следует прибавить секции Сите и Друзей отечества, о которых уже говорилось, а также Северного предместья, Соединения, Арсенала⁴⁸, Бонн-Нувель⁴⁹: они поддержали петицию от 27 мая и предоставили полномочия повстанческому комитету. В числе предоставивших ему полномочия значатся секции Тюильри, Нового моста,

1792 года, Люксембургского дворца, Пик и Красного креста. Однако достоверность полномочий двух первых сомнительна ввиду общего недемократического духа, царившего в этих секциях, и отсутствия каких-либо иных свидетельств о поддержке ими антижирондистских демаршей, а секция 1792 года, очевидно, указана ошибочно. Что касается трех других, то их можно включить в антижирондистский лагерь.

Секция Люксембургского дворца еще до звуков набата в ночь на 31 мая заявила Генеральному совету Коммуны, что восстала и требует закрыть заставы⁵⁰. Секция Пик тоже с самого начала восстания выступила активно. Ее делегаты первыми принесли присягу Генеральному совету, ее комитет взял на себя очень большую ответственность, арестовав министра юстиции Гойе⁵¹. Наконец, секция Красного креста послала 27 мая в Конвент делегацию, которая, подобно делегации большинства секций, решительно потребовала освобождения арестованных патриотов и упразднения Комиссии двенадцати. Таким образом, мы насчитали 30 секций, что в той или иной мере примкнули к антижирондистскому движению накануне восстания.

Им противостояли прежде всего 3 консервативные секции: Мельничного холма, Май и 1792 года, на них особенно надеялись жирондисты, и именно их вооруженная сила 27 мая была вызвана по распоряжению Комиссии двенадцати для охраны Конвента. За это они получили от народа, живо помнившего, как отряды швейцарской гвардии яростно защищали королевский дворец 10 августа 1792 г., прозвище “новые швейцарцы”. Народ опасался выступления “новых швейцарцев” и 31 мая⁵².

К этим твердыням консерватизма были близки секции: Елисейских полей, призывавшая к роспуску Коммуны; Братства, донесшая 23 мая Конвенту о заседании в мэрии, где предлагались самые решительные способы устранения жирондистов; Борепера, представившая 29 мая лоялистскую петицию в Конвент; Инвалидов, отвергнувшая в тот же день петицию против Комиссии двенадцати; Мольера и Лафонтена, заявившая утром 31 мая о преданности Конвенту⁵³. В канун восстания, как говорилось, к прожирондистскому лагерю присоединилась секция Федератов. К нему склонялась и секция Французских гвардейцев, в петиции 28 мая Конвенту она энергично выступала против “буйного меньшинства” и “толпы негодяев, скрывающихся под маской патриотов”. Однако после упорной борьбы на ее собраниях 29, 30 и 31 мая демократические элементы победили⁵⁴. Итак, 9 секций в канун восстания оставались верны Конвенту с его жирондистским большинством⁵⁵.

Конечно, предложенный анализ схематичен. Из-за гибели протоколов заседаний большинства секций трудно судить о том, как шла борьба в секциях вокруг принятия тех или иных документов, какое содержание вкладывалось в них, как изменялись позиции секций от заседания к заседанию. Оценка, данная выше, как, впрочем, и всякий подсчет, статична. Между тем соотношение сил было динамическим. И все же с учетом сказанного она может служить необходимым ориентиром.

Сравнивая этот подсчет с той политической картой Парижа, которая была составлена для восстания 10 августа Брэшем, можно сделать некоторые самые общие выводы об эволюции парижских секций с августа 1792 г. Предположение Брэша, что политическая карта Парижа 31 мая будет “почти непохожа”⁵⁶ на ту, которую он составил для 10 августа, явно не подтверждается. Брэшу казалось, что многие секции, которые были революционными накануне 10 августа 1792 г. и активно участвовали в свержении монархии, в мае 1793 г. займут консервативные позиции, окажутся на стороне жирондистов. Таких, однако, я вижу лишь три - Мельничного холма (Пале-Руаяль)⁵⁷, Федератов (Королевской площади), Борепера (Терм Юлиана), да и то их демократизм в августе 1792 г. Брэш называет “умеренным”. Зато шесть остальных прожирондистских секций - Елисейских полей, 1792 года (Библиотеки), Май (площади Людовика XIV), Мольера и Лафонтана (Фонтана-Монморанси), Братства (Острова Святого Людовика), Инвалидов - и в августе 1792 г. занимали недемократические - “консервативные” и “умеренно-консервативные” (по терминологии Брэша) позиции.

Напротив, из 30 секций, выступивших против жирондистов в конце мая 1793 г., 22 в августе 1792 г. занимали “демократические” либо “умеренно-демократические” (по оценке Брэша) позиции⁵⁷, и лишь некоторые секции, ставшие застрельщиками антижирондистского движения (Сите, Санкюлотов), в августе 1792 г. были среди “консервативных”. В целом политическая группировка парижских секций в 1792-1793 гг. характеризуется определенной устойчивостью. О том же свидетельствует политическая карта секционного движения накануне “плебейского натиска” 4-5 сентября 1793 г. В числе выявленных С.Л.Сытиным 19 секций⁵⁸ - авангарда этого движения, 16, по моей оценке, представляли антижирондистский блок. Очевидно, истоки этой устойчивости следует искать в социально-экономической структуре - характере кварталов Парижа, которые занимали те или иные секции.

Приоритет в установлении связи между социально-экономической структурой исторически сложившихся районов Парижа и политической позицией соответствующих секций принадлежит опять-таки Брэшу. Он сделал социально-экономический обзор, который послужил основой для всех последующих исследований вплоть до новейших. Сопоставив политическую карту 10 августа 1792 г. с социально-экономическим районированием Парижа, Брэш доказал, что революционные, или, как он говорит, “демократические” секции находились в кварталах с демократическим же, сравнительно небогатым, трудовым населением.

Сравнение нашей политической карты Парижа с социально-экономическим обзором Брэша, скорректированным А.Собулем, подтверждает и уточняет вывод Брэша. Можно сказать, что секции, выступившие против жирондистов, были расположены преимущественно в промышленных кварталах города. Из шести секций, составлявших промышленный район левобережья⁵⁹, пять (Единства, Марсея, Красного креста, Люксембургского дворца, Французского пантеона) включились в

антижирондистское движение накануне 31 мая. Шестая - Борепера осталась лояльной жирондистскому большинству Конвента. Симптоматично, что она занимала часть старого университетского квартала, где проживало, по Брэшу, немало “мирных и зажиточных буржуа”⁶⁰.

Аналогичное положение было на правом берегу. Здесь 10 из 13 секций, составляющих северо-центральный промышленный район (Рынков, Ломбар, Арси, Соединения, Гравилье, Друзей отечества, Бон-Консей, Бонн-Нувель, Бонди, Северного предместья), заняли антижирондистские позиции. Позицию трех остальных секций района я не смог квалифицировать. В антижирондистское движение активно включились и три секции Сент-Антуанского предместья - важного центра мебельного и других видов ремесленного производства.

Совершенно иными были кварталы, где находились секции, оказывавшие поддержку жирондистам. Секции Май, 1792 года, Мельничного холма составляли центральный аристократический район с банкирскими конторами, модными магазинами и кафе. Особенно много их было в секции Мельничного холма. Секция Братства занимала резко обособленную территорию. Здесь с XVII в. стали строиться отели и особняки для буржуазии. Секция Инвалидов была “царством садовников и огородников”, “пригородом внутри города”⁶¹. Сколь-нибудь значительной промышленности в этих прожирондистских секциях Брэш не отмечает.

Такой была картина города с высоты “птичьего полета”. Но общее представление о характере кварталов, на которые опиралось демократическое большинство секций, подтверждается и сохранившейся статистикой. Она неполна, относится к разным годам революции, охватывает не все секции, но при всей своей относительности заслуживает внимания. Это сведения трех видов: о рабочих (в данном случае действительно о людях наемного труда), о “нищете” (о лицах, требовавших помощи от властей) и о “достатке” (“активных граждан”, имевших соответствующий имущественный ценз)⁶².

Наиболее “чувствительными” оказываются первые данные. Антижирондистские секции, сосредоточивая около двух третей населения, аккумулировали более трех четвертей рабочих. Удельный вес рабочих в них составлял 13% и превышал среднепарижский уровень на 2%; следовательно, рабочих с их семьями в “средней” антижирондистской секции было более половины. А в секциях, занимавших прожирондистские позиции, рабочих было в среднем лишь около 8%, с семьями - около трети населения. Вывод о промышленном характере кварталов демократического большинства секций явно подтверждается, и можно уточнить, что они сосредоточивали огромную часть всего рабочего населения столицы, ее ремесленного (это подчеркнем, поскольку преобладали отнюдь не фабрики и не крупные предприятия, а небольшие мастерские) пролетариата.

Данные о “нищете” и “достатке” оказываются менее показательными. Естественно, уровень “нищеты” в антижирондистских секциях был выше

(11% против 9%), а уровень “достатка” ниже (12% против 13,5%), чем в прожирондистских. Но в общем и “нищета” и “достаток” в первых соответствовали среднепарижскому уровню. Вместе с тем эти данные интересны для выявления многослойности антижирондистского большинства. Если, например, в Сент-Антуанском предместье уровень “нищеты” превышал 30%, то в таких активных секциях антижирондистского движения, как Бон-Консей, Гравилье, Единства, он был соответственно 4,6; 6,5; 6,5%.

Мнение о том, что народные восстания порождает нищета, сложилось еще до революции. Луи-Себастьян Мерсье, оставивший яркую картину нищеты⁶³ Сен-Марсельского предместья, писал: “В этом квартале проживает парижская чернь, самая бедная, самая беспокойная и самая необузданная... Восстания и мятежи зарождаются именно здесь, в этом очаге беспросветной нищеты”. Народ здесь “злее, задорнее, горячее и более склонен к бунту, чем в других кварталах”. Видимо, у знатока предреволюционного Парижа были основания так считать; но это лишь подтверждает известную истину, что бунт еще не революция. Антижирондистское восстание потребовало развитого политического сознания, а Мерсье отмечал, что жители Сен-Марсельского предместья “на три столетия отстали от века в отношении господствующих... знаний и нравов”.

В ходе революции менялся характер народных движений, не мог не измениться и характер движущих сил. Вслед за основоположниками марксизма мы справедливо говорим о выдающейся роли в Великой французской революции плебейства. Но забываем, что у последнего в историческом развитии выявились две ипостаси. Говоря в книге о парижском плебсе, я имел в виду предпролетарскую тенденцию его эволюции. Для революции конца XVIII в. она была главной, для описанных событий - единственной. Но не угадывается ли в предшествовавших выступлениях, в сентябрьских “избиениях” 1792 г. и других народных расправах предлюмпенская тенденция?

Вернемся к описанию Сен-Марсельского предместья: “В этом квартале, отдаленном от оживленной части города, прячутся люди, потерявшие состояние, мизантропы, алхимики, маниаки, мелкие рантье с ограниченными средствами... Нередко кто-нибудь, забравшись под самую крышу, подолгу скрывается здесь от полиции, от глаз целой сотни аргусов, подобно тому как какое-нибудь едва видимое насекомое скрывается от оптических приборов”. Конечно, не следует спешить с обобщениями: достаточно ограничиться предположением, что описанная Мерсье “чернь” - это не только героический плебс Великой французской революции, но и будущие “герои 18 брюмера Луи-Бонапарта”.

Из секций Сен-Марсельского предместья лишь одна - Санкюлотов - проявила себя активно в антижирондистском движении; следовала за авангардом и другая - Французского пантеона. А вот главная, “коренная” секция предместья - Финистера, с самым высоким уровнем “нищеты” (42%), не участвовала в антижирондистском движении, не проявила себя

до восстания, а 31 мая приняла даже решение требовать ареста повстанческого комитета⁶⁴, затем довольно вяло повиновалась руководству восстания. Не проявила себя в движении и ее соседка - секция Обсерватории (21,2% “нищеты”). Это перечисление можно продолжить. Последнее антижирондистское выступление секции Пуассоньер (предместье Сен-Лазар, уровень “нищеты” - 21,9%) датируется 12 марта, а 31 мая “аристократия” взяла в ней верх над “патриотами”⁶⁵. Секция Братства (уровень “нищеты” 24,3%) накануне 31 мая занимала прожирондистские позиции. Всего этого, видимо, достаточно для вывода, что не “нищета”, взятая изолированно, как самодовлеющий показатель была ведущим фактором в образовании антижирондистской группировки парижских секций. “Структурообразующее” значение она обнаруживает лишь вкупе с другим показателем - удельным весом рабочих.

Сочетанием высокого удельного веса рабочих и “нищеты” отличались секции Сент-Антуанского и Северного предместий, Санкюлотов. Но в антижирондистском лагере существовал и их антипод - секции, у которых оба эти показателя были низкими (а показатель “достатка” достаточно высоким): Хлебного рынка, Рынков, Ломбар, Гренельского фонтана, Люксембургского дворца. Социальная база антижирондистской группировки предстанет еще более пестрой, если учесть, что показатель численности рабочих свидетельствует не только о доле “ремесленного пролетариата”, но и о значительности самостоятельных мастеров, которые населяли вместе с последним промышленные районы города. И далеко не все они разорялись, судя по незначительному показателю “нищеты” в центральных промышленных кварталах. Даже в этих промышленных районах трудно выделить в качестве бесспорно преобладающей какую-нибудь одну категорию населения.

“Чересполосица”, неодинаковая и меняющаяся активность различных социальных групп как раз и придавали особую значимость постоянному ядру политических руководителей секций. Упомянувшемуся Мёссару удавалось в марте - апреле даже свою “аристократическую” секцию Май подвигнуть на антижирондистские выступления; напротив, смерть Лазовского подорвала боевой дух секции Финистера. Явно не нашлось достойных руководителей в Пуассоньер, Обсерватории и других “плебейских” секциях предместьев. В общем демократическое большинство парижских секций представляло различные слои населения города с неодинаковыми перспективами социальной мобильности и неодинаковыми устремлениями, которые, однако, в конце мая сошлись в главном - в необходимости убрать преграду на пути реализации этих устремлений, Такой преградой для всех оказалось господство жирондистов.

27 мая делегация секции Гравилье, убеждая Гору спасти отечество, заявила: “Если вы это в состоянии сделать, но не хотите, вы трусы и предатели. Если вы этого хотите, но не в состоянии сделать, скажите, за этим мы пришли сюда: сто тысяч рук взяли оружие, чтобы защитить вас”⁶⁶. Если якобинские лидеры хотели сохранить политическое руководство

антижирондистским движением, свои позиции в демократическом блоке, да и сам этот блок, они должны были положительно ответить на этот вопрос. Они так и сделали. Вечером 29 мая с трибуны Якобинского клуба прозвучал призыв к восстанию.

Если 26 мая, посвящая основную часть речи положению внутри Конвента и задачам депутатов-монтаньяров, Робеспьер, по всей вероятности, еще надеялся, что их самостоятельные действия при моральной поддержке народа приведут к успеху, то 29 мая он решает обратиться к народу. Восстановление 28 мая Комиссии двенадцати, видимо, окончательно убедило Робеспьера и его соратников в невозможности добиться успеха внутриконвентскими действиями. “Если весь народ не восстанет, свобода погибла, и только презренный шарлатан может сказать народу, что у него есть другой врач, кроме него самого... У представителей народа остается один долг - сказать народу всю правду и пойти впереди него, чтобы указать путь”. Однако Робеспьер не счел себя вправе “предписать народу средства спасения” и возглавить сопротивление народа. Он возложил эту обязанность на Коммуну⁶⁷.

Робеспьер не хотел, чтобы Якобинский клуб превратился в штаб восстания. Когда 13 мая в клубе один из не оставивших своего имени ораторов предложил направить в Конвент петицию против жирондистских лидеров, Робеспьер сказал, что, во-первых, нет необходимости прибегать к крайним мерам, а во-вторых, клуб не место для подобных предложений. Клуб, по выражению Робеспьера, “должен быть благоразумным и политичным”⁶⁸.

Разделяя взгляды своего лидера, большинство якобинцев не поддержало 17 мая предложение о создании из пяти членов клуба комитета общественного спасения, импульсы от которого должны были, по мысли поддержавшего эту идею Тюрье, расходиться по всем секциям⁶⁹. Тем самым была сорвана попытка создания внутри клуба потенциального повстанческого центра.

Робеспьер и его соратники старались сохранить видимость непричастности к антижирондистскому движению парижских секций. Они постоянно утверждали на заседаниях клуба, что нельзя давать повод для “клеветы”, т.е. для утверждений жирондистов, что якобинцы натравливают на них парижские секции. Эти, как и вообще неизменные заявления Робеспьера и других монтаньяров о необходимости придерживаться рамок законности, содействовали появлению в историографии концепции, которая объясняла майские колебания Робеспьера и его единомышленников их “легализмом”. Полностью отрицать последний вряд ли уместно. А.З.Манфред отмечал, что в первые годы революции Робеспьеру “приходилось участвовать лишь в легальных формах борьбы, - в стенах респектабельного Учредительного собрания, где каждый опирался на безусловно законный, доверенный избирателями депутатский мандат”. Вспомним, что созданное указом короля, оно олицетворяло преемственность законности. Но в дни антироялистского восстания Робеспьер столкнулся с попранием последней и усвоил урок

замены формальной законности законом революционной необходимости⁷⁰. “Надо спасти государство каким бы то ни было образом; антиконституционно, - говорил он накануне 10 августа 1792 г., - лишь то, что ведет к его гибели”⁷¹.

Решив еще в конце февраля - начале марта добиться устранения (Марат) или, как говорил Робеспьер, “нейтрализации” жирондистов, вожди якобинцев надеялись, что этой цели можно будет достигнуть с помощью общественного осуждения жирондистов в департаментах, которое выльется в легальные демарши (например, обращение с петициями в Конвент) и приведет к изменению позиции Болота. Правда, в критические дни начала апреля, когда Дюмурье угрожал походом на Париж, Робеспьер, Марат и их единомышленники обратились к парижским секциям с призывом к выступлению, но, осудив создание в Епископстве Центрального собрания, они фактически сорвали его организацию. Когда же после разряжения обстановки секции Парижа собрались выступить против Жиронды, то под влиянием якобинских лидеров они ограничились петицией, признававшей решающую роль, которую должно сыграть волеизъявление департаментов в судьбе партии Бриссо.

Якобинцы с помощью местных народных обществ энергично добивались осуждения жирондистов в провинции. Но при поддержке роялистов жирондистам в большинстве мест удалось сохранить свои позиции. Надежды демократических сил Парижа на департаменты не оправдались. “Дело погибло, если Париж не сделает нового усилия”, - писали 23 мая из Лиона местные якобинцы парижским друзьям⁷². Стремясь опереться на провинцию в борьбе с якобинцами, жирондистские лидеры обращались к своим избирателям с подстрекательскими призывами, натравливали их на революционные силы Парижа, на комиссаров-монтаньяров.

“Нередко приходится слышать, даже публично, - писал один из комиссаров Конвента, Гарро, - что если Париж хочет господствовать, то следует отделиться от него и образовать самостоятельное государство”⁷³. Агитация такого рода, как отмечалось в донесениях из провинции, деморализовала республиканцев, ослабляла их сопротивление роялистам. И это происходило в тот момент, когда революция нуждалась в удешевлении усилий для ее защиты.

Положение республики, ставшее критическим в результате измены Дюмурье, продолжало ухудшаться. 9 апреля австрийцы вторглись на территорию Франции и осадили Конде, 13 апреля - Валансьен. Дезорганизованная, плохо снабжаемая, не верящая своим командирам французская армия не могла оказать серьезного сопротивления. Дорога в глубь страны была, по существу, открыта, и спасением для Франции явилось лишь то, что австрийцы топтались на месте, верные средневековой стратегии, когда военные действия сводились к последовательному захвату крепостей. Но к этому моменту смертельной опасностью стала внутренняя контрреволюция. Вандейский мятеж разрастался, подобно опухоли, против которой не помогали никакие

средства. То уже был настоящий внутренний фронт республики. 5 мая перед вандейцами капитулировал генерал Кетино с 4 тыс. бойцов и 10 пушками. Правда, вандейцы не угрожали походом на Париж, но они преуспели больше любой коалиции, отрезав от республики обширный край. Внутренний фронт грозил расширяться, поскольку продолжалось брожение в ряде районов, где произошли выступления против набора волонтеров, а в одном из них - в департаменте Лозер - Шаррье, провозгласивший себя “временным комендантом короля”, собрал 2-тысячное воинство и захватил главные города Марвежоль и Манд. Требовался немедленный перелом в организации отпора внешней и внутренней контрреволюции. Но Комитет общественного спасения, создание которого породило у якобинских лидеров определенные надежды, выполнял в основном функции связи с комиссарами - депутатами Конвента, командированными в провинцию и в армию. Превращение его в полномочный правительственный орган срывалось из-за противодействия жирондистов.

Робеспьер и его сподвижники в полной мере осознавали глубину переживаемого страной кризиса, а угроза жирондистского переворота побуждала расстаться с “легализмом”. Они призвали народ к восстанию как средству самозащиты, защиты от репрессий, которыми угрожали демократическим силам Парижа жирондистские лидеры. Если “Коммуна Парижа, которой особо поручена забота о защите интересов этого большого города, не заявит всем о преследовании свободы самими подлыми заговорщиками, если Коммуна Парижа не объединится с народом, образовав самый тесный союз, она нарушит свой первейший долг; она утратит популярность, которой обладала до сих пор”, - заявил Робеспьер⁷⁴. Однако и руководство Коммуны не желало брать на себя организацию народного восстания.

Генеральный совет Коммуны вел себя в последние дни мая подчеркнуто лояльно. Он напомнил делегации собрания в Епископстве, требовавшей назначения (взамен прежнего, Сантера, отбившего в Вандею) нового командующего национальной гвардией, что это запрещено Конвентом. Он предложил секции Прав человека, объявившей о непрерывности своих заседаний, подчиниться декрету о закрытии собраний в 10 часов вечера. Подчинение закону - “вот первая добродетель республиканцев”⁷⁵. Это заявлял Шометт.

“Г-н Шометт, - доносил Дютар 24 мая, - показался мне очень взволнованным и почти выбитым из седла; он полностью полагается на закон и, кажется, всецело желает, как обычно в моменты кризиса, пребывать под эгидой Конвента”. Дютар даже решил 27 мая, что, став “сенатором”, т.е. высокопоставленным должностным лицом, Шометт “перестал быть революционером”⁷⁶. Эти наблюдения, возможно, отражают некоторые черты характера главы Генерального совета, но в общем “легализм” руководителей Коммуны, солидаризовавшихся с Шометтом, имел ту же природу, что и колебания других якобинских лидеров.

Политических деятелей страшила ответственность за покушение на национальное представительство.

Вновь, как происходило не раз, вперед должны были выдвинуться “неизвестные”. Инициативу организации восстания взял на себя актив демократических секций, который и создал повстанческий центр. Правда, когда комиссары секций по призыву секции Сите стали вечером 29 мая собираться во дворце Епископства, там уже заседали выборщики и члены некоторых народных обществ⁷⁷. Вопросы организации восстания ими не обсуждались, но решительно говорилось о его необходимости. Существовала с 28 мая - а по некоторым сведениям раньше - Комиссия шести, которая претендовала на роль исполнительного органа этого расширенного заседания выборщиков и требовала неограниченного доверия к своей деятельности. Вряд ли она сыграла какую-либо реальную роль в истории восстания, но в историографии Комиссия шести заняла заметное место. Очень непросто оказалось историкам признать самостоятельность активистов секционного движения, легче было уподобить организацию восстания механике передачи распоряжений якобинского руководства, так сказать, “по инстанциям”. Закономерно поэтому обратили главное внимание на детище администрации Парижского департамента - Комиссию шести и увидели именно в ней зародыш повстанческого центра.

Нет, однако, никаких свидетельств, что Комиссия шести получила полномочия от секций, да она и не могла их получить ранее вечера 29-го. Поэтому не следует представлять переход от Комиссии шести к Комитету девяти, начавшему действовать 30-го, чисто количественной эволюцией, чем-то вроде кооптации⁷⁸. Показательна и смена ведущих фигур. Вместо Дюфурни выдвинулся активнейший в тот момент из “бешеных” Варле.

Закономерно, что Дюфурни “исчез” как раз в тот момент, когда руководство Парижского департамента, членом которого он был, решило созвать утром 31 мая в Якобинском клубе представителей “всех конституционных властей департамента” (включая Коммуну Парижа) и секций для обсуждения “мер общественного спасения”. Одни историки считают это решение враждебным Комитету в Епископстве, другие (Мортимер-Терно) говорят о полном согласии в антижирондистском лагере. Жорес объединил обе точки зрения, но и от него не укрылось, что решение департамента было попыткой перехватить инициативу⁷⁹. Предложили созвать полномочных представителей секций для обсуждения мер общественного спасения в то время, как они уже собирались в Епископстве с той же целью. Такой попытке должны были сочувствовать руководители Якобинского клуба и Коммуны, чье отношение, по крайней мере к Варле, хорошо известно.

Новым местом сбора был выбран Якобинский клуб, и это говорит само за себя. В клубе подобных собраний не проводили: похоже, что Коммуна вместе с Парижским департаментом решили привлечь к непосредственной организации антижирондистского выступления руководство Якобинского клуба, монтаньяров, чтобы разделить пугающую ответственность за

покушение на прерогативу верховного органа с самими членами Конвента, а заодно - общими усилиями “оттереть” от руководства выступлением Комитет девяти. Традиционная историография и здесь грешит “элитарными” предпочтениями. Отношение историков к Комитету девяти напоминает реакцию департаментских и городских властей на его создание. Умаление авторитета Комитета девяти выражается, в частности, в том, что оспаривают полномочия, полученные им от секций. Своеобразна позиция Мишле. Он лучше всех мог осветить вопрос: в его распоряжении были позднее утраченные документы секций с данными об этих полномочиях. Но документы послужили Мишле лишь одним из свидетельств в пользу тезиса, что народ к 31 мая уже пребывал в апатии и не хотел участвовать в политической борьбе.

Полномочия комиссаров, собравшихся в Епископстве, были, по Мишле, “неопределенными”. Он находил возможным говорить о “неограниченном характере” полномочий представителей “только” (!) 15 секций и о том, что 14 секций дали полномочия “только” (!) для “обсуждения или подачи петиций”⁸⁰. Вполне возможно, что здесь проявились колебания. Скорее, в секциях и не придали большого значения необходимым (ли?) формальностям.

С решающими или совещательными полномочиями комиссары были выбраны и, следовательно, представляли свои секции. Когда большинство их собралось в зале Епископства, они провозгласили себя Общим революционным собранием города Парижа и вечером 30 мая постановили “объявить Париж в состоянии восстания против аристократической клики, угнетающей свободу”, призвать к борьбе “людей 14 июля и 10 августа”, а себя “считать постоянным”. Провести это постановление в жизнь должен был Комитет девяти в составе: Варле, Гузмана, Бономме, Симона, Вендлинга, Митуа, Лорена, Фурнеро, Лебурсье⁸¹. В ночь на 31-е к ним присоединился председатель секции Сите Добсан, прославившийся сопротивлением Комиссии двенадцати. Комитет девяти и стал душой Общего революционного собрания⁸², мотором восстания.

Задача организации восстания, нелегкая сама по себе, осложнялась позицией Коммуны. Не желая брать на себя ответственности, руководство Коммуной не только не способствовало, но и явно противодействовало организаторам восстания. В ночь на 31 мая по приказу мэра были вызваны дополнительные силы национальной гвардии со специальной целью помешать тому, чтобы били в набат и стреляли из сигнальной пушки. В 9 часов вечера 30-го мэра отправился в Епископство и уговаривал там отказаться от восстания, поскольку оно не является “необходимым”, или, во всяком случае, подождать до общего собрания в Якобинском клубе. Отрицательно отнесся Генеральный совет и к инициативе некоторых секций, заявивших, что они находятся в состоянии восстания. Делегации собрания в Епископстве, сообщившей о своем решении поднять восстание, ответили, что Коммуна будет ожидать официально выраженной воли большинства секций. Одновременно Коммуна выпускает воззвание к 48 секциям, призывая их “оставаться спокойными” и ждать результатов

собрания в Якобинском клубе. Она предупреждает их, что всякие меры, принятые до этого, могут стать “гибельными”⁸³.

На рассвете в половине четвертого утра загудел колокол собора Парижской богородицы, ему в соответствии с распоряжениями Комитета девяти, полученными в секциях, начали вторить колокола других церквей и барабанная дробь сигнала общей тревоги. Генеральный совет, бодрствовавший всю ночь в тревожном ожидании, попытался овладеть положением. Шометт потребовал вызвать командующего национальной гвардией, но безуспешно. Прежний уже был смещен Комитетом девяти, новый (Анрио) не спешил подчиниться Коммуне. Тогда Генеральный совет решил своей властью добиться прекращения набатного звона колоколов и подачи сигнала общей тревоги, а вместо этого дать сигнал сбора вооруженной силы. Восстание началось, и Коммуне пришлось признать свершившийся факт.

Народ, как свидетельствуют современники, дружно поднялся по сигналам тревоги. Вооруженные граждане явились на свои места сбора. Женщины высыпали на улицу; они хотели посмотреть, как будет “проходить восстание”. Между тем время шло, а его как будто и не было. Граждане дискутировали в секциях, да вооруженные отряды передвигались в различных направлениях. В 11 часов над Парижем гремит выстрел сигнальной пушки. Охранявший ее специальный пост национальной гвардии секции Нового моста вынужден был, наконец, подчиниться приказу Комитета девяти и Анрио; он долго сопротивлялся, ссылаясь на декрет Конвента и особые распоряжения мэра.

Толпы парижан начали стягиваться к Конвенту. Но намерения их были неясны. Это дало повод Верньо и некоторым другим жирондистам заявить о “добрых намерениях” восставшего народа, а сочувствующие им историки обычно ссылаются на эти факты в доказательство политической индифферентности масс⁸⁴. Реакционные историки повторяют утверждение жирондиста Мейяна о том, что из 80 тыс. парижан, составлявших национальную гвардию, 75 не знали, зачем их поставили под ружье. Сходную оценку событий 31 мая - 2 июня дают и те историки, кто следуют тезису Мишле об “устранении парижан от общественных дел”⁸⁵.

Трудно предположить, учитывая открытый и широкий характер предшествовавшего антижирондистского движения, что народ не знал, против кого он выступает. Кроме бурных заседаний клубов и ожесточенной агитации на улицах и в скверах, о которой спустя 200 лет можно судить лишь по отдельным фрагментам, в городе шла настоящая “война афиш”. Секции, народные общества, отдельные граждане расклеивали воззвания с различными призывами, политическими обвинениями, угрозами. Самые яростные обличения жирондистов начиная с 9-10 марта тиражировались в сотнях экземпляров. Массовый характер носила внутрисекционная борьба, в результате которой сложилась антижирондистская группировка большинства парижских секций. В ее ходе сотни и тысячи людей определили свою политическую позицию, свое отношение к жирондистам⁸⁶.

Я допускаю, однако, что в массе восставшие не знали, что делать. Были распоряжения об охране застав и общественных зданий, но не было приказа о движении вооруженной силы к Конвенту. Не было даже определенного тактического лозунга восстания. И в постановлении Общего революционного собрания, и в воззваниях революционных комитетов ряда секций, и в ответах делегациям, приходившим в Коммуну уже в течение дня, говорилось лишь в общих словах о “сопротивлении угнетению”.

Показательно и то, что делегация, изложившая требования восставших, явилась лишь в самый разгар заседания Конвента.

Может быть, сами организаторы восстания не знали, что делать? Может быть, члены Комитета девяти, эти люди “второго сорта”, как их пренебрежительно называли Сент-Клер Девилю или Луи Блан⁸⁷, были неспособны выработать план восстания? К сожалению, повстанческий комитет протоколов не вел, но сохранились выдержки из речи Варле на собрании в Епископстве 30 мая. Активнейший член Комитета девяти сказал делегатам секций: “У нас неограниченные полномочия: мы суверен. Мы уничтожим власть (очевидно, Коммуны. - А.Г.), переделаем ее и дадим ей верховную власть. Она сокрушит Конвент. Что может быть более законным?...”⁸⁸ Это был определенный план действий и при том сходный с тем, который Варле предлагал Клубу кордельеров и секциям 9-10 марта.

Первый достоверный акт повстанческого комитета, после того как прозвучали сигналы к восстанию, совпадал с планом Варле. Делегация собрания в Епископстве в 6 часов 45 минут явилась в Коммуну и, представив полномочия, полученные от секций, объявила о роспуске Генерального совета. Затем, однако, мэр, прокурор и все члены Совета были восстановлены в своих функциях. Генеральный совет принес присягу, текст которой был выработан в Епископстве. В ней говорилось о верности республике, о решимости отстаивать свободу, равенство и неприкосновенность граждан, уважать собственность, содержался важный пункт о готовности выполнять возлагаемые обязанности. После этого Генеральный совет Коммуны и стал называться “революционным”, так как получил новые полномочия от восставшего народа⁸⁹.

Всех ли членов повстанческого комитета удовлетворило такое преобразование Коммуны, мы не знаем. Во всяком случае, первоначальное решение предусматривало арест мэра, и Варле позднее выражал сожаление, что этого не сделали⁹⁰. Может быть, колебаниями в штабе восстания нужно объяснить и тот факт, что делегация повстанческого центра прибыла в Коммуну лишь через 3 часа после того, как раздался набат, и что ее возглавлял уже не Варле, а Добсан.

Как бы то ни было Коммуна, получив новые полномочия, стала, по существу и против своей воли, центром уже начавшегося восстания. Члены повстанческого комитета после церемонии наделения революционными полномочиями городских властей уже не возвратились в Епископство. В Коммуне должен был решиться вопрос об отношении к Конвенту. Инициатива принадлежала самим депутатам, которых набат уже в 6 часов собрал в зале заседаний. Они потребовали, чтобы мэр явился в Конвент с

отчетом о положении в Париже. После непродолжительной борьбы в Коммуне решили подчиниться этому требованию. Затем в Конвент была послана специальная делегация повстанческого комитета, которая, даже не изложив основных требований восставших, обратилась к законодателям с призывом сохранять спокойствие. “Общественное доверие окружает тех депутатов, кто его достоин”⁹¹, - заявили делегаты. Это было официальное отмежевание руководства восстания от проектов роспуска Конвента и официальное признание его прерогативы, хотя фактические покушения на высшую прерогативу продолжались: отметим, например, попытку ареста министров Клавьера и Лебрена, подотчетных лишь Конвенту, или постановление повстанческого комитета о 30-миллионном налоге на богачей⁹². Заметим, что в тексте революционной присяги - и это не случайно - не говорилось ни слова о Конвенте.

Позиция лидеров якобинцев в данном вопросе была непреклонной. Они были единодушны в стремлении сохранить Конвент как высший орган власти. Отсюда постоянные утверждения якобинских лидеров - от Дантона до Эбера, что большинство Конвента “хорошее”, что его роспуск будет на руку контрреволюции. Эти взгляды разделяли большинство членов Коммуны, объединившейся с повстанческим комитетом. Между тем двусмысленность такой позиции в условиях восстания очевидна. Как сочетать уважение национального представительства с решимостью изгнать жирондистов, пользующихся поддержкой его большинства? Это противоречие обусловило и неопределенность в начале восстания и его затяжной характер.

План Варле придать Коммуне функции верховного органа был отклонен. А вместе с ним остался на бумаге сохранившийся в архивах интереснейший проект превращения повстанческого комитета в орган революционной диктатуры. В соответствии с проектом учреждался Центральный революционный комитет. Он должен был состоять из 10 бюро, которым надлежало заниматься вопросами связи с департаментами, полицией, общественными работами, законодательством, вооруженными силами и т.д. Комитет, по мысли автора проекта, оставшегося неизвестным, должен был “иметь главенство над всеми конституционными властями, но не мешать их деятельности”. Предполагалось, что этот верховный орган получит свои полномочия от секций, перед которыми он и останется ответственным. Комитету следовало подготовить восстание и действовать “до тех пор, пока республика будет в опасности”⁹³. Повстанческий комитет, объединившись с Коммуной, стал ее исполнительным органом. Число его членов днем 31 мая и в последующие дни значительно возросло. Часть была делегирована собранием властей парижского департамента в Якобинском клубе. Попытка властей департамента перехватить руководство антижирондистским движением у повстанческого комитета, возникшего в Епископстве, успехом не увенчалась. Его авторитет, признанный Коммуной, оказался сильнее, и власти департамента решили присоединить созданную ими “комиссию”, которой они вначале хотели

придать роль центрального органа, к комитету⁹⁴. Другие члены комитета были назначены Генеральным советом Коммуны.

Ядро Центрального революционного комитета (так стал называться повстанческий центр после перехода в помещение Коммуны) составили, выражаясь современным языком, профессиональные революционеры, энергичные и непосредственные руководители секций. Варле, Фурнеро, Луа, Маршан и другие члены Комитета проявили себя еще при свержении монархии. В состав революционной Коммуны, созданной в августовские дни 1792 г., входили Фурнеро, Ассенфрац, Бономме, Овре, Сеги, Крепен (или Грепен), Кейо, Бодре, Мёссар, Буэн⁹⁵. Почти все пережившие якобинскую диктатуру члены Комитета оказались в тюрьмах после 9 термидора. Некоторые продолжали борьбу и принимали участие в последних революционных выступлениях секций уже при Директории. В тот период подверглись преследованиям Митуа, Симон, Фурнеро, Женау, Ассенфрац, Сеги, Лойе, Крепен, Колонж, Мёссар. Фурнеро, Буэн, Крепен, Клеманс, Маршан, Женау были если не участниками, то во всяком случае людьми, близкими к бабувистскому движению⁹⁶.

Не обошлось и без случайных лиц, которые не проявили себя ни в восстании 31 мая - 2 июня, ни до него, ни в последующих событиях революции. Но и ядро Комитета не было однородным в политическом отношении.

Здесь были представлены и “бешеные” - Варле, Леклерк, и видные члены Якобинского клуба. Стремление покончить с властью жирондистов сблизило их, но тактические разногласия были разительными. Добсан, например, полностью солидаризовался с руководителями Коммуны, настаивавшими на том, чтобы восстание было “моральным”, мирной демонстрацией, призванной убедить членов Конвента в необходимости удаления из него лидеров жирондистов. Варле, несомненно, придерживался другой линии - Конвент должен быть заменен революционным органом, опирающимся на вооруженный народ, непосредственно на секции. Это означало прежде всего насильственное устранение “зараженной части” национального представительства как осуществление прерогативы над ним ноной власти. Несомненно, также, что у Варле была поддержка; судить о ее степени нет возможности, но по крайней мере такие энергичные члены Комитета, как Луа и Маршан, были радикальнее руководства Коммуны и в каких-то вопросах даже его антиподами.

Н.П.Фрейберг, первая в советской историографии отметившая “спорадическое возникновение” в Париже во все острые моменты революции особого (“третьего” наряду с Конвентом - Якобинским клубом, Коммуной - Клубом кордельеров) политического центра в виде “Центрального комитета - клуба в Епископстве”, связывала своеобразное направление в деятельности этого “третьего политического центра”, в том числе в период восстания 31 мая - 2 июня 1793 г., с “бешеными”⁹⁷. Когда говорят о влиянии “бешеных” на борьбу парижского плебейства, на секционное движение и отводят им исключительную роль в отдельных

событиях, будь то попытка антижирондистского выступления 9-10 марта или деятельность Центрального революционного комитета 31 мая - 2 июня, есть риск подмены понятия. Закрепившееся в историографии за “небольшой группой активных деятелей революции (Жак Ру, Варле, Леклерк, Лакомб и их сторонники), выступавших во главе плебейских масс Парижа в 1792-1793 гг.”⁹⁸, оно распространилось на значительно более широкую категорию. Непосредственных вожаков масс было намного больше. А.Собуль и В.Марков не случайно почуствовали необходимость ввести новые термины: “активист” и “агитатор”⁹⁹. Я.М.Захер тоже считал, что во время революции, с 1789 по 1795 г., вплоть до поражения в прериале III года, в народном движении Парижа существовало стойкое ядро, своего рода постоянные кадры. Он был уверен, что последовательное изучение под таким углом зрения серии F7 Национального архива, где хранятся личные дела лиц, подвергшихся в связи с теми или иными событиями революции полицейскому преследованию, принесет успех.

Мы не раз имели возможность убедиться, что каждому выступлению парижского плебейства, парижских секций весной 1793 г. предшествовала энергичная и целенаправленная агитация. Эти агитаторы редко соперничали с ораторами Якобинского клуба, заполняя в нем обычно ряды для публики. Гораздо чаще они выступали в Кордельерском клубе, некоторые были членами Коммуны. Но основная сфера их деятельности - секции, малоизвестные и неизвестные народные общества (вроде Общества защитников республики), которых в 1793 г. в Париже было очень много и о которых мы знаем очень мало. В решающие дни секционных выступлений из среды активистов - агитаторов выделялся организационный центр и проводилась необходимая подготовительная работа.

Большинство вожаков масс осталось в неизвестности, многие известны лишь по именам: их дела и мысли слились в безымянном, коллективном творчестве масс. Жак Ру, Варле, Леклерк, Лакомб оставались на авансцене во время всего высшего подъема секционного движения и, безусловно, не случайно. В этой среде секционных активистов, народных агитаторов они были яркими, последовательными защитниками интересов плебейства, глубже других сумели их выразить. Как люди образованные, с развитым политическим мышлением, Жак Ру, Варле, Леклерк влияли, конечно, на своих товарищей. Говорить о мере этого влияния трудно, считать его определяющим нельзя. В деятельности всей этой широкой прослойки вожаков секций была общая основа - чаяния городских низов. Это и определило сходство мотивов, единое направление их агитации и линии поведения в Париже, да и в других городах.

“Активисты” создали Комитет девяти, организовавший антижирондистское восстание, из них вышло большинство членов Центрального революционного комитета, руководившего им. В штабе восстания и за его пределами “активисты” олицетворяли действенное, боевое начало, которое восторжествовало, однако, не сразу.

В середине дня 31 мая был наконец согласован текст петиции, ставшей официальной программой восстания. Ее проект написал член повстанческого комитета Луа, и в основных чертах он воспроизводит то обращение “к представителям французского народа”, которое было зачитано в Якобинском клубе 19 мая, а в Коммуне 20 мая от имени Кордельерского клуба и Общества революционных республиканок¹⁰⁰. Автор обращения и его единомышленники требовали принятия “великих и действительно решительных мер” для спасения родины. Среди них назывались арест подозрительных, создание революционных армий и трибуналов во всех департаментах и др., но главное - обвинительный декрет против “государственных людей”, чистка Комитета общественного спасения, полное возобновление Исполнительного совета. Социально-экономическая часть обращения была разработана менее обстоятельно. Провозглашалось, что в Париже не должно быть неимущих, что нужно “искоренить нищенство” и “возвысить человека, нам подобного”, однако предлагались в основном лишь меры социального обеспечения. Достопримечательным исключением был проект наделения солдат и национальных гвардейцев после войны участками земли за счет владений эмигрантов и заговорщиков. Вот этого проекта в петиции, представленной 31 мая в Конвент, не оказалось. Зато сулившее непосредственный эффект предложение о выдаче пособия рабочим в тех местах, где хлеб стоил дороже 3 су за фунт, было развито в петиции. Руководство восстанием потребовало, чтобы хлеб стоил 3 су повсеместно и чтобы снижение цены было проведено за счет налога с богачей. Парижский плебс в тот момент добивался уже большего. Почти одновременно Конвенту была представлена петиция секции Санкюлотов, требовавшей введения таксы на все важнейшие продукты питания, пропорциональной “цене труда каждого”¹⁰¹.

Проект Луа был значительно смягчен. Исчезло, например, после редактирования Генеральным советом требование о чистке Комитета общественного спасения. И это не случайно. Лидеры якобинцев (и Марат, и Робеспьер) утверждали в то время, что состав Комитета заслуживает доверия и что его членам надо лишь дать возможность развить полезную деятельность. Борьба разгорелась вокруг главного - требования об аресте жирондистских лидеров.

В Конвенте лишь один Робеспьер мужественно поддержал его. Комиссар, представлявший эту петицию, доложил Генеральному совету, что “большинство Конвента не способно спасти общее дело” и что “народ может рассчитывать только на себя”¹⁰². Заявление вызвало среди участников заседания противоречивые чувства. Рушились надежды руководителей Коммуны, которые они пытались внушить руководству восстанием. Тогда выступил неназванный в протоколах гражданин и предложил “не тратить время на длинные разговоры”, а “принять самые быстрые и надежные меры”. Речь шла о непосредственном аресте жирондистских лидеров с помощью батальонов секций.

Оратору немедленно возразил Шометт, деликатно оценивший его “рвение и патриотизм”, но взывавший к “благоразумию”. Оратор не сдавался, и поддержать Шометта пришлось его заместителю (очевидно, Эберу), который, со своей стороны, осудил “нетерпеливость” и предложил подождать “до завтра”. Затем уже, не прибегая к дипломатии, выступил Паш, обрушившийся на “одержимых” и “глупцов, стремящихся ввести парод в заблуждение”. Но и на этом борьба не прекратилась.

Сторонники решительных мер пользовались серьезной поддержкой в Коммуне. И Шометту пришлось выступать против предложения об аресте жирондистов неоднократно. В конце концов он предостерег, “что, если кто-нибудь осмелится вернуться к этому предложению, он разоблачит (этого человека - А.Г.) перед тем самым народом, который аплодирует (возможно, речь шла о публике, присутствовавшей на заседаниях Коммуны - А.Г.), не зная, что он аплодирует своей гибели”¹⁰³.

В этот и последующие дни Шометт проявлял наибольшую активность, но отстаивать “благоразумную” линию ему было очень нелегко. Маршан писал впоследствии, во время суда над прокурором Коммуны, в Революционный трибунал, что “Шометт делал все, чтобы помешать этой славной революции, порочил систематически все меры, которые требовало общественное спасение, кричал, плакал, рвал на себе волосы и предпринимал самые яростные усилия, чтобы убедить, что Центральный комитет осуществляет контрреволюцию”¹⁰⁴. Хотя активный член повстанческого комитета, возможно, сгустил краски, его свидетельство не вызывает, по существу, сомнений. Среди бумаг Шометта сохранилась записка, характеризующая деятельность Генерального совета во время восстания. В ней, в частности, говорится, что “в течение двух дней он занимался только тем, что успокаивал вооруженных граждан, не понимавших, почему они бездействуют, тогда как, с другой стороны, он употребил все, чтобы укротить их вулканическую активность”¹⁰⁵.

Среди архивных документов мною было найдено еще одно свидетельство, подтверждающее оценку Маршана и показывающее, что в дни восстания Шометт с другими руководителями Коммуны явно спасовали, устранившись от ответственности быть вождями восставшего народа. В неопубликованных заметках М.А.Жюльена (близкого к Робеспьеру) есть такая запись: “31 мая Комитет общественного спасения боялся власти Коммуны... Один человек (агент Комитета общественного спасения - А.Г.) отправился к мэру и резко разговаривал с ним... Обнимались, сошлись на том, чтобы вскоре выработать конституцию и направить ее на рассмотрение народа, составить (Исполнительный - А.Г.) совет из монтаньяров, но пощадить жирондистов... Паш и Шометт со слезами на глазах предлагали свою отставку, если сочтут ее необходимой”¹⁰⁶.

Некоторые историки предполагают, что причиной проявленной слабости была неуверенность руководства восстания в отношении секций¹⁰⁷. Между тем имеющиеся документы свидетельствуют, что сначала авангард, а потом большинство парижских секций признало власть

повстанческого центра. Откликнувшись на призыв Комитета девяти и подняв народ, секции одна за другой стали присылать в Коммуну свои делегации для присутствия на ее заседаниях и принесения революционной присяги, что означало официальное признание повстанческой власти.

Выполняя распоряжения повстанческого центра, секции позаботились об охране застав и запрещении выезда из Парижа, поддерживали порядок, собрали свою вооруженную силу. Революционные комитеты некоторых секций проявили активность в обезоруживании и аресте “подозрительных”. Однако большинство комитетов, очевидно, не очень спешило с этим, и Центральному революционному комитету пришлось во второй половине дня 31 мая еще раз напомнить им об ответственности за выполнение этого распоряжения¹⁰⁸. Судя по секции Прав человека, в отношении повстанческих действий многие секции проявили себя не “инициаторами”, а скорее “воспринимающими” инициативу руководства восстанием¹⁰⁹. Но ведь это одновременно подтверждает силу влияния и авторитетность последнего.

Особенно убеждает полное отсутствие фактов открытого сопротивления распоряжениям повстанческого комитета. Даже секция Мельничного холма - твердыня прожирондистских собственнических элементов, утром 31-го не решилась прямо отказаться от выполнения предписания нового командующего национальной гвардией Анрио, а попросила отсрочки¹¹⁰.

Вооруженные граждане этой секции, к которым присоединились отдельные группы из других консервативных секций (Май, 1792 года), забаррикадировались в саду Пале Эгалите. Они боялись, что их разоружат, но и демократический Париж опасался, что эти “новые швейцарцы”, проявившие себя накануне восстания опорой жирондистского большинства Конвента, ударят, что называется, с тыла. Утром 31 мая повстанческому центру было сообщено, что “контрреволюционеры в секции Мельничного холма вооружаются и хотят силой отстоять свои решения”¹¹¹.

Это и было подоплекой¹¹² движения к Пале Эгалите огромной (по некоторым оценкам до 20 тыс.) толпы жителей Сент-Антуанского предместья. Сент-антуанцы окружили сад и выставили пушки. Положение оставалось напряженным в продолжение нескольких часов. У командира батальона секции Мельничного холма Раффе начался сердечный приступ, а это он был героем дня в отчетах жирондистских газет о событиях 27 мая, и его хотел арестовать Марат, когда в тот день Раффе со своим отрядом занял коридоры дворца Тюильри, в котором заседал Конвент¹¹³. Наконец, осажденные стали выходить безоружными и вступать в объяснения.

Осада закончилась братанием, но урок был настолько наглядным, что ни одна из консервативных секций по отважилась в последующие дни на открытое сопротивление повстанческой власти. “Мятежные” секции признали ее, прислав в Коммуну в течение 31 мая “патриотические” делегации. В этих секциях произошли “перевороты”, и к руководству пришли демократические элементы. Однако их позиции оставались очень слабыми. Революционный комитет секции Май не осмелился даже

арестовать людей, мешавших его деятельности. В секции Мельничного холма аресты также осуществлял Центральный комитет.

Прожирондистские зажиточные слои проявили себя и в других секциях. В секции Прав человека революционный комитет арестовал некоего Деона, который стал требовать у звонарей письменных распоряжений. Попытка помешать бить в набат была и в секции Общественного договора. Здесь развернулась ожесточенная борьба в связи с решением общего собрания 29 мая об “отправке всех аристократов в Вандею” - отзыв майской борьбы вокруг набора волонтеров для Вандейского фронта. “Аристократы” активизировались, и революционному комитету секции пришлось обратиться за помощью к “революционной комиссии девяти”, т.е. повстанческому центру. Делегация секции Пуассоньер вечером 31 мая сообщила, что вначале она поднялась вся, но затем “аристократия” возобладала над “патриотами”. На том же заседании Генерального совета разнесся слух, что секция Единства отказалась признать полномочия Анрио. Слух тотчас же опровергли, но опровергавший признал, что “незначительное число торговцев и лавочников этой секции отказывались принять общие меры общественного спасения”¹¹⁴.

В целом положение в Париже было, видимо, сложным. Ведь незадолго до 31 мая выступление прожирондистских зажиточных элементов потрясло даже такие твердыни антижирондистского движения, как секции Бон-Консей и Единства. Еще 24 мая якобинцы не были уверены в полной поддержке парижских секций¹¹⁵. Оттесненные все же накануне восстания от руководства большинством секций, зажиточные элементы могли проявить себя в самом ходе восстания. Располагая свободным временем, они были более мобильны и лучше вооружены; как правило, у них были ружья, тогда как у санкюлотов - пики. Поэтому Центральный революционный комитет был 31 мая очень серьезно озабочен тем, чтобы в секциях обезоружили и арестовали “подозрительных”¹¹⁶.

По той же причине предпринимались самые энергичные усилия изыскать средства для компенсации мастеровому люду, рабочему и ремесленнику, за время, которое он проведет под ружьем. Только мобилизация рабочего ядра национальной гвардии сулила успех антижирондистскому восстанию. И Центральный комитет и революционные комитеты плебейских секций превосходно понимали необходимость привлечения к активным действиям рабочих, как они говорили, - “самых надежных защитников свободы”¹¹⁷, значительная часть которых продолжала работать 31 мая.

Решительное выступление авангарда и недвусмысленное присоединение большинства парижских секций к восстанию сковало прожирондистские элементы. Заявив о признании повстанческой власти, они смогли отважиться лишь на скрытый саботаж ее решений в тех секциях, где остались у руководства¹¹⁸. В целом демонстрация намерений и мощи восставшего народа оказалась достаточно определенной и внушительной, чтобы вырвать у Конвента первые уступки. Была

упразднена Комиссия двенадцати, и разрешен вопрос о денежном вознаграждении неимущим участникам восстания.

Главный вопрос, однако, не был решен. Глубокое недовольство царило в антижирондистском лагере. “Общество далеко от мысли, что меры общественного спасения, принятые сегодня Национальным конвентом, достаточны для спасения родины”, - указывалось в обращении Якобинского клуба. В отчете повстанческого комитета говорилось лишь о “первом успехе”. В Коммуне, по свидетельству очевидцев (да и судя по протоколам), были очень раздражены неудачей. Обвиняя в ней Варле, Паш утверждал, что так будет всегда, когда дело доверят Варле.

Мэр стремился снять ответственность с руководства Коммуны, но это естественное стремление не подкрепляется фактами. План Варле был отвергнут уже ранним утром 31 мая, когда Коммуна приняла решение о подчинении Конвенту. Усилиями того же Паша, Шометта, Эбера при поддержке влиятельного члена повстанческого комитета Добсана планы сторонников насильственного устранения жирондистов были отклонены и восторжествовала “благоразумная” линия. Именно поэтому Эберу на следующий день, когда Варле, в свою очередь, стал обвинять в неудаче руководство Коммуны, пришлось расхваливать 31 мая как “один из самых прекрасных дней в глазах республиканцев”¹¹⁹. Однако, как мы знаем, большинство руководителей восстания, да, по-видимому, втайне и сам Эбер, были настроены менее восторженно. Марат написал прямо, что восстание “рассеялось, как дым”¹²⁰.

Конечно, руководство восстания должно было считаться с наличием секций, которые накануне восстания поддерживали жирондистов. Должны были привлечь во внимание и колебания в других секциях. Но прав Жорес, писавший по поводу событий 31 мая: “Без решительного побуждения. четкости и централизованности руководства народ не будет идти вперед, и революция, как дребезжащая и разлаженная повозка, застрянет в колее”¹²¹. Повстанческий центр, побежденный страхом лидеров Коммуны перед возможностью народного покушения на верховную институцию, не смог дать это “решительное побуждение”.

Умеренная линия продолжала господствовать в течение дня 1 июня. Лишь после 5 часов вечера был принят новый текст петиции в Конвент, выработанный Комитетом. Тем временем заседание Конвента закрылось, и руководство Коммуны оказалось в полном замешательстве. В этот момент и последовало вмешательство Марата.

Лидеры якобинцев понимали необходимость доведения борьбы до логического конца. Они чувствовали, по словам Левассера, что “ножны были отброшены далеко”. Если они опасались революционного насилия народа над Конвентом, то еще больше их страшила обнаружившаяся возможность неудачи восстания. И вот Марат, в наибольшей степени обладавший “мужеством противозаконности”, решил подтолкнуть руководство восстания к продолжению борьбы. Он пришел в Коммуну, когда в зале заседаний уже разгоралась дискуссия между сторонниками решительных действий и “благоразумными”. Председательствующий

попытался воспользоваться авторитетом Марата для подкрепления своих доводов о необходимости обращаться только к должностным лицам и придерживаться исключительно средств, предписанных законом. В ответ Марат заявил о законности восстания против представителей, злоупотребивших доверием народа. Он предложил представить петицию в Конвент (в Комитете общественного спасения ему обещали созвать вечернее заседание) и не уходить без окончательного ответа.

Отдавая должное революционной энергии Марата, нельзя согласиться с теми историками, которые утверждали, что восстание удалось столкнуться с наметившейся мертвой точки исключительно благодаря его усилиям. Факты говорят о широком недовольстве затяжкой восстания. По словам самого Марата, на улице его окружила большая толпа вооруженных граждан, “жаловавшихся” на недостаток энергии у Горы и требовавших ареста жирондистских депутатов. Комитет общественного спасения, куда заходил Марат, боялся “беспорядочного движения”. Подобные опасения были и у Паша, сопровождавшего Марата по дороге в Коммуну¹²².

Движение снизу нарастало и грозило захлестнуть отстававшую Коммуну. Едва успел Марат покинуть помещение Коммуны, как барабанщики в секции Бон-Консей подали сигнал сбора. Шометт попытался воспрепятствовать, однако бесполезно. Сигнал подхватили. Вооруженные граждане поспешили к местам сбора. Повстанческий комитет активизировал деятельность, Конвент был окружен. По инициативе Общества революционных республиканок принимались меры по обеспечению питанием батальонов секций, находящихся под ружьем. Но слишком мало депутатов оказалось в Конвенте, почти не было тех, кого хотели арестовать. И сам Марат предлагает перенести обсуждение требований восставших на следующий день¹²³.

Тем не менее произошел определенный перелом. Сторонники решительных мер получили перевес. Под их влиянием повстанческий комитет выработал план действий на 2 июня.

Вопреки энергичному сопротивлению Шометта и большинства Генерального совета планам ареста депутатов Комитет решает поручить командующему национальной гвардией “с утра окружить Конвент внушительными силами, так чтобы вожди клики могли быть арестованы в течение дня в том случае, если Конвент откажется удовлетворить требования граждан Парижа”. Предусматривался домашний арест жирондистских депутатов под наблюдением членов Комитета, и был составлен список с фамилиями 30 депутатов и указанием их адресов¹²⁴.

Основные мероприятия этого плана были оглашены в начале заседания Коммуны 2 июня и встретили “самое живое понимание”. “Единодушно” и без изменений был утвержден текст петиции, составленный Комитетом (Маршаном). Петиция заканчивалась очень энергично и недвусмысленно: “Делегаты народа, его самые жестокие враги заседают среди вас; их преступления вам достаточно известны. Мы приходим в последний раз, чтобы потребовать от вас суда над виновными; декретируйте немедленно, что они недостойны доверия нации. Арестуйте

их; мы отвечаем за них перед всеми департаментами. Народ Парижа устал ждать своего счастья; он еще в ваших руках, спасите его, или же, - заявляет он вам, - он сам спасет себя"¹²⁵. В ночь с 1-го на 2 июня по решению Комитета, одобренному Генеральным советом, в секции были посланы комиссары для поднятия боевого духа парижан. Но больше всего пришлось поработать Анрио со своим штабом. В течение ночи и утра он отдавал необходимые распоряжения и с полным правом мог заявить Коммуне, что "все посты надежно обеспечены и что более 40 предателей будут к вечеру арестованы"¹²⁶. В середине дня без набата и выстрелов сигнальной пушки Конвент был окружен "достаточно внушительной" силой. Свыше 80 тыс. вооруженных и невооруженных парижан пришли к бывшему королевскому дворцу. У центрального входа расположились канониры с пушками. Настроение авангарда санкюлотов было боевым: добиться декрета об аресте жирондистских лидеров "либо самим осуществить его"¹²⁷. Окружившие площадь батальоны секций не подчинились Конвенту и не позволили депутатам покинуть Тюильри, когда большинство их во главе с председателем попыталось сделать это. Вернувшись в здание, Конвент покорно проголосовал за арест жирондистов. Он понял, что "этого хотят обстоятельства"¹²⁸. Народное восстание победило.

Победа без победителя

"Победа без победителя"¹ - в этой оценке 2 июня 1793 г. Жюлем Мишле есть доля истины. Принятый в нашей историографии тезис о победе в ходе народного восстания якобинского блока верен постольку, поскольку соответствует действительности наше представление о последнем. События, последовавшие сразу за 2 июня, подтверждают, что он оставался объединением против общего врага социальных сил и политических группировок, движимых различными побуждениями. Происходившая в ходе восстания борьба между сторонниками морального воздействия на большинство Конвента и теми, кто предлагал насильственно устранить жирондистов, отражала противоположность двух позиций: либо Конвент - высшая национальная власть, которая священна и неприкосновенна, либо высшая власть - сам восставший народ.

Приверженцы прерогативы национального представительства, среди которых главную роль сыграли руководители Коммуны, добились своего. Опиравшийся на вооруженные секции, на восставших парижан, Центральный революционный комитет склонялся перед моральным авторитетом Конвента и неоднократно демонстрировал лояльность по отношению к нему. Но повстанцы своими действиями постоянно оспаривали прерогативу национального представительства, а заключительным актом 2 июня фактически переступили через нее.

Комитет общественного спасения, возглавлявшийся "находившимся на вершине Горы", но потенциальным "вождем Болота"² Дантоном, развернул 31 мая - 2 июня активную деятельность. Однако его усилия

были направлены отнюдь не на то, чтобы способствовать успеху антижирондистского выступления. Поскольку развитие событий вышло из-под контроля Конвента, Комитет пытался овладеть положением, противодействуя повстанческому руководству. 31 мая, вопреки распоряжениям последнего, Комитет общественного спасения принял решение об отправке почты и свободе выезда из Парижа. В тот же день в связи с попытками повстанцев арестовать министров Лебрена и Клавьера Комитет общественного спасения указал Генеральному совету Коммуны на недопустимость подобных действий. Его члены напомнили, что наблюдение за министрами поручено Конвентом Комитету общественного спасения, и заявляли, что не собираются ни с кем делить свои обязанности².

Члены Комитета упорно игнорировали Центральный революционный комитет, сносясь исключительно с конституционными властями города и департамента, от которых требовали ежедневного отчета о положении в Париже и принятых мерах. В свою очередь, члены повстанческого комитета враждебно относились к Комитету общественного спасения и считали необходимым его чистку. Только доверие, которое выражали ему якобинские лидеры, да, очевидно, непосредственное вмешательство руководства Коммуны заставило их отказаться от включения этого требования в программную петицию восставших.

Высшего накала отношения между лидерами Комитета общественного спасения и Центральным революционным комитетом достигли в середине дня 2 июня. Когда члены Конвента узнали о блокировании вооруженными повстанцами выхода из помещения, Барер произнес с трибуны яростную филиппику против повстанческого руководства. Активнейший член Комитета общественного спасения призвал немедленно "восстановить свободу национального представительства". Зажигательный призыв, увенчавший речь, полную клеветнических измышлений и угроз, поднял на ноги большинство членов Конвента. Попытка нескольких сот депутатов, включая монтаньяров, пробиться через окружение поставила восставших в щепетильнейшее положение. Лишь стойкость революционных батальонов парижских секций и их командного состава во главе с выдвинутым повстанческим комитетом на пост командующего национальной гвардией Анрио спасла дело и обеспечила успех восстанию. Восставшие победили вопреки лидерам Комитета общественного спасения, и Комитет предпринял усилия свести результаты восстания на нет.

К кому перешла власть, определилось не сразу. Интересно, что 3 июня депутат Друэ, посланный Конвентом для наблюдения за работой почты, пришел за указаниями не в Комитет общественного спасения, а в Коммуну, к членам Центрального революционного комитета.

Судя по мемуарам Гара, совместное с министрами заседание Комитета общественного спасения началось в тот день в обстановке растерянности и нервозности. Но вот на заседании появился мэр в сопровождении двух членов Центрального революционного комитета и заместителя Анрио, и - беспрецедентный случай - победители стали оправдываться за действия,

которые привели к победе. Они уверяли, что приказа о приближении к Конвенту и блокировании его выходов не было и что это произошло в силу инстинктивного “желания всех выйти из состояния неопределенности”. Мэр и сопровождавшие его лица заверили членов Комитета общественного спасения, что Конвент “пользуется всеобщим уважением и доверием” и что те, кто “наделен временно повстанческими полномочиями, сложат с себя власть и незамедлительно прекратят осуществление всех своих функций”³.

Вероятней всего, инициатором такого коленапреклоненного выражения лояльности был сам Паш, стремление которого вместе с Шометтом во что бы то ни стало сохранить уважение к закону и прерогативе Конвента 30, 31 мая и 1 июня подвергло риску дело восстания. У членов Центрального революционного комитета, сопровождавших мэра, вряд ли были полномочия на столь категорические заверения. В протоколе заседания комитета 3 июня говорилось лишь о поручении Луа и Дюнуи отправиться в комитеты финансов и общей безопасности (видимо, опечатка и речь шла о Комитете общественного спасения) для получения 500 тыс. ливров⁴.

Как бы то ни было члены Комитета общественного спасения осмелели настолько, что на том же заседании 3 июня предъявили руководству победоносного восстания форменный ультиматум. Они заявили посланцам, что предоставят средства, необходимые для выплаты компенсации неимущим гражданам за пребывание под ружьем 31 мая, 1 и 2 июня, лишь при условии, если Центральный революционный комитет сложит свои полномочия.

Декрет 31 мая, вырванный у Конвента первой волной восстания, сулил вознаграждение в 40 су тем повстанцам, которых пребывание под ружьем лишит заработка. После 2 июня в секциях развернулась интенсивная работа по составлению списков граждан, имеющих право на получение вознаграждения, но она была еще далека от завершения. Руководители восстания уделили большое внимание этому вопросу, и, очевидно, они считались не только с соображениями престижа.

4 июня на чрезвычайном собрании 19-й роты вооруженной силы секции Французского пантеона после замечания гражданина, что “чистота гражданского рвения” участников восстания будет запятнана, если они получают “вознаграждение за то, что явились на пост, на котором все французские республиканцы должны победить или умереть”, собравшиеся решили не принимать вознаграждения за службу 31 мая - 2 июня и в то же время поклялись “при всех обстоятельствах неизменно вдохновляемые своей честью и патриотизмом до последнего дыхания защищать республику единую и неделимую”⁵.

В тот же день на заседание Генерального совета Коммуны явились граждане секции Прав человека и заявили, что “вдохновляемые любовью к свободе и равенству, они никогда ни под каким видом не примут вознаграждения за службу родине, которую они поклялись защищать до последней капли крови”. Высоко оценив их порыв, вице-председатель

Генерального совета отметил, однако, что на такую самоотверженность способны лишь “ненуждающиеся” люди и “что патриот, которому бедность не позволяет отказываться от денег, может честно принять вознаграждение, обещанное декретами солдатам революционной армии”. “Тот, кто оказывает помощь родине, - продолжал он, - несомненно, имеет право получить ее, когда она необходима для его существования, и как самое минимальное за свою кровь он должен получить самую необходимую пищу... хлеб”⁶.

Что же можно сказать после этого о версии жирондистов и сочувствующих им историков, будто восставшие шли к Конвенту за подачкой, которую посулили организаторы восстания? Ситуация, запечатленная в документах, совсем не похожа на операцию выплаты жалованья наемному воинству за проделанную работу. Закономерно, что преобладающую часть заявок на получение вознаграждения представили секции, которые, по моей оценке, заняли накануне восстания антижирондистские позиции. Они, точнее 18 включенных в сводку** (из 30) антижирондистских секций, представили заявки на сумму 88 688 ливров - три четверти затребованных секциями денег. Антижирондистские секции представили списки примерно на 17280 человек⁷. Это косвенное свидетельство, что поведение секций в ходе восстания соответствовало в общем характеру их позиции, выраженной накануне 31 мая. Секции запрашивали деньги для действительных участников восстания, нуждавшихся в помощи. И то были, как видим, десятки тысяч людей.

Серьезные затруднения материального свойства возникли в связи с активным участием в восстании и у руководства ряда революционных секций. Секции Бонн-Нувель и Монтрей, например, исполняя распоряжение повстанческого руководства вечером 1 июня о снабжении вооруженной силы продовольствием, реквизировали у булочников и бакалейщиков немало провизии и теперь должны были возместить долг. И с этим членам Центрального революционного комитета приходилось считаться, тем более что они сами вышли из секционного актива и опирались на него. Дела секций оставались близки членам Комитета, а между тем позиции революционных элементов в руководстве ряда секций подверглись после 2 июня яростным и небезуспешным контратакам “умеренных”.

При решении своих проблем после 2 июня Центральный революционный комитет не упускал из виду, что приказ ударить в набат лишил заработка за эти дни многих санкюотов. Избранный из их среды и их представлявший комитет не мог уйти, не выполнив своих обязательств. Ультиматум Комитета общественного спасения был весомым аргументом, но решение о самороспуске мотивировалось иными соображениями.

Поведение “революционных властей Парижа” (Центрального революционного комитета и Революционного генерального совета - таково было официальное название Совета Парижской коммуны после наделения его новыми полномочиями 31 мая) в отношении Конвента и его ведущего органа - Комитета общественного спасения - и в последовавшие за

восстанием дни характеризовалось той же двойственностью, что 31 мая - 2 июня.

Уже на заседании Генерального совета Коммуны 3 июня Центральный революционный комитет предложил свою отставку, “чтобы не сохранять слишком долго неограниченных полномочий”. Одобрив отчет и высоко оценив деятельность комитета, Совет, судя по протоколам, никак не отреагировал на это предложение. “Возгласом негодования”, по свидетельству протоколиста, встретил Совет 4 июня сообщение о том, что городское самоуправление Парижа обвиняется в “желании захватить власть и установить диктатуру над всеми частями республики” и что “некоторые члены Конвента, особенно из Комитета общественного спасения, выразили свое беспокойство по этому поводу”. Тотчас решили принять обращение к Конвенту, декларирующее “истинные чувства парижан”, и в частности готовность “биться до смерти за свободу, равенство и неприкосновенность национального представительства” и “предать публичному осуждению любого человека, любую власть, любую секцию республики, которые захотели бы господствовать и диктаторствовать”⁸.

В то же время некоторыми своими действиями и решениями Генеральный совет Коммуны продолжал превышать конституционные, муниципальные рамки своих полномочий, вмешиваться в распоряжения и сферу деятельности национального представительства. Так, 3 июня, предположив, что жирондист Инар, сложивший с себя депутатские полномочия, “думает, несомненно, избежать декрета об аресте, который может быть против него принят”, Генеральный совет обращается к Центральному революционному комитету с тем, “чтобы арестовать всех депутатов, которые покинут свой пост в опасный для отечества момент”. На том же заседании распорядились послать дополнительно к каждому из арестованных жирондистских лидеров двух “настоящих санкюлотов”². Декретом Конвента жирондисты подлежали домашнему аресту под присмотром за каждым по одному жандарму. Эту меру в Коммуне сочли недостаточной, и действительно вскоре Бриссо и некоторые его сподвижники сбежали, чтобы поднять движение в провинции. Когда Центральный революционный комитет сообщил 4 июня о неудаче переговоров его представителей с Комитетом общественного спасения о выделении средств для выплаты компенсации участникам восстания, Совет принял решение направить четырех своих делегатов прямо в комитет финансов, в чем нетрудно увидеть попытку обойти Комитет общественного спасения.

Из протокола заседания Комитета общественного спасения того же 4 июня следует, что явившиеся вместе с мэром четыре члена Центрального революционного комитета “согласились с необходимостью сложить свои полномочия и предложили сделать это перед собранием, созываемым департаментом (администрацией Парижского департамента - А.Г.), в четверг (6 июня - А.Г.) или даже раньше, если будет выполнено обещание о вознаграждении национальных гвардейцев и граждан, находившихся под

ружьем 31 мая, 1 и 2 числа этого месяца”¹⁰. В протоколе заседаний Центрального революционного комитета от 4 июня нет записи об этой миссии, но есть письмо из Комитета общественного спасения от того же дня, которое подтверждает, что с членом Центрального революционного комитета Митуа была достигнута принципиальная договоренность относительно выделения денежных средств¹¹.

В то же время в протоколах повстанческого комитета сохранилась запись о том, что комитет 4 июня отверг предложение о “прекращении осуществления своих функций до собрания конституционных властей”. По некоторым свидетельствам, быстрее роспуска добивался наиболее видный в повстанческом органе представитель Якобинского клуба Ассенфрац. Он внес на рассмотрение комитета письменное заявление, под которым “заставил подписаться, застигнув врасплох, нескольких членов”¹².

Если повстанческое руководство твердо и бесповоротно решило сложить с себя полномочия на собрании, назначенном на 6 июня, то почему же буквально накануне было предложено распуститься до этого срока. Почему вопрос о роспуске приобрел неожиданную остроту? Вероятно, были колебания относительно полномочий повстанческого комитета, и городские руководители задумали передать решение вопроса на усмотрение собрания всех конституционных властей, комиссаров секций и коммун Парижского департамента, от имени которых и действовал Центральный революционный комитет. Находившийся в Коммуне комиссар секции Пик сообщил революционному комитету своей секции, что собрание созывается “для обсуждения вопросов, касающихся всех конституционных властей”, и секционный комитет нашел, что ввиду их важности “на собрании должны присутствовать все члены комитета, которым позволит время”¹³.

Работа Центрального революционного комитета еще 4 и 5 июня шла полным ходом, причем она оставалась деятельностью центрального и чрезвычайного, а не обычного местного органа власти. Его комиссары, к вящему неудовольствию Комитета общественного спасения, по-прежнему контролировали отправку писем и газет из Парижа, стремясь не допустить распространение в провинции враждебной информации о событиях 2 июня. Его члены, особенно Варле, рьяно занимались составлением обвинительного акта против арестованных жирондистов. Комитетом 4 июня было отдано распоряжение обезоружить арестованных жирондистов и усилить их охрану. К комитету обращались не только с просьбами навести порядок в той или иной секции, но и за указаниями, например, относительно проведения принудительного займа на своей территории¹⁴.

Общее собрание секции Хлебного рынка 4 июня призвало другие секции собрать комиссаров с неограниченными полномочиями в помещении Епископства в четверг (6 июня) в 10 часов утра для назначения центрального комитета из членов революционных комитетов секций (по одному от каждой). Таким образом, снизу ставился вопрос о воссоздании секционного центра в качестве полномочного революционного органа

власти. Одновременно некоторые члены Центрального революционного комитета, судя по проекту, сохранившемуся в его бумагах, стремились к сохранению его в качестве органа революционной диктатуры и после восстания - "до тех пор, пока республика будет в опасности"¹⁵.

Против таких тенденций и был резко заострен доклад Комитета общественного спасения, с которым 6 июня выступил Барер. Доклад Барера¹⁶ - очень важный документ, показывающий расстановку сил в "лагере победителей" буквально "назавтра" после восстания. Основную цель докладчик видел в восстановлении полновластия Конвента, основную угрозу в развитии революционных органов власти - в деятельности революционных комитетов, в самочинном расширении их полномочий и умножении их числа.

Не стесняясь в выражениях, Барер шельмовал местные комитеты как "инструменты анархии и мести". Центральный революционный комитет не был назван, но прозрачная фразеология не скрывала сурового осуждения докладчиком действий повстанцев и их руководства как покушения на прерогативу Конвента. Барер не решился дать общую характеристику восстания 31 мая - 2 июня, сделав несколько претенциозно беспристрастных замечаний о наличии и положительных и отрицательных сторон, о правомерности и той и иной реакции в стране. Пасуя перед оппозицией жирондистских департаментов, Комитет общественного спасения проявил склонность занять положение стороннего наблюдателя.

Комитет не выказал желания судить жирондистских лидеров. Накануне доклада, 5 июня, он предъявил Коммуне ультиматум: немедленно представить доказательства виновности жирондистов - в противном случае он заявит Конвенту, что таковых нет. Недаром в кулуарах Конвента накануне доклада Барера разнесся слух, что Комитет общественного спасения предложит амнистию жирондистских лидеров. Этого Комитет не решился сделать, но определенно взял курс на переговоры с восставшими жирондистскими центрами в провинции.

3 июня Комитет общественного спасения добился декрета об отправке своего члена Ленде в Лион, а Барер в своем докладе представил происшедший в городе переворот в благоприятном для мятежников свете. С тех же миротворческих позиций Барер попытался опровергнуть утверждения о контрреволюционном характере переворота в Марселе.

Зато всю свою непримиримость Комитет общественного спасения выказал в отношении левых сил, явно считая опасность с их стороны главной. Каждый из декретов, которые предложил Барер в заключение доклада, был ударом по идеям 31 мая, по организаторам и результатам восстания. Комитет общественного спасения устами своего докладчика требовал роспуска всех "чрезвычайных комитетов", кроме тех, что возникли в соответствии с декретами Конвента, а этим последним предлагал строго придерживаться круга вопросов, определенного законом. Тем самым лидеры ведущего комитета Конвента попытались пресечь стремление местных комитетов к самочинному расширению их функций, тенденцию к постепенному превращению этих революционных

органов в важнейшую из местных властей. Главной же заботой Комитета общественного спасения было воспрепятствовать самочинному созданию органов новой власти революционным народом и активистами, вышедшими из его среды, и уничтожить те, что уже возникли. Этот проект декрета был фактически направлен против Центрального революционного комитета, рожденного народным восстанием в Париже.

Как бы предупреждая возможное сопротивление, Комитет общественного спасения вторым законопроектом требовал запретить всем конституционным властям и национальной администрации признавать комитеты, созданные революционным путем, а гражданам, образующим вооруженную силу, подчиняться им. Стремлению обезоружить центральный комитет парижских секций и не допустить повторения событий 31 мая - 2 июня соответствовал и третий из серии декретов, предложенных Барером от имени Комитета общественного спасения. "Когда Национальный конвент, - говорилось в нем, - сочтет необходимым востребовать вооруженную силу, всякое другое распоряжение станет недействительным и командующий (национальной гвардией - А.Г.) должен будет исполнять только приказы, поступающие от Конвента". Четвертый из законопроектов требовал немедленного избрания командующего национальной гвардией Парижа в соответствии с законом вместо Анрио, назначенного повстанческим комитетом. А пятый грозил восьмилетним тюремным заключением за деятельность, подобную той, что занимались комиссары Центрального революционного комитета на почте. Последний же из серии законопроектов предусматривал посылку заложников из членов Конвента в департаменты, которых представляли арестованные жирондисты. Он грозил свести на нет непосредственные результаты восстания, ибо, по Бареру, из Горы и, естественно, наиболее видных ее лидеров надлежало избрать заложников по числу арестованных жирондистских лидеров.

Докладом Барера и предложенными декретами ведущий комитет Конвента уже через несколько дней после восстания подвергал сомнению его результаты и угрожал судом победителям. Возникшая опасность была замечена более дальновидными монтаньярами, и 8 июня они дали бой предложениям Комитета общественного спасения. Выступивший в числе первых Робеспьер в сдержанных, но четких выражениях разъяснил, что Комитет своим проектом льет воду на мельницу врагов революции, что предложенные меры вызовут волну реакции в самом Париже, где победа санкюлотов в ряде секций еще не упрочилась.

Для Робеспьера были неоспоримыми необходимость и спасительность народного восстания. В те дни он записал для себя: "Внутренние опасности исходят от буржуа; чтобы победить буржуа, нужно объединить народ. Все было расположено, чтобы навязать народу иго буржуа и погубить защитников республики на эшафоте. Они победили в Марселе, Бордо, Лионе; они одержали бы победу в Париже без нынешнего восстания. Нужно, чтобы нынешнее восстание продолжалось до тех пор, пока меры, необходимые для спасения Республики, не будут приняты.

Нужно, чтобы народ соединился с Конвентом и чтобы Конвент воспользовался помощью народа. Нужно, чтобы восстание распространялось все дальше и дальше...”¹⁷

Мысль об активизации народа для победы революции Робеспьер отстаивал в речи 8 июня: “Разве в то время, когда у вас не хватает мужества, мудрости и энергии для подавления внешних и внутренних врагов свободы, вы должны пытаться подавлять рвение и даже возбуждение патриотов? Разве в то время, когда повсюду оживились предатели, вы должны упразднить комитеты наблюдения, революционные комитеты, которые народ, уставший от измен, избрал с целью раскрыть заговоры и противопоставить действенную силу проискам аристократии?”¹⁸

Несмотря на шумное неодобрение правых депутатов и части Болота, Робеспьер, поддержанный монтаньярами, победил. Барер и Дантон заявили, что возьмут проект назад для переработки. Еще через несколько дней, после новых угрожающих сообщений о федералистских выступлениях, Дантон сам вынужден был прославлять восставший против жирондистов Париж: “Я заявляю перед лицом Франции, что, если бы не пушки 31 мая, если бы не восстание, заговорщики восторжествовали бы!”¹⁹. Хотя и в дальнейшем Комитет общественного спасения и лично Дантон подвергались все усиливавшейся критике слева, больше не было попыток занять положение третьей стороны между революционным Парижем и федералистскими департаментами, между участниками восстания 31 мая - 2 июня и жирондистами.

Тем временем Центральный революционный комитет ушел в отставку и был заменен Комитетом общественного спасения Парижского департамента, тоже революционным органом власти, но уже в муниципальном масштабе. Произошло это, вероятно, 6 июня. Поскольку протокол собрания властей департамента, перед которым отчитывался Центральный революционный комитет, не сохранился, А.Тюэте определяет дату его на основании свидетельства, выданного члену комитета Клемансу²⁰. Такое же свидетельство было выдано и Варле. В нем, судя по описи бумаг Варле, сделанной при его аресте 17 сентября 1793 г., администрацией Парижского департамента удостоверялось прекращение деятельности Центрального комитета, назначенного парижскими секциями для руководства революционным движением, и отмечалось, что он “хорошо послужил народу”²¹. Это свидетельство также датировано 6 июня. Однако автор монографии о Комитете общественного спасения Парижского департамента А.Кальве утверждает, что собрание, на котором Центральный комитет сложил свои полномочия, состоялось 8 июня²². Возможно, он ошибся, но не исключено, что собрание, состоявшееся 6-го, ввиду важности вопроса и отсутствия единого мнения было продолжено 8 июня.

Окончание “учредительного” периода, когда в Париже восстановилось единовластие Конвента и определилась в принципе монтаньярская “партийность” Комитета общественного спасения, совпало с началом обсуждения нового проекта конституции, подготовленного в

недельный срок специально присоединенной к Комитету группой депутатов (Эро де Сешель, Рамель, Кутон, Сен-Жюст, Матье). Несмотря на поспешность, с какой готовился проект, в нем нашли отражение завоевания революции, великие демократические идеи, и недаром конституция 1793 г. стала на многие десятилетия знаменем борьбы за демократию и социальный прогресс.

Однако конституция не носила абстрактного характера и не предназначалась заранее для лучших времен. Многие ее статьи были сформулированы под влиянием обстоятельств, в которых находилась республика, и хода политической борьбы. Матьез был, конечно, прав, когда назвал подчеркнутый в якобинском проекте Декларации прав священный характер народного восстания “ретроспективным оправданием 10 августа и 2 июня”²³. И ограничение случаев референдума и народных выборов (в сравнении с жирондистским проектом конституции) было, я думаю, в значительной степени продиктовано гражданской войной и влиянием федералистов, а также неприсягнувших священников на первичные собрания.

Под влиянием конкретной расстановки сил якобинский проект защищал права городских коммун в противовес департаментской администрации, находившейся в то время обычно в руках прожирондистских группировок. Наконец, как справедливо отмечает Матьез, монтаньярская конституция - тоже под влиянием сложившегося положения - была проникнута идеей верховной прерогативы национального представительства²⁴. Ей в жертву, в частности, были принесены широкие полномочия Исполнительного совета, предусмотренные в жирондистском проекте. “Монархизм министров”²⁵, которым возмущался Сен-Жюст, не только был ликвидирован, но закладывались предпосылки для превращения их в агентов законодательной власти.

Выступив в ходе прений против предложений о прямых выборах народом Исполнительного совета, Робеспьер сказал: “Если вы не признаете эту систему (изложенную в проекте Комитета общественного спасения. - А.Г.), вы скоро увидите, как в новой форме возрождается деспотизм и как отдельные власти, черпая в своем назначении характер представительства, объединятся для борьбы против нарождающегося великого национального представительства”. Еще более знаменательно выступление Робеспьера 18 июня против ограничения деятельности Национальных конвентов: “Закрепить в конституции срок существования национального представительства, которое создало конституцию, это значит забыть принципы народного суверенитета: к тому же Конвент созывается только в бурные времена, и, если вы закрепите за ним определенный срок существования, враги свободы сумеют сделать все, чтобы этот срок оказался пагубным”²⁶. Мы видим, что даже при разработке конституции, которая, по определению В.И.Ленина, является с точки зрения буржуазного демократизма не “новой формой классово-борьбы”,

а “абстрактным благом”²⁷, якобинцы стремились создать оптимальные условия для разгрома врагов революции.

В то же время социальные статьи конституции далеко не отличались радикализмом. Конечно, в социально-экономической области ярче всего проявляется ограниченность даже самых передовых буржуазных конституций.

Но в данном случае якобинцы отказались от некоторых своих ранее высказанных идей, В принятой 24 июня вместе с конституцией Декларации прав с молчаливого согласия Робеспьера отсутствовала ограничительная формулировка права собственности, предложенная им 24 апреля. Этот факт был отмечен как красноречивое свидетельство стремления лидеров якобинцев обрести поддержку собственнических слоев²⁸.

Политически отступление Робеспьера связано с курсом Горы на изоляцию жирондистов, курсом на то, чтобы лишить их социальной опоры, который проводился после 2 июня. В его рамках протекала деятельность Комитета общественного спасения. Можно предположить, однако, что лидеры Комитета думали при этом привлечь на свою сторону даже крупную буржуазию. Ведь внимал же благосклонно член Комитета Гаспарен уверениям, что “обстановка в Бордо зависит не столько от событий 2 июня, сколько от декрета о (принудительном - А.Г.) займе в один миллиард” и что “коммерсанты гораздо меньше держатся за тех или иных лиц, чем за свое добро”²⁹.

Очевидно, на это и рассчитывал Комитет общественного спасения, проводя политику “умиротворения”³⁰ федералистских департаментов. Заигрывая на первых порах с прожирондистской департаментской администрацией, Комитет общественного спасения и в дальнейшем, после 13 июня, постоянно чередовал угрозы с посулами. “Вести переговоры, выиграть время, примирить умы, дожидаться возвращения доверия к Конвенту”³¹ - такой план действий намечал для себя член Конвента Робер Ленде, посланный в Лион для наведения порядка. Жанбон Сент-Андре, избранный накануне в Комитет общественного спасения, в связи с критикой тактики Комитета в Якобинском клубе объяснял 17 июня, что идея переговоров принадлежала “нескольким очень энергичным членам Комитета и что она поддерживается мотивами, которые можно оправдать. Сочли нужным сблизить умы, прежде чем конституция объединит всех французов общими интересами”³².

Были ли у Робеспьера и шедшего за ним большинства якобинцев иллюзии подобного рода? Мы должны отрицательно ответить на этот вопрос. Нет никаких оснований подвергать сомнению цитированную запись, сделанную Робеспьером для себя. Да и на практике Робеспьер с первых дней выступал против тактики переговоров с администрацией Марсея, Бордо и Лиона, открыто обвинив их в контрреволюции (к возмущению большей части депутатов Конвента).

Но и Робеспьер подчеркивал в те дни необходимость единства, единства республиканцев, единства народа, единства “всех патриотов”, “всех друзей свободы”. И он возлагал большие надежды на конституцию в

борьбе с федералистами. Конституция - “таков наш ответ всем клеветникам, всем заговорщикам, обвиняющим нас в том, что мы хотим лишь анархии”, - говорил Робеспьер 10 июня. Он выразил уверенность, “что все друзья свободы сплотятся вокруг этого призыва, а интриганы не осмелятся продолжать свои вероломные действия, не обьявив себя врагами свободы, не доказав, что они хотели бы иметь тирана”³³. Перед нами вырисовывается как бы контур водораздела: кто за монтаньярскую конституцию - тот за революцию, кто против - тот ее враг.

В позиции парижских секций накануне восстания обращало на себя внимание, что скорейшего принятия новой конституции добивались преимущественно “умеренные”. Для них она означала конец “анархии”, однако не в собственном значении слова, а в переносном - конец революционным комитетам, революционным налогам, реквизициям, революционным трибуналам и т.п., одним словом, конец революции, которая развивалась в то время в виде подобных чрезвычайных мер и в создании чрезвычайных органов власти. Монтаньяры в лице Робеспьера, Марата, левых якобинцев - здесь вряд ли могут быть сомнения - не собирались отказываться от этой политики, обосновывая ее “законом общественного спасения”. Но они должны были учитывать, во-первых, то, что Конвент был созван в сентябре 1792 г. именно для разработки новой, республиканской конституции и, во-вторых, что конституция в глазах многих французов, особенно в провинции, являлась антиподом “анархии”, понимаемой как общественный хаос. Лозунг “борьбы с анархией” был знаменем федералистского мятежа, и Робеспьер так же, как его соратники, мог надеяться, что конституция, декретированная монтаньярским Конвентом, расстроит единый федералистский фронт, отколов от него, по крайней мере, низы буржуазии и другие демократические слои, попавшие под влияние прожирондистской крупной буржуазии.

Озабоченность поддержкой этих слоев была одним из принципов политики якобинцев. Когда 21 июня Конвенту был представлен проект принудительного займа, предусматривающий обложение налогом доходов в 1500 фр., Робеспьер, а вслед за ним Левассер из Сарты и другие монтаньяры воспротивились его принятию. Одним и, возможно, главным из мотивов, руководивших ими, была необходимость “щадить средние состояния”. “Речь идет сейчас о том, - говорил Робеспьер, - чтобы заставить богачей помочь государству в его чрезвычайных нуждах... Представленный проект слишком низко спускается по лестнице градации состояний. Как будто мы стараемся пощадить богатых за счет мелких пролетариев(!)”³⁴. Средние слои в отличие от “богачей”, т.е. крупной буржуазии, были для Робеспьера частью народа, который нужно было объединить.

Конечно, Робеспьер не мог забыть и о другой части народа - о низах. Когда 10 июня в Якобинском клубе Шабо критиковал проект конституции за невнимание к их интересам, вождь якобинцев заявил, что предложит “народные статьи”, которых нет в нем. И действительно, он добился

записи в Декларации прав пункта, обязывающего общество предоставить образование, труд и социальное обеспечение всем своим членам. Однако даже такие поправки не могли компенсировать отказа от ограничения права собственности. Это было прекрасно понято в левых кругах и явилось ближайшим поводом к выступлению “бешеных” с критикой монтаньярской конституции³⁵.

Явную уступку Робеспьера правым элементам можно объяснить тактическими соображениями. Отказ от регламентации права собственности согласуется с тем, какое значение придавали конституции якобинцы в сложной политической обстановке июня 1793 г. Подтверждение мы находим и в некоторых рассуждениях самого Робеспьера, в восприятии их его ближайшим окружением. Излагая смысл одной из речей Робеспьера в Якобинском клубе (видимо, 10 июня), М.А.Жюльен записал: “Эта конституция... не то, что нам нужно, но так как основы ее хороши и разработана она настолько хорошо, насколько возможно в настоящий момент, нужно присоединиться к ней”³⁶.

Брат Неподкупного Огюстен дал в одном из частных писем весьма сдержанную оценку конституции, ее реальному значению для народа и тому месту, которое она может занять в программе демократов. Но здесь же подчеркивалось, что ее немедленное принятие - настоятельнейшая задача дня. “Труды Конвента, которые вы приветствуете, - писал Огюстен 5 июля, - отнюдь не самое важное, он ничего не сделает для народа, если ограничится изданием конституции”. А далее: “Вы совершенно правы, считая, что нельзя допустить никаких прений по поводу конституционного акта, обстоятельства - крайние, и малейшая отсрочка может погубить республику. Парижане хорошо почувствовали это... Постарайтесь, чтобы коммуна Арраса приняла с тем же энтузиазмом, с тем же рвением конституцию, которая является необходимой точкой объединения. Я считаю плохими гражданами тех, кто воздвигнет малейшее препятствие ее принятию”³⁷.

Итак, главное - не содержание конституции, а ее принятие. Это акт лояльности монтаньярскому Конвенту, признание свершившегося 2 июня устранения жирондистских лидеров. Поэтому “никаких прений!”, ни “малейших отсрочек”, ни “малейших препятствий”, т.е. возражений, замечаний и поправок в адрес конституции. Представляя свой проект государственного устройства страны на референдум, монтаньяры ставили вопрос о доверии.

Умеренность позиций Неподкупного в июне 1793 г. была обусловлена не только общим положением в стране, но и внутриконвентской тактикой. Робеспьер высоко оценивал преобладание монтаньяров в Конвенте после 2 июня и всячески стремился оберегать и укреплять авторитет национального представительства и его ведущего органа. Не будучи еще членом Комитета общественного спасения и не определяя его политику, Робеспьер защищал курс Комитета в целом от критики слева. “Были моменты, когда я очень сурово судил этот Комитет, - говорил Робеспьер 14 июня, - но, рассмотрев серьезно его деятельность, я пришел к

убеждению, что он искренне желал спасения республики, и невозможно, чтобы люди, занятые выполнением срочных и в то же время многочисленных задач, не подвергались бы неожиданностям. Их надо судить по их трудам в целом, а не за отдельные действия”³⁸.

“Да, Комитет совершил ошибки, и я вместе с вами упрекаю его за них, - признавал он 8 июля накануне отставки “министерства Дантона”, - но от ошибок, в которых можно упрекнуть некоторых членов его, весьма далеко до изгнания всего состава в целом... Было бы непolitично в данный момент вызвать недоверие народа к этому Комитету, который нуждается в его полном доверии”³⁹. Робеспьер категорически возражал против нового нажима на Конвент снизу - с целью заставить его и Комитет общественного спасения, который в значительной степени оставался флюгером настроений в Конвенте, занять более принципиальную позицию в отношении департаментов, поднявших знамя федералистского мятежа, и по другим актуальным вопросам.

Это не укрылось от внимания наблюдателей. Так, агент министра внутренних дел Дютар, стремясь передать смысл речи Робеспьера 14 июня в Якобинском клубе, отмечал, что, по мнению Робеспьера, народ в “революции 31 мая сделал то, что он должен был сделать и что он мог сделать, и что нельзя допустить необдуманного выступления, так как оно подвергнет риску то, что было завоевано в результате священного восстания, что нужно дожидаться волеизъявления департаментов, предоставив им утвердить все то, что сделано для спасения народа”⁴⁰.

Речь Робеспьера имела, судя по сообщению Дютара, успех в клубе, да и в целом позиция Робеспьера находила поддержку большинства якобинцев. Это неудивительно, если учесть, что подлинная необходимость объединения всех сторонников революции трактовалась после победы народного восстания весьма расширительно даже в левоякобинских кругах. Первый вышедший после восстания номер газеты Эбера “Пер Дюшен” призывал богачей к объединению с санкюлотами, убеждая, что это в их же интересах и что восстание 31 мая - 2 июня не нанесло им никакого ущерба. И через несколько дней Эбер вновь напоминал о своих “советах богачам и беднякам держаться за руки, а не смотреть друг на друга ненавидящими глазами”. Ради такого единства требовалась большая умеренность политического курса, и не случайно Эбер обрушился 4 июня на Леклерка, предлагавшего террористические меры⁴¹.

С аналогичными призывами к единству и умиротворению выступал в те дни Шометт. На заседании Генерального совета 11 июня, когда представители прожирондистской секции Май пришли требовать освобождения своих активистов, арестованных в результате восстания 31 мая - 2 июня, он, выразив надежду на скорое возвращение секции в “лоно общей матери”, закончил призывом: “Побратаемся со всеми секциями... Нет, не будет гражданской войны в Париже!” За эту речь Шометт удостоился похвалы “умеренного” Дютара, который разглядел в ней стремление объединить все “партии”, т.е. группировки в парижских секциях⁴².

Широкое хождение в Париже имели идеи “братания” и с департаментами, выступившими против восстания 31 мая - 2 июня. Члены секции Бонди, присоединившейся к антижирондистскому движению еще накануне восстания, решили встретить приближавшиеся по слухам отряды федералистов без оружия, с оливковой ветвью в руках. В Клубе кордельеров некий гражданин потребовал от Конвента декрета, который призовет 3 тыс. парижан выйти безоружными из Парижа навстречу “братьям из департаментов, выступившим против этого города”, чтобы “обнять их”⁴³.

Подобные мнения выражались с трибуны Якобинского клуба даже в конце июня - начале июля. На заседании 30 июня Лекинье утверждал, что федералисты Бретани не враги. “Это не бывшие дворяне, привилегированные, - уверял он, - это санкюлоты, которые первыми совершили революцию. Я хорошо знаю, что они виновны, но причиной их проступка является заблуждение, в котором их легко разубедить”. Через несколько дней на новом заседании Руссийон стал уверять якобинцев, что “циркулирующие слухи о движении департаментов преувеличены и что жители департамента Эр выступят в поход только для того, чтобы обнять парижан”. Высмеявший его Тюрье потребовал, чтобы якобинцы перестали “тешить себя химерической надеждой на мир”, которого можно добиться “только силой оружия”. Но и в обращении, с которым Генеральный совет Парижской коммуны обратился 3 июля к секциям в связи с набором отряда против федералистов Эр, говорилось, что этот отряд выступит в поход “только для того, чтобы побрататься, чтобы просветить братьев из Эвре (центр департамента Эр - А.Г.) в их собственных интересах”⁴⁴.

“Объединимся вокруг конституции, которая будет для наших общих врагов головой Медузы, для нас всех портом спасения”, - писала 15 июня демократическая газета. “Забыть прошлое, объединиться под аркой конституции, которая остается единственным средством спасения в угрожающем нам крушении”⁴⁵, - призывала эта газета две недели спустя в связи с появлением брошюры Петиона. С призывом ко “всем санкюлотам Жиронды, Марселя, Финистера и всем честным малым из департаментов объединиться со своими братьями и своими добрыми друзьями из Парижа, чтобы дать клятву о защите повой конституции”⁴⁶, выступала в эти дни газета Эбера.

Лидеры Генерального совета Коммуны заодно с Робеспьером и другими монтаньярами считали, что конституция позволит сплотить самые различные общественные слои, что она может оказаться очень полезным средством в сложившейся политической ситуации, и потому придавали ей совершенно исключительное, самодовлеющее значение. Когда 15 июня делегаты секции Прав человека зачитали перед Генеральным советом Коммуны обращение в Конвент в пользу установления твердых цен на предметы первой необходимости, Совет по требованию Шометта предложил секции, чтобы “не отнимать у Конвента драгоценного времени”, подождать до окончания выработки конституции⁴⁷.

На другом заседании Совета после чтения Декларации прав один из членов сделал “небольшое замечание об одной статье”, сказав, что “она хороша”, но может быть “еще лучше”. Это невинное, казалось бы, пожелание вызвало резкий отпор Эбера, указавшего на опасность, которой чревата любая критика конституции. В ответ на обвинения, выдвинутые против секции Братства, чьи вожаки вступили в контакт с федералистами Эр и вели деморализующую пропаганду, Паш на заседании Генерального совета 10 июля сказал, что “секция Братства приняла конституцию и, следовательно, признала Конвент”⁴⁸. Конституция как символ единства значила в тот момент больше, чем ее реальное содержание, и поэтому, когда с критикой конституции за ее ограниченность выступили “бешеные”, последовал немедленный контрудар со стороны всех якобинских лидеров, и едва ли не самую активную роль здесь сыграл Эбер.

Конечно, призывы “Пер Дюшена” к объединению можно было воспринять и так, как их передал вездесущий Дютар. Санкюлоты, уверял его некий “якобинец”, не хотят сделать богачам, торговцам, собственникам “ничего плохого, но хотят заставить этих умеренных объединиться с ними, опустошить свои наполненные сундуки и продавать товары не так дорого”⁴⁹. Однако это было уже то понимание плебеями “революционных требований буржуазии”, которое превращало последние в свою противоположность⁵⁰.

Ярость контрудара якобинских лидеров предопределило именно то, что выступление “бешеных” грозило отпугнуть имущие слои, включая многочисленные низы тогдашней буржуазии. Не случайно в первых числах июля Жаку Ру пришлось объяснять, что, когда он требовал смертной казни против скупщиков, он был “очень далек от того, чтобы включать в этот бесчестный класс большое число бакалейщиков и торговцев, которые стали достойными одобрения своими гражданскими добродетелями и своей человечностью”⁵¹. И если Марат, Эбер и другие левые якобинцы резко критиковали Комитет общественного спасения, то причину надо искать не в том, что они выступали против курса на завоевание поддержки всех этих слоев, а в том, что лидеры Комитета доводили такой курс до крайности, до попыток блокироваться с жирондистскими кругами.

Стремление монтаньяров максимально расширить социальную базу выразилось не менее красноречиво в аграрном законодательстве Конвента после 2 июня. Жирондисты, поставив зимой 1792/93 г. в повестку дня аграрный вопрос, не смогли найти никакого решения, запутавшись в противоречивости интересов различных слоев крестьянства и буржуазии. Но весной 1793 г. на него обратили пристальное внимание монтаньяры. Ближайшим следствием изгнания жирондистских лидеров из Конвента явились декреты 3 и 10 июня.

Первый из них возобновлял приостановленную в ноябре 1792 г. распродажу эмигрантских земель и облегчал их приобретение малосостоятельным покупателям, восстанавливая платежи в рассрочку и требуя максимального по возможности дробления продаваемых земель.

Вторая статья декрета 3 июня гласила: “В тех местах, где нет общинных земель, подлежащих разделу, но где имеются земли, принадлежащие эмигрантам, из этих земель должно быть выделено по арпану^{***} земли каждому главе семьи, который владеет участком менее арпана или не владеет землей вовсе”. Участок предоставлялся с условием уплаты 5%-ной ренты. Декрет 10 июня предусматривал подушный способ раздела общинных земель и возвращение крестьянам той части этих земель, которую захватили феодалы, а последний в этой серии - “один из славнейших памятников французской революционной истории”⁵² - декрет 17 июля провозглашал уничтожение всех феодальных повинностей, в том числе сохраненных прежним законодательством, и сожжение документов, освящающих права феодалов.

Аграрные законы монтаньярского Конвента наносили завершающий удар по феодальным отношениям: “Всякий сеньериальный титул и сеньериальное притязание превращались из права, хотя и плохо защищаемого законом, в преступление, караемое по всей строгости революционного закона”⁵³. Декреты способствовали увеличению крестьянского землепользования в целом за счет частичной экспроприации земель дворянства. Не случайно все это оказалось не под силу жирондистам, принципиально и последовательно защищавшим узкоклассовые интересы буржуазии, включая тех ее представителей, что успели задешево скупить феодальные владения вместе с их рентами. Опубликование декрета 17 июля вызвало большое недовольство и протесты в этой среде. Поскольку большинство дворян постарались продать права на присвоение феодальных податей, провозглашенная декретом Конвента 17 июля безвозмездная отмена их наносит удар не первоначальным обладателям феодальной ренты, а “только купившим их в большинстве случаев простым гражданам”, - провозглашалось в одном из протестов⁵⁴.

Складывавшаяся в течение тысячелетия феодальная система глубоко укоренилась, пронизала все хозяйственные и имущественные отношения в деревне. Декретированное 17 июля сожжение феодальных грамот означало для бывших феодалов, а также других землевладельцев покушение на их частную собственность, ибо на грамотах зачастую записывались поземельные ренты. Да и сами эти ренты нередко были связаны с феодальными. Покушение же на частную собственность феодалов угрожало буржуазии не только непосредственно, не только тем ее представителям, которые занимали место дворян в деревне, но и всему классу как опаснейший прецедент. То было посягательство на “буржуазно-собственническое правосознание вообще”⁵⁵. Можно легко себе представить, какое возмущение буржуазии вызвал декрет якобинского Конвента, если более 100 лет спустя историк либерального направления Ф.Саньяк, характеризуя его, писал о “нарушении законных интересов”, “ограблении частных лиц” и “вопиющей несправедливости”⁵⁶.

Радикальное антифеодальное законодательство, задевшее интересы большого числа землевладельцев, частных собственников, буржуа, могло

быть осуществлено только революционными демократами. Декретами от 3, 10 июня и 17 июля 1793 г. якобинцы выразили интересы крестьянства в целом. Это сыграло большую роль в расстановке классовых сил в гражданской войне, охватившей страну, и в складывании революционно-демократической диктатуры. В отношении же удовлетворения интересов отдельных слоев крестьянства аграрное законодательство носило компромиссный характер. Декрет от 3 июня, облегчая дроблением земли и рассрочкой платежа приобретение эмигрантских земель крестьянами, в частности середняком, в то же время сохранил распродажу их с торгов, а вместе с ней сильную конкуренцию крупной городской буржуазии. Оставалось в силе и запрещение крестьянам покупать землю в складчину, что существенно ослабляло позицию крестьянства на торгах.

Декрет от 10 июня отвечал, как показал в специальном исследовании Е.Н.Петров, требованиям беднейшего и среднего крестьянства⁵⁷. Эти выводы согласуются с мнением французских историков Жореса, Лефевра, Риффатера, что из общинных земель наибольшую пользу извлекали, как правило, относительно крупные хозяйства, обладавшие значительным количеством скота. Любопытно, что секции города Флура (Канталь), призывая к отмене декрета от 10 июня, предлагали в то же время компенсировать “неимущую часть народа”⁵⁸. Едва ли не лучшее свидетельство, интересам каких слоев крестьянства отвечал декрет! Однако и здесь законодатели не были последовательны, отклонив как требования зажиточной верхушки о разделе общинных земель в соответствии с величиной земельного налога, так и требования бедноты о разделе, обратно пропорциональном земельной обеспеченности.

В конце апреля, в начальный период складывания якобинского блока, Марат требовал раздела общинных земель только среди неимущих с предоставлением им инвентаря⁵⁹. Отказ Марата от поддержки этого требования в июне нужно поставить в один ряд с отказом Робеспьера от выдвинутой им в тот же период формулировки ограничения права собственности, связать с общим курсом Конвента и позицией якобинцев после восстания 31 мая - 2 июня. Реальное значение второй статьи декрета от 3 июня, провозглашавшей принцип обеспечения землей беднейшего крестьянства за счет свергнутого класса, было, по мнению исследователей, небольшим⁶⁰.

Аграрное законодательство являлось важнейшим актом монтаньярского Конвента на первом этапе его существования. Оно завершало великий антифеодальный демократический переворот в интересах всего крестьянства. Большое внимание законодатели уделили малоимущему крестьянину, способному вести самостоятельное хозяйство, т.е. середняку; некоторые авансы получила крестьянская беднота. В деревне, как и в городе, монтаньярский Конвент стремился завоевать поддержку всех социальных слоев республиканской Франции, не оттолкнув по возможности ни один.

Другой вопрос, какие шансы на успех были у такой политики. Нараставшие антагонизмы внутри третьего сословия уже в середине июля

привели к свертыванию политики “умиротворения”. В стране образовалось демократическое большинство по образцу того, что явилось движущей силой антижирондистского восстания в Париже. Процесс становления якобинской диктатуры отразил складывание коалиции демократических сил - “низших слоев тогдашней буржуазии”⁶¹, крестьянства и плебейства, а также единство и противоречие их устремлений.

Заключение

Явилось ли 2 июня 1793 г. победой революции? Споры об этом идут до сих пор. У восстания нашлось мною врагов. Ближайшим следствием его был федералистский мятеж; больше половины департаментов Франции оспаривало устранение из Конвента жирондистской группировки. Попытались перечеркнуть результаты восстания термидорианцы, демонстративно восстановив в депутатских правах оставшихся в живых жирондистов. Во французской историографии 31 мая - 2 июня - самая непопулярная из дат революции. В XIX веке, прошедшем в ожесточенных боях с противниками республиканского строя, якобинцы осуждались уже за то, что объявили войну “бывшим товарищам - людям, совместно борющимся против короля”¹. Для республикански настроенных историков антижирондистское восстание стало главным образом иллюстрацией губительных раздоров между революционерами. О народном характере восстания постарались забыть. Даже такой историк-демократ, которому потомки обязаны сохранением многих документов - страниц истории народного, особенно секционного движения, как Жюль Мишле, поддержал жирондистские версии об апатии народа, о провокационных слухах, злонамеренно распушенных, чтобы поднять массы, о непонимании последними смысла восстания.

У современной “ревизионистской” историографии² претензии к 31 мая - 2 июня значительно масштабнее и откровеннее. Эти историки признают народный характер восстания и рожденной им якобинской республики; они осуждают именно участие народа в революции и ставят под сомнение ее целесообразность, справедливо отождествляя революцию с вмешательством масс в политику. Массы, по их убеждению, неизбежно вносят в борьбу нереальные устремления, утопизм порождает террор: “...насилие является логическим следствием невозможности претворить утопию в реальность”³.

Между тем связь насилия и утопии не столь проста. Фактически народный террор начался со взятия Бастилии, его первым систематическим применением стали сентябрьские избиения в тюрьмах, спровоцированные “патриотической тревогой” 1792 г., вторжением во Францию войск коалиции. Выявились некоторые народные предрассудки⁴, но ничего утопического в стремлении масс дать отпор контрреволюционерам не было. А были ли утопистами многочисленные и разнообразные противники санкюлотов, например те же жирондисты, ведь в их стремлении прибегнуть к насилию не приходится сомневаться.

Антижирондистское восстание было бескровным, победила сплоченность демократического большинства парижских секций. Но не будь восстания, уже в июне 1793 г. без якобинской диктатуры с ее террором и эгалитаристскими тенденциями восторжествовала бы настоящая термидорианская реакция. Вероятно, последствия такого развития событий были бы даже более страшными, поскольку жирондистам для победы потребовалось бы репрессировать не только вождей якобинцев, но и тысячи еще не сломленных централизованной властью секционных активистов. Пришлось бы для установления вождя Бриссо и его единомышленниками порядка стрелять в толпы городской и деревенской бедноты, требовавших не какой-нибудь “республики равенства”, а попросту хлеба насущного. Пришлось бы подавлять “жакерию”, ибо трезвым “государственным людям”, какими зарекомендовали себя жирондисты, не хватило дерзости “утопистов” якобинцев, чтобы разделаться с феодальным порядком.

Утопическое слишком часто отождествляют с реакционностью в идейно-политическом смысле слова. Но что было реакционным в “утопических” устремлениях противников жирондистов? “Бедняк ли, богач - всякое вообще сознательное существо стремится изменить положение вещей и совершает революцию только для того, чтобы жить счастливее”. В этих словах Шометта центральная для Просвещения идея прогресса. Готовы ли те, кто осуждает народное восстание и последовавший за ним период якобинской диктатуры, признать реакционность идеи прогресса? Нет, их суд признает прогрессивность буржуазного прогресса - экономический рост, утверждение крупного капиталистического хозяйства, безраздельность господства буржуазии. После 31 мая - 2 июня 1793 г. революция повернула против многочисленных и влиятельных слоев буржуазии, уравнительными устремлениями низов подвергла сомнению священность и неприкосновенность буржуазной собственности. Итак, с якобинской диктатурой революцию “занесло”, по выражению одного из лидеров “ревизионистского” направления Франсуа Фюре. Логично, если считать буржуазную революцию революцией буржуазии и для буржуазии. Но в Великой французской революции наряду с буржуазией, активнее и последовательнее ее участвовали городские низы и крестьянство. Следует ли ставить знак равенства между интересами буржуазии и интересами других общественных слоев, вершивших революцию, интересами в конечном счете всего французского общества?

Восстание в столице явилось победой прежде всего для самого многочисленного слоя французского общества - крестьян. Декреты 3 июня, 10 июня, наконец 17 июля 1793 г. оцениваются как “наивысшее завоевание революции в решении аграрно-крестьянской проблемы”⁵. Именно аграрное законодательство якобинского Конвента закрепило ликвидацию феодализма и переход, по словам Ленина, к “более высокому способу производства, к свободному крестьянскому землевладению”⁶. Декреты вызвали возмущение и ненависть буржуазии, осуждение многих

поколений либеральных историков. Современными “ревизионистами” они рассматриваются как доказательство консерватизма и даже реакционности якобинской диктатуры, ибо сохранение в качестве преобладающей формы мелкого крестьянского хозяйства и крестьянского мира с элементами общинной регламентации, по их утверждениям, замедлило экономическое развитие послереволюционной Франции. Экономический рост остается высшим критерием буржуазного прогресса. Но если в XIX и отчасти в XX в. крупное хозяйство, основанное на наемном труде, могло еще ассоциироваться с экономическим прогрессом, то вторая половина XX в. в развитых капиталистических странах все больше подтверждает высокую эффективность “семейных ферм”, сравнительно небольших хозяйств, основанных на семейном труде, который обрел новую технологическую базу.

К тому же современная жизнь наряду с экономическим ростом и экономической эффективностью выдвигает новые критерии. Например, экологический - кто способен причинить больший ущерб земле: наемник или хозяйствующий земледелец? И наконец, следует задуматься о судьбах людей, о человеческой стороне экономического прогресса. “Если наша аграрная эволюция, - размышлял выдающийся французский историк Жорж Лефевр, - не может гордиться таким же экономическим прогрессом, как аграрное развитие какой-либо из иных стран, она, по крайней мере, принесла меньше страданий, была более человечной. И это потому, что Франция знала крестьянскую революцию”⁷.

“Крестьянин во Франции стал человеком”, - резюмировал итоги Великой французской революции П.А.Кропоткин, отмечая одновременно общую демократизацию жизни, отличающую страну от ее соседей⁸. Воспитанию чувства собственного достоинства у простых людей в немалой степени способствовало секционное движение. Уже в разгар жесткой централизации власти секционный активист, один из “людей 31 мая”, мог потребовать от возомнившего о себе члена Конвента уважения: “Я такой же человек, как ты”. Это было естественно в среде, для которой Конвент оставался “собранием уполномоченных” народа и мог лишь выражать его волю, но не диктовать свою, для которой не могло быть более высокой власти, чем собрание самого народа, наконец, для которой освященное Конституцией 24 июня 1793 г. право народа на восстание было наивысшим мандатом.

Восстание 31 мая - 2 июня было глубоко патриотическим, а учрежденная волей народа якобинская республика явила в истории Франции ярчайшие образцы отпора иноземному вторжению. Восстание было ускорено нависшей над страной угрозой, пробужденная им энергия масс демократизировала армию, подняла боевой дух солдат. Снабженные самым необходимым⁹, республиканские войска разгромили и отбросили вооруженные силы коалиции. Народный отпор 1793 г. оказался настолько мощным, что вплоть до краха наполеоновской авантюры французская земля оставалась в неприкосновенности.

Есть, однако, в исторических судьбах антижирондистского восстания и трагическая сторона. Якобинская диктатура придала материальную форму устремлениям повстанцев, реализовавшись и в завершении антифеодального переворота, и в новой организации экономической жизни страны, и в системе революционного террора. В драматических коллизиях этого периода многое было утрачено либо искажено. Самое наглядное здесь - бюрократизация секций, демократическое самоуправление которых сделало возможным народное восстание. Общее собрание - высший орган секций весной 1793 г. - потеряло свое значение. Над ним был поставлен революционный комитет, который подчинялся сначала Коммуне, а затем - непосредственно Комитету общей безопасности Конвента. Созыв общих собраний был строго регламентирован, после чего упразднены секционные народные общества, которые создавались активистами, чтобы преодолеть паралич политической жизни в секциях, развивавшийся под влиянием этой регламентации. Наиболее радикальные секционные активисты подверглись репрессиям.

К концу периода якобинской диктатуры коренным образом изменилась моральная обстановка. Инициатива снизу искоренялась, насаждался дух раболепия перед властью, требовалось безоговорочное подчинение ее представителям. Провозгласив священным право народа на восстание, вожди якобинской диктатуры одновременно сделали все, чтобы 31 мая 1793 г. не повторилось. По злой иронии судьбы они пали жертвой своих усилий. Спротивление робеспьеристской Коммуны и части еще верных ей секций термидорианскому Конвенту без широкой народной поддержки и секционной инициативы оказалось безуспешным.

Буржуазный “реализм”, непоследовательность якобинской власти в осуществлении уравнилельных чаяний городской и деревенской бедноты, терроризм “реальной политики” жесткой централизации породили разочарование масс. Их апатия стала фактом истории революции - год спустя после описанных в книге событий, - облегчив осуществление реакционного переворота. “Великий страх” всех имущих слоев, ощутивших реальность уравнилельства, и их сплочение вокруг “новой буржуазии” перечеркнули в конце концов усилия городских низов и крестьянской массы, направленные на углубление и расширение социального содержания революции.

Примечания

(значительное количество упоминаемых текстов можно найти в нашей библиотеке)

Введение

1 Кареев Н.И. Парижские секции времен Французской революции (1790-1795). СПб., 1911. С.61.

2 См.: Манфред А.З. Великая французская революция. М., 1983; Ревуненков В.Г. Парижские санкюлоты эпохи Великой французской революции. Л., 1971; Он же. Парижская коммуна, 1792-1794. Л., 1976; Он же. Очерки по истории Великой

французской революции: Якобинская республика и ее крушение. Л., 1983; *Алексеев-Попов В.С., Баскин Ю.Я.* Проблемы истории якобинской диктатуры в свете трудов В.И. Ленина//Из истории якобинской диктатуры. Одесса, 1962. См. также: *Алексеев-Попов В.С.* Значение опыта Великой французской революции// Французский ежегодник, 1970. М., 1972.

3 О народном движении как “архетипе” якобинской диктатуры см. также: Гордон А.В. Классовая борьба и Конституция 24 июня 1793 г.// Французский ежегодник, 1972. М., 1974.

4 *Алексеев-Попов В.С., Баскин Ю.Я.* Указ.соч. С.35.

5 *Ленин В.И.* Полн.собр.соч. Т.32. С.216.

6 См.: *Манфред А.З.* Революционное правительство Центрального комитета национальной гвардии//Парижская Коммуна 1871 г. М., 1961. Т.1. С.297-338, особенно: С.306-310. Очень красноречива характеристика, данная А.З.Манфредом членам ЦК, которую с отдельными поправками можно распространить на руководивший восстанием 31 мая 1793 г. Центральный революционный комитет: “Это были люди не слова, а дела, не гнавшиеся за громкими подвигами, не позировавшие перед зеркалом истории, не искавшие для себя ни почестей, ни славы...” Они “обнаружили здравый смысл, верный революционный инстинкт, твердую волю, чувство долга и ответственности перед своими товарищами. Под ничем не примечательной внешностью... скрывались люди стальной закалки” (Там же. С.303).

7 Автор слов, ставших афоризмом, Сен-Жюст.

8 Недаром синонимами к современному термину “секционный активист” можно считать выражения “народный оратор” или “уличный агитатор”.

9 Завсегдатаями трибун Конвента были знаменитые “вязальщицы”, впечатляющий портрет одной из которых был создан Луи Давидом. Эти женщины из народа, совмещавшие интерес к политике с полезным для семьи занятием, очевидно, великолепно выполняли функцию информаторов народа о деятельности верховного органа революционной власти.

10 Сопровождаемые национальной гвардией толпы парижан и особенно парижанок, проделав 5 октября 1789 г. 30-километровый переход, ворвались в Версаль и добились переезда королевской семьи и Учредительного собрания в Париж, сорвав угрозу контрреволюционного выступления стягивающихся к Версалью роялистских сил.

11 См.: *Бабёф Г.* Соч.: В 4 т. М., 1976. Т.2. С.366.

12 Для историков Великой французской революции в прошлом левее якобинцев и ниже “уровня” руководителей Коммуны начиналась, говоря словами Жюль Мишле, “terra incognita”. Секционные активисты эпизодически появлялись в их трудах, но в качестве “доверенных лиц”, “приятелей”, “подручных”, а у консервативных и реакционных авторов попросту - “агентов” тех или иных якобинских лидеров, в основном Робеспьера и Дантона. П.А.Кропоткин вслед за Мишле вступился за этих “неизвестных”, отведя им самостоятельную роль вожаков народных выступлений. После труда А.Собуля эта точка зрения получила серьезное обоснование. Но споры о месте активистов парижских секций в революционной истории не утихают.

13 *Кропоткин П.А.* Великая французская революция, 1789-1793. М., 1979. С.141.

14 См.: *Кареев Н.И.* Парижские секции... С.7.

15 Захер Я.М. Парижские секции 1790-1795 гг. Пг., 1921; Он же. “Бешеные”. Л., 1930; Он же. Движение “бешеных”. М., 1961; Фрейберг Н.П. Декрет 19 вандемьера и борьба “бешеных” за конституцию 1793 г.//Историк-марксист. 1927. № 6; Сытин С.Л. Борьба плебейских масс Парижа во главе с Ру и Леклерком за удовлетворение своих социально-экономических требований в июле - сентябре 1793 г.// Учен. зап.

Ульян.пед.ин-та. 1956. Вып.8; *Далин В.М.* Грахх Бабёф накануне и во время Великой французской революции. М., 1962; *Markow W.* Die Freiheiten des Priesters Roux. В., 1967; *Rose R.B.* The Enrages: socialists of the French revolution? Carlton, 1965; *Soboul A.* Les sans-culottes parisiens en l'an II. P., 1958. Сокр. рус. пер.: *Собуль А.* Парижские санкюлоты во время якобинской диктатуры. М., 1966. См. также: уникальное досье секционного актива: *Soboul A., Monnier R.* Repertoire du personnel sectionnaire parisien en l'an II. P., 1985.

16 В отечественной историографии большее внимание привлекла роль секций 9 термидора. См.: *Кареев Н.И.* Роль парижских секций в перевороте 9 термидора. Пг., 1914; Захер Я. М. 9 термидора. Л., 1926; Добролюбовский К.П. Термидор. Одесса, 1949; *Киселева Е.В.* Парижская коммуна и секции 9 термидора// Французский ежегодник, 1981. М., 1983.

Революция в опасности

1 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т.37. С.266-267.

2 Archives parlementaires: Recueil complet des debats... Ser.1. In: 82 t. P., 1862-1913. Т.59. P.712; Т.60. P.20 (далее: AP).

3 См.: *Захер Я. М.* “Бешеные”. Л., 1930. С. 57.

4 AP. Т.60. P.17.

5 Revolutions de Paris. 1793. № 192.

6 Mercure francais. 1793. № 60.

7 Это решение было обнародовано секцией. См.: *Tourneux M.* Bibliographie de l'histoire de Paris pendant la Revolution francaise. In: 5 t. P., 1890-1913. Т.2, № 8329.

8 *Caron P.* Les “defenseurs de la Republique”//Revolution francaise. P., 1933. P.193-235.

9 Центр, парт. арх. Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Ф.223. Оп.1. Д.459 (далее: ЦПА ИМЛ).

10 См. опубликованный им ответ “Клеветникам из секции Сите” (*Tourneux M.* Op.cit, Т.2, № 8533).

11 Mercure francais. 1793. № 68.

12 *Tuetey A.* Repertoire general des sources manuscrites de l'his-toire de Paris pendant la Revolution francaise. In: 11 t. P., 1890-1914. Т.9, № 450.

13 Из текста воззвания секции Четырех наций (Единства). См.: Chronique de Paris. 1793. № 74.

14 *Mortimer-Ternaux.* Histoire de la terreur. P., 1867. Т.6. P.184.

15 *Robespierre M.* Oeuvres. P., 1958. Т.9. P.278-279.

16 *Марат Ж.П.* Избр.произведения. М., 1956. Т.3. С.260-264.

17 О приеме инсургентов в Якобинском клубе мы знаем чрезвычайно мало: секретари клуба избегали протоколировать сведения, которые могли дискредитировать клуб. Скорее всего, подобные сведения исключались при редактировании протокола. Видимо, поэтому в нем нет даже упоминания о речи Дюбуа-Крансе, давшего, по свидетельству министра юстиции Гара, отпор инсургентам.

18 Chronique de Paris. 1793. № 74.

19 Отпечатанное секцией обращение в Конвент от 9 марта см.: *Tourneux M.* Op.cit. Т.2, № 3828.

20 Характеризовать позицию секций 9-10 марта (как и в дальнейшем) очень трудно из-за гибели протоколов их собраний. Кроме свидетельств о присоединении к инсургентам названных секций, сохранились сведения об отклонении их призывов секциями Финистера и 1792 года, а также косвенные данные о лояльности Конвенту секций Сент-Антуанского предместья, удостоившихся благодарности

жирондистского лидера Верньо. Показательно, что в стороне от попытки восстания оказалась секция Гравилье. Очевидно, Жак Ру и близкие к нему секционные активисты рассчитывали легальным путем добиться осуществления программы, изложенной в петиции секции Гравилье 9 марта.

21 Это был костяк. Иногда людей прибавлялось. Недаром мэ́р Парижа Паш в сообщении Конвенту назвал сходки, организованные инсургентами, “значительными” (AP. Т.60. P.67).

22 Ibid. P.167.

23 *Buchez Ph., Roux P. Histoire parlementaire de la Revolution francaise: In. 35 t. P., 1836. Т. 25. P. 75.*

24 ЦПА ИМЛ. Ф.223. Оп.1. Д.358.

25 См.: *Лукин Н.М. Избр.труды. М., 1960. Т.1. С.396; Французская буржуазная революция 1789-1794 гг. М.; Л., 1941. С.305.*

46 Фурнье Американец (уроженец о-ва Сан-Доминго, французской колонии в Америке) не зарекомендовал себя политиком. Подобно Майяру, он был скорее предводителем толпы, чем руководителем секции. Историки упрекают его в авантюристических склонностях: возможно, он и возглавил разгром типографий (см.: *Boursier A.M. L'emeute parisienne du 10 mars 1793//Annales historiques de la Revolution francaise. P., 1972. № 208. P.214-215*). Весной 1793 г. он играл заметную роль в демократических кругах; не случайно домашним секретарем у него работал Бабеф (см.: *Бабеф Г. Соч. М., 1976. Т.2. С.363-366, 367-368*). Фурнье представил на заседании Конвента 17 февраля 1793 г. проект формирования шеститысячной “фаланги освободителей народов”, но натолкнулся на непреодолимое сопротивление старого генералитета, поддерживаемого военным министром Бернонвилем, и покровительствовавших им жирондистов. Так, в военном комитете Конвента на пути Фурнье встал Карра, “постоянно восхвалявший Дюмюрье” (ЦПА ИМЛ. Ф.223. Оп.1. Д.358). Характерно для предпосылок антижирондистского выступления 9 - 10 марта, что хождения Фурнье с проектом по инстанциям кончились тем, что он обрушился с критикой на Дюмюрье и других генералов на заседании Клуба кордельеров и принял активное участие в событиях.

27 *Олар А. Политическая история французской революции. М., 1938. С.525.*

28 *Robespierre M. Op. cit. Т.9. P.318-319.*

29 AP. Т.60. P.162-166.

30 *Robespierre M. Op.cit. Т.9. P.323.*

31 Клод Лазовский - поляк по происхождению, капитан канониров секции Финистера, возглавивший последнюю при свержении монархии. В его внезапной смерти 24 апреля 1793 г. обвинили жирондистов. Похороны стали демонстрацией единства всех демократических сил (монтаньяров, Коммуны, секций), свидетельством сплочения антижирондистского блока.

32 В черновике памфлета “Фурнье, американец - Марату” Фурнье иначе объясняет молчание Марата во время допроса Фурнье на заседании Конвента 13 марта. “Твой донос 12-го, - обращается он к Марату, - исчерпал запас твоей злости на меня. Поэтому тебе нечего было больше изливать 13-го” (ЦПА ИМЛ. Ф.223. Оп.1. Д.359).

33 *Robespierre M. Op.cit, Т.9. P.323-326.*

34 *Societe des jacobins: Rceueil des documents... In: 6 t. P., 1889-1897. Т.5. P.89 (далее: SJ)..*

35 *Robespierre M. Op.cit. Т.9. P.329-330.*

36 Ibid. P.345-350.

37 SJ. Т.5. P.125.

38 Из речи Робеспьера 1 апреля в Якобинском клубе. См.: *Robespierre M. Op.cit. Т. 9. P.354.*

39 *Tuetey A. Op.cit. Т.9. № 470.*

40 *Mortimer-Ternanx. Op.cit. P., 1868. Т.7. P.6-7; Chronique de Paris. 1793. № 94.*

41 *Tuetey A. Op.cit. Т.9. № 472.*

42 *Chronique de Paris. 1793. № 77.*

43 *Journal de la Montagne. 1793. № 32.*

44 *Buchez Ph., Roux P. Op.cit. Т.25. P.129-130.*

45 *Taetey A. Op.cit. Т.9. № 497.*

46 Генеральный совет 1 апреля распорядился выдать затребованные делегатами секций средства на организационные расходы. См.: *Moniteur. Reimpression de l'ancien Monilcng. In: 21 t. P., 1850-1854. Т.16. P.38.*

47 *Chronique de Paris. 1793. № 94.*

48 Демарш предпринял Траншеляхоссе, оспаривавший влияние будущего члена Центрального революционного комитета 31 мая - 2 июня парикмахера Пьера-Луи Мёссара, под руководством которого секция в течение марта - апреля несколько раз выступала в поддержку антижирондистских акций и социальных требований масс. Позднее эта секция вместе с секцией Мельничного холма стала опорой состоятельных слоев, ориентировавшихся па жирондистов.

49 AP. Т.60. P.654.

50 *Chronique de Paris. 1793. № 94.*

51 SJ. Т.5. P.118.

52 Из речи Марата в Якобинском клубе 31 марта. См.: *Марат Ж.П. Указ.соч. Т.3. С.281.*

53 *Le publiciste de la Republique francaise. 1793. № 163.*

54 *Tuetey A. Op.cit. Т.9. № 505.*

55 AP. Т.61. P.377.

56 *Марат Ж.П. Указ.соч. Т.3. С.263.*

57 *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.21. С.20.*

58 AP. Т.61. P.695.

59 *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.40. С.609.*

60 AP. Т.61. P.454-455.

61 Ibid. P.522-523.

62 *Robespierre M. Op.cit. Т.9. P.414-415.*

63 SJ. Т.5. P.127.

64 Отделение лидеров от общей массы депутатов-жирондистов тоже соответствовало тактическим установкам Робеспьера и Марата. См.: *Robespierre M. Op.cit. Т.9. P.370; Le publiciste de la Republique francaise. 1793. № 163.*

65 AP. Т.62. P.133-134.

66 Мишле и Жорес подчеркивают, что оратор, зачитавший в Конвенте петицию, был другом Дантона. Более достоверно, что Демулен уже 13 апреля предостерег прожирондистское большинство Конвента, что секции намерены потребовать устранения 22 жирондистских депутатов (AP. Т. 62. P. 30).

67 *Tuetey Л. Op. cit. Т. 9. № 520, 522, 533; Robespierre M. Op. cit. Т. 9. P. 419-421.*

68 Марат писал, что его сопровождали более 100 тыс. человек. См.: *Марат Ж. П. Указ. соч. Т. 3. С. 302.*

69 Агент Гара (ставшего к тому времени министром внутренних дел) доносил своему патрону в середине мая, что те, кто не кричал “Vive Marat!”, становились подозрительными для секционных комитетов. См.: *Schmidt A. Tableaux de la Revolution francaise. Leipzig, 1867. Т.1. P.225.*

70 *Histoire contemporaine de la France. P., 1911. Т.2. P.75.*

71 Recueil des actes du Comite de salut publique avec la correspondance officielle des representants en mission et le registre du Conseil executif provisoire. In: 27 t, P., 1889-1933. Т.2. P.468-471 (далее: RA).
72 Ibid. P.569.
73 Ibid. P.469.
74 Mathiez A. La Revolution francaise. P., 1924. Т.2. P.190.
75 Vovelle M. La mentalite revolutionnaire. P., 1985. P.80-81; см. также: Адо А.В. Крестьяне и Великая французская революция. М., 1987. С. 214, 232-239.
76 Ограничимся лишь несколькими названиями работ, с которых начался поворот в изучении восстания в Вандее: Bois P. Paysans de l'Ouest. Le Mans, 1960; Tilly Ch. The Vendee. L., 1964; Faucheux M. L'insurrection vendeeenne de 1793. P., 1964.
77 Faucheux M. Op.cit. P.330.
73 Gabory E. La Revolution et la Vendee d'apres des documents inedits. P., 1925. Т.1. P.206.
79 RA. Т.2. 551.
80 ЦПА ИМЛ. Ф.317. Оп.1. Д.310.
81 Faucheux M. Op.cit. P.248-255.
82 См.: Адо А.В. Указ.соч. С.215-252.
83 Les Comites des droits feodaux et de legislation et l'abolition du regime seignerial (1780-1793): Documents... P., 1907. P.777.
84 AP. Т.59. P.474.
85 Лефевр Ж. Аграрный вопрос в эпоху террора. Л., 1936. С.28.
86 AP. Т.63. P.192.
87 Матъез А. Борьба с дороговизной и социальное движение в эпоху террора. М.; Л., 1928. С.84.
88 AP. Т.58. P.475.
89 Ibid. P.301-303.
90 AP. Т.53. P.654. Петицию выборщиков департамента Сены и Уазы см.: Ibid. P.474-475.
91 Цит. по: Herriot E. Lyon n'est plus. P., 1937. P.89.
92 Riffaterre C. Le mouvement antijacobin et antiparisien a Lyon et le Rhone et Loire en 1793. Lyon, 1912. Т.1. P.356.
93 Mege F. Le Puy de Dome en 1793 et le proconsulat de Couthon. P., 1877. P.505.
94 Herriot E. Op.cit. P.342.
95 RA. Suppl. Т.1. P., 1966. P.191.
96 Ibid. P.130.
97 RA. Т.2. P.533.
98 AP. Т.28. P.330.
99 Moniteur. Т.15. P.702.
100 Brissot J.P. Sur la situation de la Convention nationale, sur l'influence des anarchistes et maux, quelle a causes, sur la nesessite de l'aneantir pour sauver la Republique//Brissot, depute du departement Eure et Loire a ces commettans, precede d'autres pieces... Londres, 1794. Pag. var. P.7.
101 Ibid. P.8-9.
102 Ibid. P.127.
103 Moniteur. Т.15. P.705.
104 Revolutions de Paris. 1793. № 192.
105 AP. Т.60. P.292.
106 RA. Т.2. P.532-534.
107 Robespierre M. Op.cit. Т.9. P.113.
108 Ibid. P.112 sqq.

109 Не случайно даже Марату, энергично выступавшему против неограниченной свободы торговли, понравилась речь Сен-Жюста. См.: Марат Ж.П. Указ.соч. Т.3. С.186.
110 Saint-Just L.A. Oeuvres... P., 1908. Т.1. P.373-385.
111 “Только страхом перед насилием можно вынудить выполнять свой долг алчных людей, спекулирующих на общественном несчастье”, - писал Марат 1 декабря 1792 г. в своей газете. И здесь же призывал показать “страшный пример скупщикам”, расправившись с несколькими из них (Марат Ж.П. Указ.соч. Т.3. С.187-188).
112 Brinton C. The Jacobins: An essay in the new history. N. Y., 1961. P.303-304,
113 Марат Ж.П. Указ.соч. Т.3. С.247-251.
114 Robespierre M. Op. cit. Т.5. P.324.
115 Tuetey A. Op.cit. Т.9, № 497, 524.
116 Может быть, Люлье не так уже преувеличивал, когда на угрожающие выкрики жирондистов отвечал, что демарш властей департамента предупредил образование “миллионного сборища”. Во всяком случае, власти были очень встревожены, и Люлье не скрывал этого; более того, он хотел, чтобы их тревога передалась членам Конвента.
117 Намек на то, что под давлением масс департаментские власти и комиссары Конвента, посланные для проведения воинского набора, стали прибегать к реквизициям, запрещали вывоз хлеба в соседние области и т.п.
118 AP. Т.62. P.621.
119 См.: Французская буржуазная революция 1789-1794 гг. С.386; Лефевр Ж. Указ.соч. С.49.
120 18 апреля в Якобинском клубе решили даже призвать департаменты воспротивиться обсуждению конституции до возвращения в Париж депутатов-комиссаров Конвента (среди которых преобладали монтаньяры). Однако Робеспьер не допустил принятия этого предложения. См.: Buchez Ph., Roux P. Op.cit. P., 1836. Т.26. P.55-60.
121 Еще накануне событий 9-10 марта Общество защитников республики заклеило жирондистский проект как антинародный и призывало ни в коем случае не допустить его принятия, “задушить, как ребенка, в его колыбели” (Mercure francaise. 1793. № 63).
122 См.: Захер Я.М. Движение “бешеных”. М., 1961. С. 92; Далин В.М. Грахх Бабеф накануне и во время Великой французской революции. М., 1963. С.522.
123 Robespierre M. Op.cit. Т.9. P.465-466.
124 Le publiciste de la Republique francaise. P., 1793. № 173.
125 Mathiez A. La vie chere et le mouvement social sous la terreur. P, 1927. P.187-188.
126 Лефевр Ж. Указ.соч. С.49.
127 В этом отношении от большинства лидеров якобинцев выгодно отличались руководители Парижской коммуны и администрация Парижского департамента. Работа в муниципальных органах, где Шометт, Люлье и другие левые якобинцы вплотную сталкивались с проблемой снабжения и иными вопросами материального свойства, очевидно, в немалой степени отразилась на развитии их взглядов. Они раньше и лучше монтаньяров, якобинцев в Конвенте, осознали необходимость принятия специальных мер в интересах бедноты. Возглавив народное движение за максимум, левые якобинцы сыграли большую роль в его победе и складывании антижирондистского демократического блока.
128 Robespierre M. Op.cit. Т.9. P.275.
129 Марат Ж.П. Указ. соч. Т.3. С.248.

130 *Baesch F.* Соч. Т.2. С.366.

131 Цит. по: *Матьез А. Французская революция.* М., 1930. Т.3. С.13. См. также: *Mazauric C. Jacobinisme et Revolution.* P., 1984.

* Одно из названий жирондистской группировки, поскольку во время суда Конвента над королем значительная ее часть добивалась “апелляции”, обращения к избирателям, что задержало бы вынесения приговора или даже сорвало бы осуждение Людовика XVI, если учесть, что “царистские иллюзии” изживались в провинции медленнее.

** Бывший дворец парижского архиепископа находился рядом с Нотр-Дам на территории секции Сите и после национализации церковных имуществ принадлежал Коммуне. Там заседало собрание выборщиков Парижского департамента, там же обычно собирались комиссары секций.

*** Т.е. в парижскую тюрьму для политических преступников.

**** Набор волонтеров по жребию напомнил крестьянам Вандеи дореволюционную милицию.

***** Слово “модерантизм”, т.е. “умеренность”, на языке того времени означало сопротивление “революционным мерам” и вместе с ними - углублению революции.

***** Барер после смягчения политики регламентации весной 1794 г. назвал максимум “подарком Питта”, английского премьер-министра, вдохновителя антифранцузской коалиции.

“Поход на Конвент”

1 *Lefebvre J.* Etudes orleanaises. P., 1962. Т.1. P.201.

2 Die Sansculotten von Paris: Dokumente zur Geschichte der Volksbewegung, 1793-1794. 13., 1957. S. 2. И позднее - “в первой половине XIX в сохранилось употребление слова “ouvrier” по отношению ко всем работникам физического труда в промышленности; в мелким собственникам и пролетариям” (*Кожокин Е.М.* Французские рабочие от великой буржуазной революции до революции 1848 года. М., 1985. С.40). См. также: *Monnier R.* Le Faubourg Saint-Antoine (1789-1815). P., 1981. P.10.

3 По контрасту отметим, что в специальной статье по продовольственному вопросу 27 апреля, в самый разгар движения за максимум, жирондистская газета предлагала возмущенным дороговизной хлеба массам культивировать картофель. См.: *Chronique de Paris.* 1793. № 117.

4 *Tuetey A.* Repertoire general des sources manuscrites... P., 1910. Т.9. P.IV. См. также: № 437, 447, 468.

5 *Матьез А.* Борьба с дороговизной и социальное движение в эпоху террора. М.; Л., 1928. С.111.

6 *Tuetey A.* Op.cit. Т.9, № 553; *Chronique de Paris.* 1793. № 122; *Courrier francais.* 1793. № 123.

7 *Chronique de Paris.* 1793. № 127.

8 *Tuetey A.* Op. cit. Т.9, № 548; *Chronique de Paris.* 1793. № 122.

9 25 мая комиссары Коммуны посланные для наведения порядка в секцию Арсенала, просили себе в помощь “людей с хорошими легкими” (*Chronique de Paris.* 1793. № 147).

10 “Modere” - термин, который наиболее часто в документах того периода означал противника санкюлотов.

11 *Courrier francais.* 1793. № 128; *Chronique de Paris.* 1793. № 127.

12 Die Sansculotten von Paris... S.18.

13 *Braesch F.* La commune du dix aout 1792. P., 1911. P.169-170.

14 *Chronique de Paris.* 1793. № 145.

15 *Braesch F.* Op.cit. P.17-18.

16 *Chronique de Paris.* 1793. № 143.

17 *Courrier francais.* 1793. № 153.

18 Глубоко прав был Жорес, когда, оспаривая утверждение Мишле об “отставке” народа - самоустранении от общественных дел, ссылаясь на секционную борьбу в мае. См.: *Жорес Ж.* Социалистическая история Французской революции: В 6 т. М., 1976-1983. Т.5. С.637.

19 *Schmidt A.* Tableaux de la Revolution francaise. Leipzig, 1867. Т.1. P.278, 343.

20 *Revolutions de Paris.* 1793. № 202.

21 *Алексеев-Попов В. С., Баскин Ю, А.* Проблемы истории якобинской диктатуры в свете трудов В. И. Ленина//Из истории якобинской диктатуры. Одесса, 1962. С.86; см. также: *Гусейнов Э. Е.* Исследования и споры о жирондистах в современной зарубежной историографии//Общественные движения и политическая борьба в странах Европы и Америки в новое и новейшее время. М., 1985.

22 *Courrier frangais.* 1793. № 135; *SJ.* Т.5. P.187-188.

23 *Robespierre M.* Oeuvres. P., 1958. Т.9. P.490-491.

24 *Schmidt A.* Op.cit. Т.1. P.246.

25 *Ibid.* P.242-245.

26 *Ibid.* P.202.

27 *Захер Я.М.* Движение “бешеных”. М.. 1961. С.94-95.

28 *Tuetey A.* Op.cit. Т. 9, № 606.

29 *Гюго В.* Соч.: В 15 т. М.. 1956. Т.11. С.163.

30 *Brissot J.P.* Sur la situation de la Convention nationale... L., 1794. P.6, 146 sqq.

31 Если “на национальное представительство будет совершено покушение, то я вам заявляю от имени... всей Франции: “Париж будет уничтожен; вскоре на берегах Сены будут разыскивать то место, где был этот город... Меч закона, на котором еще не засохла кровь тирана, готов пасть на голову каждого, кто осмелится возвыситься над национальным представительством”, - заявил председательствовавший в эти дни в Конвенте Инар. Подобные угрозы сыграли роль детонатора антижирондистских настроений в Париже. Жорес метко назвал заявление Инара “безрассудным переизданием манифеста герцога Брауншвейгского” (*Жорес Ж.* Указ.соч. Т.5. С.561).

32 *Tuetey A.* Op.cit. Т.9, № 609, 613, 634, 640.

33 *Schmidt A.* Op.cit. Т.1. P.251; *Tuetey A.* Op.cit. Т.8, № 2635.

34 См.: Речь о причинах несчастий Французской республики Жака Ру//Французский ежегодник, 1959. М., 1961. С. 549. См. также текст петиции секции Гравилье 27 мая 1793 г. (AP. Т.65. P.389-390).

35 *Courrier francais.* 1793. № 149; *Chronique de Paris.* 1793. № 148.

36 *Buchez Ph., Roux P.* Histoire parlementaire de la Revolution francaise. P., 1836. Т.27. P.239-244.

37 ЦПА ИМЛ. Ф.223. Оп.1. Д.380.

38 AP. Т. 65. P. 630; *Courrier francais.* 1793. № 150.

39 *Tuetey A.* Op.cit. Т.8, № 2622.

40 *Braesch F.* Op.cit. P.172, № 3.

41 *Захер Я.М.* Парижские секции 1790-1795 гг. Пг., 1921. С.31

42 *Histoire contemporaine de la France.* P., 1911. Т.2. P.95; *Calvet H.* Un instrument de la terreur a Paris. P., 1941. P.30-31, 158.

43 *Soboul A.* Leg sans-culottes parisiens en l'An II. P., 1958. P.24-27. Собуль не разделяет случаев “господства” и “влияния” “умеренных”. Поэтому в одной рубрике с прожиропдистскими секциями у него названы, например, секции Республики или Друзей отечества. О первой он пишет, что гражданин, который на

общем собрании секции 20 июня осудил позицию секций Елисейских полей и Мельничного холма 31 мая, был призван к “порядку дня”. Но в то время (см.: Победа без победителя) и руководители Коммуны выступали за “забвение прошлого” и “умиротворение”. Кроме петиции 30 мая, секция Республики присоединилась к антижирондистской петиции 27 мая и дала полномочия на создание повстанческого центра. В двух последних случаях с ней заодно была и секция Друзей отечества, о которой Собуль пишет, что “умеренные” здесь оказались “достаточно сильны”, для того чтобы устроить 1 июня просмотр протоколов революционного комитета в поисках “проскрипционных списков”. Видимо, им было чего бояться, и руководство секции пыталось рассеять их опасения. Подобные факты еще раз подтверждают, что восстание против жирондистского Конвента явилось следствием не только размежевания между демократическим большинством и прожирондистским меньшинством секций, но и ожесточенной борьбы в тех и других между “санкюлотами” и “умеренными”, которая не прекращалась в ходе восстания.

44 Значение этих данных отмечал Я.М.Захер. См.: *Захер Я.М.* Парижские секции... С. 34. Ссылается на них и А. Собуль. См.: *Soboul A.* Les sans-culottes... P.22.

45 Инициатива подачи петиции принадлежала секции Единства, к которой 28 и 29 мая присоединились другие секции (AP. Т.65. P.631-636).

46 *Buchez Ph., Roux P.* Op.cit. Т.27. P.257.

47 Они помогали другим секциям в майской борьбе и являлись авторами индивидуальных или коллективных петиций антижирондистского характера.

48 В этой секции происходили исключительно ожесточенные столкновения, но демократические элементы с помощью других секций взяли верх.

49 Эта секция особенно энергично выступала в защиту Эбера, который был ее членом. См.: AP. Т.65. P.480.

50 *Buchez Ph., Roux P.* Op.cit. Т.27. P.305. То, что секция Люксембургского дворца предоставила неограниченные полномочия повстанческому комитету, не оспаривает даже Мишле: *Michelet J.* Histoire de la Revolution franchise. P., 1889. Т.4. P.329.

51 *Buchez Ph., Roux P.* Op.cit. Т.27. P.312; *Tuetey A.* Op.cit. Т.8, № 2719.

52 *Schmidt A.* Op.cit. Т.1. P.336-337. Интересно, что повстанческий центр в документах этих дней очень часто называют “Центральный комитет 45 секций”. Иногда говорят о “трех мятежных секциях”.

53 *Tuetey A.* Op. cit. Т. 9, № 622, 630; *Buchez Ph., Roux P.* Op.cit. Т.27. P.202, 207; AP. Т.65. P.583, 635, 641.

54 AP. Т.65. P.498; *Soboul A.* Les saris-culottes... P.24.

55 Позиция остальных девяти секций была или слишком противоречива, или неясна из-за отсутствия каких-либо сведений.

56 *Braesch F.* Op.cit. P.20, 172-173.

57 Это были секции Республики (Руль), Пик (Вандомской площади), Хлебного рынка, Общественного договора (Почты), Бонн-Нувель, Друзей отечества (Понсо), Бон-Консей (Моконсей), Рывков (Марше-де-Инносай), Ломбар, Арси, Предместья Монмартра, Бонди, Монтрей, Кенз-Вен, Гравилье, Северного предместья (Сен-Дени), Гренельского фонтана, Единства (Четырех наций), Марселя (Французского театра), Красного креста, Люксембургского дворца, Французского пантеона (Св.Женевьевы).

58 *Сытин С.Л.* Борьба плебейских масс Парижа во главе с Ру и Леклерком за удовлетворение своих социально-экономических требований в июле - сентябре 1793 г.// Учен.зап. Ульянов.пед.ин-та. 1956. Вып.8. С.307-308.

59 *Soboul A.* Les sans-culottes... P.435.

60 *Braesch F.* Op.cit. P.14.

61 *Капеев Н. И.* Неизданные документы по истории парижских секций. СПб., 1912, С.84-85; *Braesch F.* Op.cit. P.16.

62 *Soboul A.* Les sans-culottes... P. 1091-1094.

63 *Мерсье Л.С.* Картины Парижа. М.; Л., 1935. С.209-211.

64 *Tuetey A.* Op.cit. Т.8, № 2705.

65 *Chronique de Paris.* 1793. № 154.

66 AP. Т.65. P.390.

67 *Robespierre M.* Op.cit. Т.9. P.536-537; *Buchez Ph., Roux P.* Op.cit. Т.27. P.297-298.

68 *Robespierre M.* Op.cit. Т.9. P.517.

69 SJ. Т.5. P.164.

70 *Манфред А.З.* Великая французская революция. М., 1983. С.313

71 Цит. по: Там же. С.311.

72 *Riffaterre C.* Mouvement anlijacobin... Lyon, 1912. Т.1. P.61.

73 Цит. по: *Матьез А.* Французская революция. М., 1928. Т.2. С.197.

74 *Buchez Ph., Roux P.* Op.cit. Т.27. P.297.

75 Отчет о заседании Генерального совета Коммуны 29 мая см.: Ibid. P.295; *Chronique de Paris.* 1793. № 152.

76 *Schmidt A.* Op. cit. Т. 1. P. 287, 316.

77 О заседании 29 мая в Епископстве см. донесения, полученные Комиссией двенадцати//*Buchez Ph., Roux P.* Op. cit. P., 1836. Т. 28. P. 125-128.

78 См.: *Жоpec Ж.* Указ.соч. Т.5. С.607.

79 Там же. С.610.

80 *Michelet J.* Op.cit. Т.4. P.329.

81 *See A.* Le proces Pache. P., 1911. P.147; *Tuetey A.* Op. cit. Т. 9. P. LIX.

82 За два часа своего председательствования на собрании Ришебраке (делегат секции Болота) успел заметить, что все меры “исходят от комитета”. См.: *Tuetey A.* Op. cit. Т. 9. P. LXXI.

83 *See A.* Op.cit. P.177-179; *Buchez Ph., Roux P.* Op.cit. Т.27. P.324. *Chronique de Paris.* 1793. № 152.

84 См.: *Тьер А.* История французской революции: В 3 т. СПб.; М., 1873-1875. Т.2. С. 324; *Dauban C.* La demagogie en 1793 en Paris. P., 1869. P.218.

85 *Michelet J.* Op.cit. Т.4. P.324, 334.

86 На заседании Генерального совета Парижской коммуны 5 мая 1793 г. (*Chronique de Paris.* 1793. № 127) отмечалось, что во время беспорядков в секции Единства членам революционного комитета удалось спасти протокол, содержащий подписи 1501 гражданина - более четверти всех граждан секции, имевших гражданские права, - поддержавшего антижирондистскую петицию от 15 апреля. 30 плювиоза II года члены секции Рынков протестовали против сжигания протоколов с подписями 600 (тоже около четверти лиц, имевших гражданские права) “храбрых республиканцев”, которые требовали в мае 1793 г. “наказания 32 заговорщиков”. См.: *Soboul A.* Les papiers de sections do Paris. P., 1950. P.13.

87 *Блан Л.* История Французской революции 1789 г.: В 12 т. СПб., 1907-1909. Т.8. С.295; *Saint-Claire Deville P.* La commune de l'an II. P., 1946. P.82.

88 *Michelet J.* Op.cit. Т.4. P.327.

89 *Buchez Ph., Roux P.* Op.cit. Т.27. P.323.

90 *Tuetey A.* Op.cit, Т.8, № 2670; *Buchez Ph., Roux P.* Op.cit. Т.27. P.355.

91 AP. Т.65. P.646.

92 *Tuetey A.* Op.cit. Т.8, № 2674.

93 Ibid. № 2644.

94 Текст постановления этого собрания см.: *Tourneux M.* Procès-verbaux de la commune de Paris. P., 1894. P.146-147.

95 *Braesch F.* Op.cit. P.245-262.

96 См.: *Далин В.М.* “Агент связи” Бабефа Дидье-Журдейль//Из истории общественных движений и международных отношений. М., 1957. С. 256. Фамилии членов повстанческого комитета 31 мая можно найти в списках лиц, которых бабувисты прочили в различные административные органы, см.: France, Haute cour de justice. Copie des pièces saisies dans le local que Baboeuf occupoit lors de son arrestation. P., an V. T.1. P.72, 75.

97 *Фрейберг Н.П.* Декрет 19 вандемьера и борьба “бешеных” за конституцию 1793 г.// Историк-марксист. 1927. № 6. С.146. Тире, поставленное Н.П.Фрейберг между словами “комитет - клуб”, в данном случае не соединяет, а разделяет, ибо спорадически возникавший в Епископстве центральный орган (комитет) секций не имел ничего общего с постоянно существовавшим в том же помещении клубом выборщиков Парижского департамента.

98 *Захер Я.М.* Движение “бешеных”. С.56.

99 *Markov W.* Robespierriens und Jacquesroutins//Maximilien Robespierre, 1758-1794. В., 1961. S.120.

100 Общество, руководимое К.Лакомб и П.Леон, проявляло большую активность в подготовке восстания и событиях 31 мая - 2 июня. См.: *Захер Я.М.* “Бешеные”. Л., 1930. С.186-196.

101 AP. T.65. p.652-656. Нереализованные пункты “программы 31 мая” вновь оказались в “повестке дня” спустя уже несколько недель после восстания и, став требованиями секционного движения в июле - августе, осуществлены в результате “плебейского натиска” 4-5 сентября 1793 г. См. об этом, кроме упомянутых работ Я.М.Захера, С.Л.Сытина, А.Собуля, В.Г.Ревуненкова: *Тонкова-Яковкина Р.М.* Движение народных масс Парижа 4-5 сентября 1793 г.//Из истории общественных движений и международных отношений. М., 1957. С.209-223.

102 ЦПА ИМЛ. Ф.320. Оп.1. Д.34/6.

103 *Buchez Ph., Roux P.* Op.cit. T.27. P.317-319, 321.

104 *Tuetey A.* Op.cit. T.9. P.CIX.

105 *Braesch F.* Papiers de Chaumette. P., 1908. P.182.

106 ЦПА ИМЛ. Ф.317. Оп.1. Д.51.

107 *Calvet H.* Op.cit. P.30.

108 ЦПА ИМЛ. Ф.320. Оп.1. Д.51. Отмечу, что первые же акции против “подозрительных” вызвали большой переполох среди “умеренных”. С этим явно связан упоминавшийся поиск “проскрипционных списков” в бумагах революционного комитета секции Друзей отечества.

109 *Slavin M.* The French Revolution in miniature: Section Droit-de-1'homme, 1789-1795. Princeton, 1984. P.148.

110 *Tuetey A.* Op.cit. T.8, № 2635.

111 *Chronique de Paris.* 1793. № 152.

112 Консервативные историки и даже Мишле подчеркивают значение слуха, что у запершихся в саду были замечены королевские эмблемы, и, приписывая его авторство руководителям восстания, доказывают, что только такими способами удалось поднять народ. Упускается из виду, что существовала почва для спонтанного возникновения слуха: прозвище “новые швейцарцы” говорит само за себя.

113 Когда в июне состоялись выборы командующего национальной гвардией, Раффе в первом туре получил больше голосов, чем Анрио. Таковы были реакция на деятельность Анрио 2 июня и популярность Раффе среди “умеренных”.

114 *Slavin M.* Op.cit. P.150; *Chronique de Paris.* 1793. № 152, 154.

115 SJ. T.5. P.204.

116 ЦПА ИМЛ. Ф.320. Оп.1. Д.34/4, 34/5.

117 *Tuetey A.* Op.cit. T.8, № 2728.

118 Пример - поведение секции Мольера и Лафонтена. См.: *Кареев Н.И.* Указ.соч. С.92-102.

119 *See A.* Op.cit. P.79; *Buchez Ph., Roux P.* Op.cit. T.27. P.319, 354-355.

120 *Марат Ж.П.* Указ.соч. T.3. С.306.

121 *Jaures J.* Histoire socialiste... P., 1904. T.4. P.1423.

122 *Марат Ж.П.* Указ.соч. T.3. С.307-308; *Buchez Ph., Roux P.* Op.cit. T.27. P.356.

123 SJ. T.5. P.222; *Chronique de Paris.* 1793. № 154; AP. T. 65. P. 689-690.

124 *Tuetey A.* Op. cit. T. 8, № 2755; T. 9: Introduction.

125 Недаром после прочтения петиции в Конвенте представитель Болота предложил декретировать временный арест жирондистских депутатов “ради их же спасения” (*Buchez Ph., Roux P.* Op.cit. T.27. P.360).

126 См.: *Кареев Н.И.* Указ.соч. С.100; *Tuetey A.* Op.cit. T.8, № 2768, 2769, 2829; *See A.* Op.cit. P.84, 94; *Buchez Ph., Roux P.* Op.cit. T.27. P.358, 370.

127 SJ. T.5. P.224.

128 *Buchez Ph., Roux P.* Op.cit. T.27. P.389.

* Это было тоже воскресенье, т. е. день, когда рабочие могли активно участвовать в секционных собраниях.

** В скобках даны названия секций, употреблявшиеся в августе 1792 г.

Победа без победителя

1 *Michelet J.* Histoire de la Revolution francaise. P., 1889. T.4. P.384.

2 RA. T.4. P.388-392.

3 Ibid. P.430-432.

4 *Tuetey A.* Repertoire general... P., 1909. T.8, № 2854.

5 ЦПА ИМЛ. Ф.320. Оп.1. Д.34/16.

6 Там же. Д.34/12.

7 Данные, опубликованные А.Кальве. См.: *Annales historiques de la Revolution francaise.* P., 1928. P.366-369.

8 *Moniteur.* P., 1854. T.16. P.558, 566-567.

9 Ibid. P.558-559.

10 RA. T.4. P.441.

11 *Tuetey A.* Op.cit, T.8, № 2903.

12 Ibid. № 2894.

13 Ibid. № 2925.

14 Ibid. № 2894, 2907, 2918.

15 Ibid. № 2644, 2922; *Calvet H.* Un instrument de la terreur. P., 1941. P.47-48.

16 *Moniteur.* T.16. P.583-584.

17 Матьез датирует эту запись днями восстания (см.: *Матьез А.* Французская революция. М.; Л., 1930. T.3. С.13). Однако сомнительно, чтобы она могла быть сделана раньше, чем стали известны окончательные результаты выступления народных масс в Париже и обстоятельства антидемократического переворота в Лионе, т.е. раньше вечера 2 июня.

18 См.: *Робеспьер М.* Избр. произведения: В 3 т. М., 1965. T.3. С.7-9

19 *Buchez Ph., Roux P.* Histoire parlementaire... P., 1836. T.28. P.201.

20 *Tuetey A.* Op.cit. T.9. P. GUI.

21 AN F7 477540. С этим документом я ознакомился по копии, сохранившейся в бумагах Я.М.Захера.

22 *Calvet H.* Op.cit. P.49.
23 *Mathiez A.* La constitution de 1793//Annales historiques de la Revolution francaise. P., 1928. P.514.
24 Ibid. P.511.
25 Из речи Сен-Жюста 24 апреля 1793 г.//AP. Т.63. P.203.
26 *Робеспьер М.* Указ.соч. Т. 3. С. 17-18, 22.
27 *Ленин В.И.* Поли.собр.соч. Т. 17. С. 346.
28 См.: *Сытин С. Л.* Политическая программа и тактика “бешеных” (Жака Ру и Леклерка) летом 1793 г.// Из истории якобинской диктатуры. Одесса, 1962. С.374.
29 RA. Т.5. P.160.
30 Тогда был распространен термин “accommodement”.
31 RA. Т.4. P.538.
32 SJ. Т.5. P.266.
33 *Робеспьер М.* Указ.соч. Т.3. С.10.
34 Там же. С.24.
35 См.: *Захер Я.М.* Движение “бешеных”. М., 1961. С.95-138; *Он же.* Жак Ру и якобинская конституция 1793 г.//Из истории якобинской диктатуры. С.317-344; *Сытин С.Л.* “Бешеные” и якобинцы после народного восстания 31 мая - 2 июня 1793 г.// Учен.зап. Ульянов.пед.ин-та. 1959. Т.15, вып.3. С.11-31.
36 ЦПА ИМЛ. Ф.317. Оп.1. Д.351.
37 Correspondence de Maximilien et Augustin Robespierre. P., 1926. Т.2. P.172.
38 *Робеспьер М.* Указ.соч. Т/3. С.15.
39 Там же. С.33.
40 *Tuetey A.* Op.cit. Т.9. P.224.
41 *Pere Duchesne.* 1793. № 243, 246; *Buchez Ph., Roux P.* Op.cit. Т.28. P.157-158. О позиции Эбера см.: *Ревуненков В. Г.* Парижская коммуна, 1792-1794. Л., 1976. С.90-98.
42 *Moniteur.* Т.16. P.622; *Tuetey A.* Op.cit. Т.9. P.216.
43 AP. Т.66. P.729; *Revolutions de Paris.* 1793. № 208.
44 *Journal de la Montagne.* 1793. № 31, 34, 36.
45 *Revolutions de Paris.* 1793. № 205, 207.
46 *Pere Duchesne.* 1793. № 246.
47 *Journal de la Montagne.* 1793. № 16.
48 *Moniteur.* Т.16. P.746; *Journal de la Montagne.* 1793. № 26, 41.
49 *Tuetey A.* Op.cit. Т.9. P.214-215.
50 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т.37. С.126.
51 Чит. по: *Soboula.* Les sans-culottes parisiens. P., 1958. P.64.
52 *Адо А. В.* Крестьяне и Великая французская революции. М., 1987. С.299.
53 См.: *Французская буржуазная революция, 1789-1794.* М.;Л., 1941. С.387-388, 390.
54 *Les comites des droits feodaux...* P., 1907. P.798-799.
55 *Адо А.В.* Указ.соч. С.303.
56 *Санъяк Ф.* Гражданское законодательство французской революции (1789-1804). М., 1928. С.128.
57 *Петров Е.Н.* Борьба за общинные земли и декрет Конвента 10 июня 1793 г.// Учен.зап. Ленингр.ун-та. 1940. Вып. 6. С. 158-190. Иной была точш зрения П.А.Кропоткина (*Кропоткин П.А.* Великая французская революция 1789- 1793. М., 1979. С.322).
58 *Riffaterre C.* Revendications economiques et sociales des assemblees primaires de juillet 1793//Commission de recherche et de publication des documents relatifs a la vie

economique de la Revolution: Bulletin trimestriel. 1907. № 4. P.333-334. См. также: *Гордон А.В.* Федералистский мятеж//Французский ежегодник, 1967. М., 1968. С.91.
59 *Publiciste de la Republique francaise.* 1793. № 173.
60 См.: *Адо А.В.* Указ.соч. С.334.
61 *Ленин В.И.* Полн.собр.соч. Т.28. С.401.
* Известная оценка Левассера.
** Данные неполные.
*** Около половины 1 га.

Заключение

1 *Кропоткин П.А.* Великая французская революция, 1789- 1793. М., 1979. С.306.
2 См.: *Адо А.В.* Буржуазная ревизия истории Французской революции XVIII в.//Социальные движения и борьба идей. М., 1982.
3 Чит. по: Там же. С.52.
4 “Революционное насилие, - пишет М.Вовель, - соединяет очень старые и совершенно новые стереотипы поведения; в своей спонтанности оно вписывается в традицию, в которой все акты жестокости мелкого люда соответствовали бесчеловечности репрессий” (*Vovelle M.* La mentalite revolutionnaire. P., 1985. P.83).
5 *Адо А.В.* Крестьяне и Великая французская революция. М., 1987. С.299.
6 *Ленин В.И.* Полн.собр.соч. Т.34. С.195.
7 Чит. по: *Адо А.В.* Крестьяне и Великая французская революция. С.364. В заключении монографии А. В. Адо в полемике с господствующим направлением в современной западной историографии опровергает точку зрения о реакционности “французского пути” аграрной эволюции.
8 *Кропоткин П.А.* Указ.соч. С.337.
9 И здесь парижские секции сыграли свою роль. Париж стал крупнейшим центром военного производства, а секции контролировали и подчас организовывали работу находившихся на их территории мастерских. Эта экономическая, или, как говорил Кропоткин, “производительная” деятельность секций в годы якобинской диктатуры развивалась в общем по нарастающей. Именно работа на оборону наиболее красноречиво свидетельствует, что, несмотря на ужесточившийся политический контроль, жизнь в секциях не замирала.